

ISSN 2686-7249

# ВЕСТНИК РГГУ

*Серия*

«Литературоведение.  
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

# RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.  
Linguistics. Cultural Studies”  
*Series*

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

6

2019

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

**RSUH/RGGU BULLETIN.** "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series  
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The journal is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

**10.01.00 Literary Theory:**

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

**10.02.00 Linguistics:**

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

**24.00.00 Cultural Studies:**

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

*Goals of the journal:* Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and cultural studies, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

*Objectives of the journal:* implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: batya-94@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

**10.01.00 Литературоведение:**

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

**10.02.00 Языкознание:**

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

**24.00.00 Культурология:**

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

*Цель журнала:* Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

*Задачи журнала:* осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: [batua-94@mail.ru](mailto:batua-94@mail.ru)

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

*P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

*D.I. Antonov*, Cand. of Sci. (History), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*P.M. Arkadiyev*, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation  
(*deputy editor*)

*O.L. Akhunova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*S.I. Baranova*, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

*L.V. Belovinskiy*, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

*J.D. Clayton*, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

*Yu.V. Domanskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*A.V. Dybo*, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

*N.P. Grintser*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*V.V. Gudkova*, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

*I.I. Isaev*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

*N.V. Kapustin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

*V.I. Kimmelman*, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

*A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*I.V. Kondakov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*G.Ye. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium

*M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Executive editor of the issue

*L.F. Katsis*, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

*П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

*Д.И. Антонов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*П.М. Аркадьев*, кандидат филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

*О.Л. Ахунова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*С.И. Баранова*, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Российская Федерация

*Л.В. Беловинский*, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

*Н.П. Гринцер*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*В.В. Гудкова*, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

*Ю.В. Доманский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*А.В. Дыбо*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

*И. Жетиковска*, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

*Г.И. Зверева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

*И.И. Исаев*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция

*Н.В. Капустин*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

*В.И. Киммельман*, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия

*Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада

*И.В. Кондаков*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

*Л.Ф. Кацис*, д-р филол. наук (РГГУ)

## Contents

*Yurii B. Orlitskii*

The rhythmic originality of the Osip Mandelstam cycle “Armenia” ..... 10

*Sergey G. Shindin*

From the “shadow environment” of Mandel’shtam: Ivan Aksenov (1910s) ..... 24

*Leonid F. Katsis*

O.E. Mandelstam, A.I. Svirsky, I.V. Evdokimov, D.D. Blagoy at the Herzen House: 1922–1933 (From the comments on “Fourth Prose” by O.E. Mandelstam:  
1) “...a certain Mitka the Good”; 2) “...the Lyceum bastard...”;  
3) “...permitted by the Bolsheviks for the benefit of science...”;  
4) “...is guarding in a special museum...”;  
5) “...the rope of the strangled Seryozha Yesenin”) ..... 47

*Galina A. Eliasberg*

“To hear... as the generation have heard...”: Autobiographical prose of O. Mandelstam in the context of Russian-Jewish literature and memoirs (1840–1930s) ..... 94

*Petr Kriksunov*

Multi-bottom life outside the law, or Jewish “inlays” by Mandelstam (notes of the translator of Osip Mandelstam in Hebrew) ..... 120

*Kseniya A. Rashkovskaya*

When a document becomes an exhibit: an analysis of the exhibition “‘Nostalgia for world culture...’: The Osip Mandelstam library” ..... 136

## Содержание

<i>Юрий Б. Орлицкий</i> Ритмическое своеобразие цикла Осипа Манделъштама «Армения» .....	10
<i>Сергей Г. Шиндин</i> Из «теневого окружения» Манделъштама: Иван Аксенов (1910-е годы) .....	24
<i>Леонид Ф. Кацис</i> О.Э. Манделъштам, А.И. Свирский, И.В. Евдокимов, Д.Д. Благой в Доме Герцена: 1922–1933 (Из комментариев к «Четвертой прозе» О.Э. Манделъштама: 1) «...некий Митька Благой»; 2) «...лицейская сволочь...»; 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки...»; 4) «... сторожит в специальном музее...»; 5) «...веревку удавленника Сережи Есенина») .....	47
<i>Галина А. Элиасберг</i> «Услышать... как слышало поколение...»: Автобиографическая проза О. Манделъштама в контексте русско-еврейской литературы и мемуаристики (1840–1930-х гг.) .....	94
<i>Петр Криксунов</i> Многодонная жизнь вне закона, или Еврейские «инкрустации» у Манделъштама (заметки переводчика Осипа Манделъштама на иврит) .....	120
<i>Ксения А. Рашковская</i> Когда документ становится экспонатом: анализ экспозиции выставки «“Тоска по мировой культуре...”: Библиотека О.Э. Манделъштама» .....	136

УДК 82.09-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-10-23

## Ритмическое своеобразие цикла Осипа Мандельштама «Армения»

Юрий Б. Орлицкий

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, ju\_b\_orlitski@mail.ru*

*Аннотация.* Цикл Осипа Мандельштама «Армения» (1930), как показывает внимательное изучение его метрического репертуара и ритмической композиции, занимает в творчестве поэта совершенно особое место. В нем зрелый мастер демонстрирует владение всеми типами современного ему стиха, включая и наиболее радикальные, опровергая тем самым общее мнение о традиционности его стихосложения. Важное место в творческой палитре автора «Армении» занимают расположенные в середине цикла стихотворения, написанные сложными типами версификации: так называемыми стихами с переменной анакрусой, гетероморфным и свободным стихом; в статье подробно рассматриваются этапы освоения Мандельштамом русского верлибра.

*Ключевые слова:* стихотворная поэтика Мандельштама, метрический репертуар, стихи с переменной анакрусой, гетероморфный стих, свободный стих

*Для цитирования:* Орлицкий Ю.Б. Ритмическое своеобразие цикла Осипа Мандельштама «Армения» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 10–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-10-23

## The rhythmic originality of the Osip Mandelstam cycle “Armenia”

Yurii B. Orbitskii

*Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia, ju\_b\_orlitski@mail.ru*

*Abstract.* Osip Mandelstam’s cycle “Armenia” (1930), as a careful study of his metric repertoire and rhythmic composition shows, occupies a completely special place in the poet’s work. In it, a mature master demonstrates the

---

© Орлицкий Ю.Б., 2019

possession of all types of contemporary poetry, including the most radical ones, thereby refuting the general opinion about the traditional character of his versification. An important place in the artistic palette of the author of “Armenia” is occupied by the poems from the middle of the cycle, written by complex types of versification: the so-called verses with variable anacrusis, heteromorphic and free verse. The article discusses in detail the stages of Mandelstam’s mastering the Russian free verse.

*Keywords:* verse poetics by Mandelstam, metric repertoire, verses with variable anacrusis, heteromorphic verse, free verse

*For citation:* Orlitskii, Yu.B. (2019), “The rhythmic originality of the Osip Mandelstam cycle ‘Armenia’”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 10-23, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-10-23

Известно, что циклические образования разного типа крайне редко встречаются в поэзии Мандельштама (за исключением его так называемых «двойчаток» и «Восьмистиший», в любом случае представляющих собой не вполне обычные способы циклизации), и путевой цикл 1930 г. «Армения» уникален уже поэтому; в авторскую композицию этого сверхтекстового единства, впервые напечатанного в 1931 г. в «Новом мире», входит 12 (а если считать авторский эпиграф, в некоторых ранних редакциях выступающий как первое стихотворение цикла, – 13) стихотворений. Кроме того, непосредственно к циклу примыкает еще несколько (как минимум три) законченных «армянских» стихотворения этого же года и несколько незавершенных отрывков, впервые опубликованных И. Семенко [Семенко 1997].

Примерно тогда же, в 1931–1932 гг., Мандельштам пишет, а в 1933 г. публикует прозаический очерк «Путешествие в Армению», некоторые страницы которого очевидно перекликаются со стихотворным циклом и примыкающими к нему стихотворениями; все это вместе целесообразно рассматривать в качестве ближайшего (в том числе и ритмического) контекста нашего стихотворного цикла.

Но сначала несколько слов об особенностях публикации «Армении», которые имеют непосредственное отношение к нашей теме. Как уже говорилось, впервые он был напечатан в «Новом мире» с подзаголовком «Двенадцать стихотворений», без эпиграфа и с тремя перестановками соседних стихотворений (2 и 3, 9 и 10 и 11 и 12) по сравнению с каноническим текстом<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 501.

Спустя 35 лет цикл был републикован И. Семенко в «Литературной Армении»<sup>2</sup> и затем со ссылкой на него перепечатан в первом томе «американского» «Собрания сочинений» (Г. Струве и Б. Филиппова) в 1967 г. с добавлением эпитафии в качестве первого стихотворения цикла. Здесь же, непосредственно после цикла, напечатаны примыкающие к «Армении» стихотворения «Колючая речь араратской долины...», «Как люб мне натугой живущий...» и «Дикая кошка – армянская речь...», а также в подборке «Отрывки из уничтоженных стихов» под номером 1 – еще одно очевидно «армянское» стихотворение «В год тридцать первый от рожденья века...». В конце тома, как положено, помещены краткие комментарии о цикле. Так сложилась практика публикации «Армении» в русских изданиях сочинений поэта.

Затем в знаменитом томе «большой серии» – «Библиотеке поэта» 1973 г. (том самом, «синем с предисловьем Дымшица», как описал его С. Гандлевский) цикл вновь напечатан без эпитафии, который комментатор книги Н. Харджиев называет «вступительным четверостишием»<sup>3</sup>, но несмотря на это включает только в комментарии; здесь же стихотворения «Как люб мне натугой живущий...» и «Колючая речь араратской долины...» впервые определены как «примыкающие к циклу “Армения”»<sup>4</sup>.

Снова без эпитафии печатается текст и в «Сочинениях в 2-х томах» 1990 г., где «Как бык шестикрылый и грозный...» опять публикуется как отдельное стихотворение непосредственно перед «Арменией»<sup>5</sup>; это объясняется в комментариях, в которых со ссылкой на книгу Семенко приводятся также варианты расположения стихотворений внутри цикла<sup>6</sup>. В составе «Отрывков уничтоженных стихов» (теперь без предлога!) тут тоже находим «В год тридцать первый от рожденья века...». Но особенно важно, что здесь появляются «Разные редакции и наброски», включающие четыре ранних варианта начала цикла и определенные Семенко как черновые варианты стихотворения «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...» шесть фрагментов, написанных свободным стихом<sup>7</sup>.

В 1993–1997 гг. выходит четырехтомное собрание сочинений поэта – единственное построенное по хронологическому принципу<sup>8</sup>. В нем «Армения» попадает в отведенный 1930-м г. третий

<sup>2</sup> Литературная Армения. 1966. № 1. С. 47–51.

<sup>3</sup> *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1973. С. 286.

<sup>4</sup> Там же. С. 287.

<sup>5</sup> *Мандельштам О.Э.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 160.

<sup>6</sup> Там же. С. 503.

<sup>7</sup> Там же. С. 391–392.

<sup>8</sup> *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Арт-бизнес центр, 1993.

том, где ему снова предшествует в качестве отдельного стихотворения авторский эпиграф «Как бык шестикрылый и грозный...», а в приложении («Ранние редакции и варианты») вновь, над заголовком «наброски» и без отнесения к конкретному стихотворению цикла, помещено теперь уже семь фрагментов из числа расшифрованных Семенко<sup>9</sup>. К огромному сожалению, в этом издании, максимально полном на сегодняшний день (особенно в смысле представленности в нем переводов), эти фрагменты вообще не прокомментированы.

Далее, в подготовленной М. Гаспаровым книге 2001 г. «Стихотворения. Проза» («Библиотека поэта» харьковского издательства «Фолио») эпиграф тоже печатается как отдельное стихотворение, однако в комментариях он определяется как «эпиграф»<sup>10</sup>; здесь также указывается достаточно широкий круг стихов, в которых «оживали кавказские впечатления» (в том числе армянские) и приводятся отсылки к прозаическому «Путешествию»<sup>11</sup>.

Наконец, в последнем «Полном собрании сочинений и писем» эпиграф возвращен в начало цикла, «армянские» стихи идут после него. Помещенные в разделе «Другие редакции» три черновых фрагмента, вновь однозначно отнесенные к стихотворению «Руку платком обмотай...», заново сверены с архивом, по сравнению с расшифровками Семенко в них внесены важные исправления<sup>12</sup>, а четыре наименее связанных отрывка из них вообще исключены.

Судя по всему, именно этот вариант текста можно считать наиболее адекватным, хотя некоторые прочтения черновики и теперь, когда архивные тексты выложены на сайте Принстонского университета [Princeton 2019], все еще вызывают сомнения. Тем не менее именно по этому тексту мы и будем работать.

Надо сказать, что необычность, в том числе и ритмическая, цикла «Армения», его непривычное разнообразие отмечались многими комментаторами и интерпретаторами (в этом смысле характерны скептические оценки цикла современниками как «лубочно-красочного» (Г. Иванов) и «слишком декоративного» (Ю. Терапиано)<sup>13</sup>.

Начинается «Армения» упорядоченными трехсложниками: эпиграф, первое и третье стихотворения написаны обыкновенным трехстопным амфибрахийем, а второе («Ах, ничего я не вижу...») –

<sup>9</sup> Там же. С. 303–305.

<sup>10</sup> Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: АСТ, 2001. С. 645.

<sup>11</sup> Там же. С. 645–646.

<sup>12</sup> Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 470–471.

<sup>13</sup> Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Терра, 1991. С. 485.

в основном шестистопным дактилем, в трех строчках которого, анафорически начинающихся обращением «Ах, Эривань, Эривань!..», сразу же после него возникают, однако, перебои регулярного метра.

Причем если в двух первых случаях – «Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала...» и «Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый...» – их можно рассматривать как результат усечения стопы на цезуре, то в третьей – «Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо...» – перед нами налицо необычное для дактиля усечение слога уже на четвертой стопе. То есть перед нами строка полноценного шестистопного дольника, в качестве которого, очевидно, можно рассматривать и две предыдущие ненормативные строки.

Кроме того, сам метр этого стихотворения – шестистопный дактиль – делает возможной еще одну интерпретацию стихотворения в целом: как варианта гексаметрического размера с решительным преобладанием дактиля (11 из 15 строк) и с вполне «гексаметрическими» хорями только в трех строках.

Дальше – больше: четвертое стихотворение («Закутав рот, как влажную розу...») целиком написано четырехиктным дольником, причем зарифмованы в нем только две (первая и четвертая) строки из восьми. При этом две строки совпадают с пятистопным ямбом, еще одна – с четырехстопным дактилем, что, впрочем, вполне нормально для дольника.

Следующее стихотворение («Руку платком обмотай...») точнее всего можно интерпретировать как образец вольного белого трехсложника с переменной анакрусой (ТПА) [Холшевников 2005, с. 38]; стопность его колеблется от трех до шести, пять строк представляют собой дактиль (шести- (первая строка), пяти- (вторая), четырех- (третья), снова пяти- (шестая) и четырехстопный (седьмая); еще две строки представляют собой анапест: четырехстопный (пятая) и трехстопный (восьмая).

Однако четвертая строка («Добудем розу без ножниц...») в схему ТПА не попадает: это трехиктный дольник, причем на двухсложной основе. Поэтому стихотворение в целом можно интерпретировать или как ТПА с одной «неправильной» (двусложниковой) строкой, или (принимая во внимание также отсутствие рифмы и неупорядоченную разностопность) – как гетероморфный стих (ГМС) [Орлицкий, Андреева 2008а], к которому, между прочим, Манделъштам в начале 1930-х обращается достаточно часто [Орлицкий 2016].

Дополнительно отметим, что именно как варианты этого стихотворения принято рассматривать описанные в книге Семенко фрагменты, написанные свободным стихом и не вошедшие в окончательный текст «Армении».

Шестое стихотворение – «Орущих камней государство...» – устроено, несмотря на краткость (всего восемь строк), еще более сложно: все его четные строки, представляющие собой рефрен и повторяющиеся дословно, написаны трехстопным ямбом с пиррихием на третьей стопе и дактилическим окончанием, все нечетные – снова вольный нерифмованный ТПА (трехстопный амфибрахий с женским окончанием, четырехстопный дактиль с дактилическим окончанием, «нормальный» пятистопный дактиль с таким же окончанием и цезурированный вариант этого же метра с усечением слога на третьей стопе и экзотическим пятисложным окончанием). То есть перед нами снова «стихи с переменной анакрусой» [Гаспаров 1974, с. 70], но этот раз в них чередуется регулярный двусложник и трехсложник; очевидно, стихотворение тоже можно одновременно интерпретировать и как ГМС.

Седьмое стихотворение – «Нет, не развалины...» – единственный в цикле образец свободного стиха (верлибра) [Орлицкий 2002, с. 321–330], до этого в оригинальном творчестве встречавшегося у Мандельштама лишь однажды, в стихотворении 1923 г. «Нашедший подкову» и сильно напоминающий его по структуре (это так называемый верлибр «длинной строки») и насыщенной образности. При этом начало текста – первая половина первой строки – совпадает с анапестом, такие совпадения характерны и для «Нашедшего подкову». Однако на свободном стихе Мандельштама мы подробнее остановимся чуть позже.

Восьмое стихотворение цикла («Холодно розе в снегу...») наиболее соответствует представлению о гетероморфном стихе: первая его половина написана на явной дактилической основе с вкраплением дольниковой строки, затем основой текста становится вольный ямб; рифма появляется лишь однажды в середине текста.

В девятом тексте («Какая роскошь в нищенском селенье...») ямб – на этот раз вполне традиционный рифмованный пятистопник – снова становится единственным размером, это своего рода возврат к строгой урегулированности начала цикла.

Однако десятое стихотворение («О порфирные цокая граниты...») вновь возвращает нас к освобожденному стиху – теперь это белый трехиктный тактовик, тип стиха, крайне редкий у Мандельштама даже в его поздний, экспериментальный период [Плунгян 2011].

В одиннадцатом стихотворении вновь возвращается рифмованный ямб – на этот раз шестистопный, кроме, однако, усеченной первой пятистопной строки, связанной со второй шестистопной парной рифмовкой; четыре следующие строки объединены опоясывающей рифмой.

Наконец, в последнем стихотворении цикла «Я тебя никогда не увижу...» перед нами снова трехиктный белый тактовик.

Такая разнообразная ритмическая композиция «Армении» никоим образом не могла быть случайной: с ее помощью Мандельштам создает своего рода полифоническое звучание своего цикла, непредсказуемо чередуя в нем рифмованный и белый стих, упорядоченную и вольную стопность, традиционные силлаботонические метры, их усложненные вариации и гетероморфный и свободный стих. Тем более что, как мы уже говорили, во время создания цикла Мандельштам отходит от привычной метрики и последовательно создает – как в оригинальных стихах, так и в переводах – все более и более сложные стиховые формы, противоречащие его репутации достаточно однообразного версификатора [Тарановский 1962, с. 97–125; Гаспаров 1997, с. 493–494; Плунгян 2011, с. 22]<sup>14</sup>.

Теперь – обещанное о свободном стихе поэта. В опубликованной под моим именем статье в ставшей уже печально знаменитой [Кацис 2019; Шиндин 2018, с. 1–85] «Мандельштамовской энциклопедии» вслед за основным текстом, действительно написанным мной и уже опубликованным в расширенном виде [Орлицкий 2008а], следует фрагмент, принципиально противоречащий моему (и не только моему – еще и М. Гаспарова, Ю. Лотмана, С. Кормилова и многих других ученых [Гаспаров 1980, с. 389; Лотман 1969, с. 120–121; Кормилов 1995, 118–120]) представлению о природе этого типа русского стиха и восходящий, очевидно, к одной из статей В. Плунгяна, совершенно по-иному, чем мы, трактующего свободный стих и его отношение к прозе.

Приведем этот странный и невозможный для меня отрывок в полном объеме: «Фактически С. с. представлен и в отд. фрагментах “Египетской марки” (1927), к-рая почти вся написана “ритмизованной прозой”, отчасти напоминающей “Петербург” А. Белого. К этим фрагментам (в издании они разбиты на короткие предложения, каждое из к-рых начинается с новой строки) относятся прежде всего “Скрипичные человечки пьют молоко бумаги” (7 строк), “Я не боюсь бессвязности и разрывов” (10 строк), “Юдифь Джорджоне улизнула от евнухов Эрмитажа” (4 строки) и, возможно, ряд других» [Мандельштамовская 2017, с. 430].

Начать с того, что я никогда не использую расплывчатое понятие «ритмизованная проза», которое считаю абсолютно бессмысленным: необходимо всегда говорить о конкретных типах ритмизации и соответственно выделять прозу метрическую,

<sup>14</sup> Ср.: *Бродский И.А.* Сын цивилизации // Бродский И.А. Соч.: В 7 т. Т. 5. СПб.: Пуш. фонд, 2001. С. 98.

метризованную, строфическую и т. д. [Орлицкий 2002, с. 39–44], а никак не «ритмизованную»!

Однако даже в этом случае непонятно, как «ритмизованная проза» оказывается «фактически» свободным стихом: ведь стих и проза, по справедливому утверждению Ю. Тынянова, принципиально разные способы организации художественной речи [Тынянов 2002, с. 67–68]. Поэтому появление в русской прозе – особенно после справедливо упомянутых многочисленных опытов Андрея Белого [Орлицкий 2002, с. 168–182; Орлицкий 2018, с. 67–79] – отдельных элементов стиховой культуры отнюдь не означает, что проза в результате этого превращается в стих (пусть и свободный) – скорее напротив, подобные вкрапления – в данном случае, малых ориентированных на стих сверхкратких строфических («версейных» [Орлицкий 2002, с. 177–219]) строф – подчеркивают именно прозаическую природу текста в целом (в том числе и этих вкраплений), о чем мне тоже не раз доводилось писать [Орлицкий 2002; Орлицкий 2008; Орлицкий 2018].

В цитировавшейся уже статье В. Плунгяна сказано корректнее, чем в «моей» энциклопедической заметке: «Особенно примечательны три приводимых ниже фрагмента, разбитые самим автором на короткие абзацы, совпадающие с предложениями и фактически неотличимые от строк верлибра. Многие из этих строк даже укладываются в ритм правильных силлабо-тонических метров» [Плунгян 2011, с. 339]. Однако и здесь масса того, с чем я никак не могу согласиться: во-первых, что короткие абзацы, совпадающие с предложениями, неотличимы от строк верлибра (по-моему-то, как раз нет), а во-вторых, с точки зрения современного понимания верлибра «фактическая неотличимость» от силлаботоники в свободном стихе невозможна по определению.

Но, к сожалению, в нашем научном сообществе не очень принято читать работы предшественников, а тем более пытаться понять их и цитировать в своих сочинениях. Что, очевидно, произошло и в этом печальном случае.

Тем не менее появление свободного стиха в творчестве Мандельштама 1920-х – 1930-х гг. представляется вполне закономерным. И если по отношению к первому опыту, стихотворению «Нашедший подкову», можно еще сомневаться, насколько сам поэт считал его новым типом стиха (об этом косвенно свидетельствуют, например, появление в некоторых редакциях подзаголовка «опыт пиндарической прозы» и газетная публикация текста в прозаической графике [Орлицкий 2016, с. 229–247], то следующий опыт авторского верлибра Мандельштама – седьмое стихотворение цикла «Армения» – следует рассматривать как сознательное использование этого типа стиха для создания ритмической полифонии сложно построенного текста.

Возможно, в значительной степени это связано с пришедшими на эти годы опытами переводного свободного стиха. Представим их в хронологическом порядке.

В том же 1923 г., что и «Нашедший подкову», в журнале «Современный Запад»<sup>15</sup> выходит мандельштамовский перевод верлибром «Оды нескольким людям» Жоржа Дюамеля – между прочим, автора вышедшей на русском языке незадолго до этого книги Ш. Вильдрака и Ж. Дюамеля «Теория свободного стиха» [Вильдрак, Дюамель 1920] – и также выполненного верлибром отдельного издания пьесы Э. Толлера «Человек толпы»<sup>16</sup>.

Далее, в 1924–1925 гг. Мандельштам переводит книгу стихов Макса Бартеля «Завоюем мир!», в том числе три его верлибра [Басель 2016, с. 45–65], которую Д. Усов показательно назвал «собственно, новой книгой стихов Мандельштама»<sup>17</sup>.

В 1925 г. выходит переведенная Мандельштамом свободным стихом драма Жюля Ромэна «Кромдейр-старший»<sup>18</sup>. Наконец, в книге «Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии» появляются еще три верлибра Рене Шикеле в переводе нашего поэта<sup>19</sup>.

Таким образом, к 1930 г. Мандельштам вполне освоил свободный стих, переведя им шесть достаточно объемных стихотворений и две приличных размеров стихотворные пьесы!

Кстати сказать, упоминавшийся уже В. Плунгян, говоря о переводах Мандельштама, справедливо подчеркивает их особое значение для развития его оригинального стиха [Плунгян 2011, с. 352–353]. Очевидно, это общее положение вполне работает и на материале свободного стиха.

Наконец, упоминавшиеся уже черновые фрагменты к стихотворениям из цикла «Армения» [Princeton 2019], расшифрованные в свое время по американскому архиву поэта Ириной Семенко. Как уже говорилось, все они написаны свободным стихом, как седьмое стихотворения цикла. При этом только один из семи приведенных в полной версии Семенко фрагментов соотносится со стихотворением «Руку платком обмотай», остальные же, возможно, были заготовками для других текстов.

Нам кажется, имеет смысл напомнить здесь эти фрагменты – в том виде, который придали им издатели ПССП:

<sup>15</sup> Современный Запад. 1923. Кн. 3. С. 3–6.

<sup>16</sup> Толлер Э. Человек толпы. М.; Л.: ГИЗ, 1923.

<sup>17</sup> Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 616.

<sup>18</sup> Ромэн Ж. Кромдейр-старший. М.; Л.: ГИЗ, 1925.

<sup>19</sup> Молодая Германия: Антология соврем. нем. поэзии / Под ред. Г. Петникова. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1926.

\* \* \*

Ты только погляди на армянские кладбища –  
 Землетрясением раскиданные рыжие валики  
 Похожие на футляры швейных машин [Зингера]  
 Чем-то испуганные, в беспорядке бегущие.

Здесь слышен храп румяных царей и бородатых ангелов  
 Извиняющийся храп неграмотных священников  
 Свиристящий храп носатых филистеров  
 Патриарший храп <1 нрзб.> ремесленников  
 И буйволиный храп крестьян.

\*\*\*

А шиповник Звароднодзца осыпающийся при первом  
 прикосновении  
 Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновый  
 И для шербета негодный дичок  
 Не дающий ни масла ни запаха.  
 Роза фаэтонщика и угрюмого сторожа  
 Охраняющего руины запущенного форума  
 Где срубленные дубы в <пробел> обхват  
 Рулоны каменных ковров.

\*\*\*

Дорогая дорогая дорогая  
 Древняя древняя древняя  
 В три цвета раскрашенный атлас земли птоломеевой  
 Рассказ Геродота из самых неверных источников  
 И с сундуками путешествующих деревенские кладбища  
 Землетрясением раскиданные рыжие валики  
 Словно футляры от швейных машин  
 Чем-то испуганные, в беспорядке бегущие<sup>20</sup>.

Как видим, в последнем собрании из семи фрагментов оставлено только три, как уже говорилось, дополнительно сверенные комментаторами с архивными черновиками; и что бы там ни говорилось, это еще три образца свободного стиха Осипа Мандельштама, до сих не привлекавших особого внимания исследователей, появившиеся в черновиках поэта именно в период его работы над «Арменией».

<sup>20</sup> Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 470–471.

Таким образом, можно сказать, что цикл «Армения» и его окружение оказываются своего рода третьим этапом освоения Манделштамом свободного стиха (вслед за стихотворением 1923 г. «Нашедший подкову» и осуществленными с начала до второй половины 1920-х гг. опытами перевода с немецкого и французского языков); введение в цикл стихотворения, написанного верлибром, а также сам факт обращения к этому стиху в черновых материалах свидетельствуют о том, что к началу 1930-х поэт освоил все типы современного ему русского стиха и блестяще продемонстрировал владение ими для создания уникального ритмического многоголосия, вообще характерного для позднего периода его поэтического творчества [Орлицкий 2018а, с. 38–52].

### *Литература*

---

- Бассель 2016 – *Бассель А. О.Э.* Манделштам и М. Баргель: Сборник «Завоеюем мир!» как художественное единство: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
- Вильдрак, Дюамель 1920 – *Вильдрак Ш., Дюамель Ж.* Теория свободного стиха / Пер. В. Шершеневича. М.: Имажинисты, 1920. 48 с.
- Гаспаров 1980 – *Гаспаров М.Л.* Примечания // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980.
- Гаспаров 1974 – *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974.
- Гаспаров 1997 – *Гаспаров М.Л.* Стих О. Манделштама // Гаспаров М.Л. Избр. Труды: В 3 т. Т. 3. М.: ЯРК, 1997.
- Кацис 2019 – *Кацис Л.Ф.* Осип Манделштам в инвалидном лагере «Манделштамовской энциклопедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2364505.html> (дата обращения 28 мая 2019).
- Кормилов 1995 – *Кормилов С.И.* Маргинальные системы русского стихосложения. М.: МГУ, 1995.
- Лотман 1969 – *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1969.
- Манделштамовская энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Орлицкий 2002 – *Орлицкий Ю.Б.* Русская проза XX века: реформа Андрея Белого // Андрей Белый. Публикации. Материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 169–182.
- Орлицкий 2002а – *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002.
- Орлицкий 2008 – *Орлицкий Ю.Б.* Динамика стиха и прозы в истории русской словесности. М.: РГГУ, 2008.
- Орлицкий 2008а – *Орлицкий Ю.Б.* Свободный стих Осипа Манделштама // «Сохрани мою речь...». Записки Манделштамовского общества. Вып. 4 (2). М.: РГГУ, 2008. С. 451–463.
- Орлицкий 2016 – *Орлицкий Ю.Б.* Гетероморфный вектор развития стиховой культуры Манделштама // Осип Манделштам и XXI век: Материалы междуна-

- родного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. / Ред.-сост. Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. М.: АРМПОЛИГРАФ, 2016. С. 146–154.
- Орлицкий 2016а – Орлицкий Ю.Б. О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силлаботонический логаяд Иванова и «пиндарический отрывок» Мандельштама «Нашедший подкову») // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 229–247.
- Орлицкий 2018 – Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в культуре Серебряного века. М.: Изд. дом ЯСК, 2018.
- Орлицкий 2018а – Орлицкий Ю.Б. Стихотворная поэтика Мандельштама в свете метрикострофического справочника поэта // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т. 18. Смоленск: Свиток, 2018. С. 38–52.
- Орлицкий, Андреева 2008 – Орлицкий Ю.Б., Андреева А.Н. Гетероморфный стих в современной русской поэзии // Славянский стих. VIII – Материалы междунауч. конф. М., 2008. С. 365–389.
- Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Метрика О. Мандельштама: к анализу структуры и эволюции // Сохрани мою речь. Записки Мандельштамовского общества. Т. 5. М.: РГГУ, 2011. С. 338–365.
- Семенко 1997 – Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. 2-е изд., доп. М., 1997. С. 45–48.
- Тарановский 1962 – Тарановский К.Ф. Стихосложение Осипа Мандельштама (с 1908 по 1925 год) // The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1962. Vol. V. P. 97–125.
- Тынянов 2002 – Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002.
- Холшевников 2005 – Холшевников В.Е. Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005.
- Шиндин 2018 – Шиндин С.Г. «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет Мандельштамовской энциклопедии. Статья первая: А–Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. С. 1–85 и далее.
- Princeton University Library Finding Aids. Princeton 2019 – URL: <https://findingaids.princeton.edu/collections/>; <https://findingaids.princeton.edu/C0539/c70.pdf>; см. также: URL: <https://findingaids.princeton.edu/C0539/c195.pdf> (дата обращения 28 мая 2019).

## References

---

- Bassel, A. (2016), O.E. Mandelstam and M. Bartel: collection “Conquer the world!” as an artistic unity, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (1974), *Sovremennyyi russkii stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metrics and rhythm], Nauka, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (1980), “Primechaniya” [Notes], in *Pindar, Vakkhiliid. Ody. Fragmenty* [Pindar, Vachilid. Odes. Fragments], Nauka, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (1997), “Stikh O. Mandel’shtama” in Gasparov M.L. *Izbrannyye trudy* [Selected Works], vol. 3. YaRK, Moscow, Russia.

- Katsis, L.F. (2019), *Osip Mandel'shtam v invalidnom lagere "Mandel'shtamovskoi entsiklopedii"* [Osip Mandelstam in the invalid's camp of "Mandelstam encyclopedia"], [Online], available at: <https://regnum.ru/news/2364505.htm> (Accessed 28 May 2019).
- Kholshchevnikov, V.E. (2005), *Mysl', vooruzhennaya rifmami: Poeticheskaya antologiya po istorii russkogo stikha* [Thought armed with rhymes: Poetic anthology on the history of Russian verse] Filol. Fak. SPBGU, Saint Petersburg, Russia.
- Kormilov, S.I. (1995), *Marginal'nye sistemy russkogo stikhoslozheniya* [Marginal systems of Russian prosody], MGU, Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1969), *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the literary text], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.) *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam's encyclopedia], in 2 vols., Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Orlitskii, Yu.B. (2002), "Russkaya proza XX veka: reforma Andrey Belogo" [Russian prose of the twentieth century: reform of Andrei Bely], *Andrei Belyi. Publikatsii. Materialy*, IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 169-182.
- Orlitskii, Yu.B. (2002a), *Stikh i proza v russkoi literature* [Verse and prose in Russian literature], RGGU, Moscow, Russia.
- Orlitskii, Yu.B. (2008), *Dinamika stikha i prozy v istorii russkoi slovesnosti* [Dynamics of verse and prose in the history of Russian literature], RGGU, Moscow, Russia.
- Orlitskii, Yu.B. (2008a), "Free verse of Osip Mandelstam", "Sokhrani moyu rech'...". *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva*. Vyp. 4 (2). ["Keep my speech safe...". Notes of the Mandelstam Society], Issue 4 (2). RSUH, Moscow, Russia, pp. 451-463.
- Orlitskii, Yu.B. (2016), "Heteromorphic vector of the development in Mandelstam's verse culture", *Osip Mandel'shtam i XXI vek: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Moskva. 1-3 noyabrya 2016 g.* [Osip Mandelstam and the 21<sup>st</sup> century. Proceedings of international symposium. Moscow November 1-3d, 2016], L. Vidgof, D. Zuev, O. Lekmanov, P. Nerler (eds.), ARMPOLIGRAF, Moscow, Russia, pp. 146-154.
- Orlitskii, Yu.B. (2016a), On the role of the translations of Pindar in the development of Russian verse ("Ivanov's syllabotonic logaed and Mandelstam's 'Pindar's excerpt' 'The Horseshoe Finder'"), Vyacheslav Ivanov. *Issledovaniya i materialy*. Vyp. 2. [Vyacheslav Ivanov. Research and materials. Is. 2.] RHGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 229-247.
- Orlitskii, Yu.B. (2018), *Stikh i proza v kul'ture Serebryanogo veka* [Verse and prose in the culture of the Silver age], YaSK, Moscow, Russia.
- Orlitskii, Yu.B. (2018a), "The Mandelstam's verse poetics in the light of the poet's metricostrophic reference book", *Russkaya filologiya: Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 18. [Russian Philology. Proceedings of the Smolensk State University. Vol. 18], Svitok, Smolensk, Russia, pp. 38-52.
- Orlitskii, Yu.B. and Andreeva, A.N. (2008), "Geteromorfnyi stikh v sovremennoi russkoi poezii" [Heteromorphic verse in modern Russian poetry], *Slavyanskii stikh. VIII. Materialy mezhdun. nauchn. konf.* [Slavic verse. Proceedings of VIII Intern. scient. conference], Moscow, Russia, pp. 365-389.
- Plungyan, V.A. (2011), "O. Mandelstam's Metrics. Toward analysis of the structure and evolution", "Sokhrani moyu rech'..." *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva*.

- T. 5. ["Keep my speech safe...". Notes of the Mandelstam Society], Vol. 5. RGGU, Moscow, Russia, pp. 338–365.
- Princeton University Library Finding Aids (2019), "Novye stikhi" [New poems], available at: <https://findingaids.princeton.edu/collections/>; <https://findingaids.princeton.edu/C0539/c70.pdf>; <https://findingaids.princeton.edu/C0539/c195.pdf> (Accessed 28 May 2019).
- Semenko, I.M. (1997), *Poetika pozdnego Mandel'shtama. Ot chernovykh redaktsii – k okonchatel'nomu tekstu* [The late Poetics of Mandelstam. From draft versions to the final text], 2<sup>nd</sup> engl. ed., Moscow, Russia, pp. 45-48.
- Shindin, S.G. (2018), "Pechal'nu povest' sotvoriv...": K vykhodu v svet Mandel'shtamovskoi entsiklopedii. Stat'ya pervaya: A–D ["Having created a Sad tale...": the publication of Mandelstam encyclopedia. Article one: A–D], *Toronto Slavic Quarterly*, 2018, n. 63, pp. 1–85.
- Taranovskii, K.F. (1962), "Osip Mandelstam's Versification (from 1908 to 1925)", *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 5, pp. 97-125.
- Тунянов, Ю.Н. (2002), "Problema stikhotvornogo yazyka" [The issue of poetic language], in Тунянов Ю.Н. *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannye trudy* [Literary evolution: Selected works] Agraf, Moscow, Russia.
- Vil'drak, Sh. and Dyamel', Zh. (1920), *Teoriya svobodnogo stikha* [A Theory of free verse]. Imazhinisty, Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

Юрий Б. Орлицкий, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; [ju\\_b\\_orlitski@mail.ru](mailto:ju_b_orlitski@mail.ru)

### *Information about the author*

Yurii B. Orlickii, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; [ju\\_b\\_orlitski@mail.ru](mailto:ju_b_orlitski@mail.ru)

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-24-46

## Из «теневого окружения» Мандельштама: Иван Аксенов (1910-е годы)

Сергей Г. Шиндин

*Саратов, Россия, s.shindin@mail.ru*

*Аннотация.* Современная ситуация, складывающаяся с освоением архивных, малодоступных и по разным причинам выпавших ранее из поля зрения исследователей источников, относящихся к литературному процессу 1890-х – начала 1930-х гг. и поступивших в активный научный оборот в последние десятилетия в России и русском зарубежье, позволяет с новой точки зрения взглянуть на многие его главные и нередко кажущиеся второстепенными составляющие. То же самое можно сказать и о биографических портретах его участников – как тех, кто всегда был в поле самого пристального внимания, так и тех, кто прежде оставался на периферии изучения данного фрагмента истории русской литературы. Во многом именно этими факторами определяется наиболее актуальное в настоящее время направление в изучении жизни и творчества Осипа Мандельштама: попытка максимально возможного восстановления круга его регулярного и эпизодического общения на протяжении всего творческого пути. Настоящая публикация представляет собой первую часть исследования, посвященного реконструкции профессиональных и личных взаимоотношений двух активных участников литературного процесса 1910-х – 1930-х гг. – Осипа Мандельштама и Ивана Аксенова.

*Ключевые слова:* Мандельштам, Аксенов, 1910-е годы, историко-литературный контекст, биографические параллели

*Для цитирования:* Шиндин С.Г. Из «теневого окружения» Мандельштама: Иван Аксенов (1910-е годы) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 24–46. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-24-46

## From the “shadow environment” of Mandel’shtam: Ivan Aksenov (1910s)

Sergey G. Shindin

*Saratov, Russia, s.shindin@mail.ru*

*Abstract.* The current situation with the development of archival sources, inaccessible and for various reasons dropped out of the field of view of the source researchers, related to the literary process of the 1890s – early 1930s and received an active scientific circulation in recent decades in Russia and in the Russian Abroad, allows a new perspective to look at many of its main and often seeming secondary components. The same can be said about the biographical portraits of its participants, – both those who have always been in the field of the most close attention, and those who previously remained on the periphery of the study of this fragment of the history of Russian literature. In many ways, those factors determine one of the most relevant areas in the study of the life and work of Osip Mandel’shtam: an attempt to restore the maximum possible circle of his regular and episodic communication throughout his career. This publication is the first part of the research devoted to the reconstruction of the professional and personal relationships between two active participants of the literary process of the 1910s – 1930s – Osip Mandel’shtam and Ivan Aksenov.

*Keywords:* Mandel’shtam, Aksenov, 1910-ies, literary-historical context, the biographical parallels

*For citation:* Shindin, S.G. (2019), “From the ‘shadow environment’ of Mandel’shtam: Ivan Aksenov (1910s)”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 24-46, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-24-46

Современная ситуация, складывающаяся с освоением архивных, малодоступных и по разным причинам выпавших ранее из поля зрения исследователей источников, относящихся к литературному процессу 1890-х – начала 1930-х гг. и поступивших в активный научный оборот в последние десятилетия в России и русском зарубежье, позволяет с новой точки зрения взглянуть на многие его главные и нередко кажущиеся второстепенными составляющие. То же самое можно сказать и о биографических портретах его участников – как тех, кто всегда был в поле самого пристального внимания, так и тех, кто прежде оставался на периферии изучения данного фрагмента истории русской литературы. Во многом именно этими факторами определяются два из наиболее актуальных

в настоящее время направлений в изучении жизни и творчества Осипа Манделъштама:

Манделъштамоведение, начинавшее с анализа стихотворений и закончив определенным свой период несколькими собраниями произведений поэта и итоговыми монографиями, теперь неизбежно сосредоточено либо на очень частных аспектах – эпизодах биографии или деталях произведений, которые требуют реального комментария, либо на очень общих – осмыслении так или иначе присутствующих в творчестве Манделъштама отражений различных явлений мировой культуры<sup>1</sup>.

Соответственно, одной из главных задач первого направления является максимально полное восстановление реального круга общения Манделъштама во все периоды его жизни, в том числе и создание своего рода «конкорданса» имен тех, кто появлялся в биографии поэта эпизодически или единожды, подчас не соприкасаясь с ним лично, но в той или иной форме оставил в ней свой след.

Среди современников Манделъштама – немало тех, кто нередко известен широкой литературоведческой науке лишь в отраженном свете его биографии и творчества, чья прямая или опосредованная биографическая связь с поэтом чаще всего и становится импульсом для обращения к подобным фигурам. В силу конкретных историко-культурных обстоятельств в наибольшей степени это относится к поколению 1910-х гг., что неудивительно по целому ряду причин. С одной стороны, представители художественной и научной среды этого периода оказали основополагающее влияние на всю российскую культуру и науку XX в. и практически предопределили новый этап их развития. С другой стороны, именно тогда происходило активное вхождение Манделъштама в литературную среду и неоднозначная, часто противоречивая ассимиляция его поэзии. Как следствие, многие «теневые» для современного литературоведения фигуры были и остаются интересны прежде всего в статусе «реципиентов» творчества и участников жизненного пути поэта, тогда как их индивидуальное, независимое историко-культурное значение нередко проявляется только в процессе манделъштамоведческих штудий. В начале едва ли не безграничного списка таких «возвращенных» для официальной науки с начала 1990-х гг. современников Манделъштама можно практически произвольно назвать относящихся к разным этапам его биографии Михаила Карповича, Константина Мочульского, Сергея Каблукова, Григория Петникова,

---

<sup>1</sup> *Рогов О.* Шевелящиеся виноградины // Волга. 2010. № 5–6. С. 248.

Марка Талова, Бориса Кузина, Дмитрия Усова, Сергея Рудакова, Павла Калецкого, Якова Рогинского и др. Если еще относительно недавно установить точное число появившихся за последние годы глубоко информативных и содержательных публикаций, посвященных данной теме, было затруднительно, но стремиться к этому все-таки оставалось возможным, то после выхода в свет в начале 2018 г. компендиума жизни и творчества поэта в силу объективных причин это стало более чем проблематично, см. [Мандельштамовская энциклопедия 2017]. Вместе с тем далеко не все материалы, представленные в данном издании, отвечают задаче максимально полного и точного освещения взаимоотношений Мандельштама и его современников, многие из которых, достойные самого внимательного рассмотрения, по разным причинам не нашли себе места в этом «профильном» издании. Среди тех, чьи имена из списка простого перечисления необходимо перевести в активный научный оборот (именно активный, выходящий за границы только «упоминательной клавиатуры»), безусловно, должны быть названы Михаил Долинов, Вера Алперс, Юрий Терапиано, Андрей Седых, Александр Соколовский, Эрих Голлербах, Леонид Гроссман, Борис Горнунг и мн. др.<sup>2</sup> Одновременно с этим актуален и параллельный, еще более широкий набор имен – тех, для кого встреча с Мандельштамом биографически и творчески имела исключительное, подчас основополагающее в целом ряде аспектов значение.

Одной из таких фигур является Иван Аксенов, для «официального», собственно научного, и «прикладного», читательского, мандельштамоведения теперь определяемый как «поэт, участник московской футуристической группы “Центрифуга”, литературный и художественный критик, переводчик» [Лекманов 2017, с. 69, стб. 2], «незаурядный искусствовед, человек, еще ждущий своего биографа» [Тименчик 2017, с. 661]. Систематизированные прижизненные и современные сведения о биографии Аксенова весьма немногочисленны (см.: [Б. п. 1928, с. 16]; [Гельперин 1989, с. 41–42; Адаскина 2008b, с. 5–62]); то же самое можно сказать и об аналитических исследовательских публикациях<sup>3</sup>. При этом,

---

<sup>2</sup> Попытки осуществить это начинание, более чем актуальное и требующее не описательного «научно-популярного» подхода, а конкретного фактографического и аналитического рассмотрения, были предприняты автором этих строк в ряде публикаций: [Шиндин 2016a, с. 74–86; 2016b; 2016, с. 73–87; 2017a; 2018a; 2018b; Видгоф; Шиндин 2018a; 2018b] и др.

<sup>3</sup> Материалы на эту тему, дающие представление о широте и разнообразии «культурологических» интересов Аксенова, стали появляться в печати только в самое последнее время, преимущественно в работах западных славистов; см., напр., публикации А. Фарсетти: [Фарсетти 2012;

в отличие от многих других знакомых Мандельштама, конкретный биографический факт включает фигуру Аксенова в «прото-акмеистическую» историко-литературную перспективу – как известно, 25.4.1910 в качестве шафера он принимал участие в свадебной церемонии Анны Ахматовой и Николая Гумилева (что, вероятнее всего, было известно их более позднему близкому окружению). Позднее Ахматова оставила о данном факте более чем лаконичную запись: «Шаферами были Вл. Эльснер и Аксенов»<sup>4</sup>. Насколько можно судить по имеющимся биографическим материалам, шаферы выбирались женихом методом «от противного», по возможности, ими должны были стать «периферийные» представители культурной среды Киева, никак не отмеченные общественным вниманием и не знакомые с молодоженами. Согласно одному из свидетельств, Гумилев рассказывал об этом обстоятельстве так: «Моим шафером в Киеве был Аксенов. Я не знал его, и, когда предложили, только спросил – приличная ли у него фамилия, не Голопушенко какой-нибудь?»<sup>5</sup> Еще откровеннее об этом говорила Ахматова, что 21.11.1927 Павел Лукницкий зафиксировал в «хроникальной» записи:

На свадьбе А. Ахматовой и Н. Гумилева шаферами были В. Эльснер, И. Аксенов, Домбровский (очень красивый молодой человек, приглашенный быть шафером только потому, что других, менее малознакомых, не было). Четвертого шафера А. Ахматова не помнит<sup>6</sup>.

Один из участников этого события позднее описывал его Екатерине Лившиц так:

...поэт Владимир Эльснер рассказывал ей, что познакомился с Николаем Гумилевым в Киеве в студии А.А. Экстер, в 1909 году. В апреле 1910 года Гумилев, приехав в Киев, неожиданно попросил его и киевского поэта Ивана Аксенова быть шаферами на свадьбе. Он также рассказывал, что на свадьбе не было родственников и друзей Анны

---

2013; 2014; 2015; 2016]; см. также электронный вариант диссертации того же автора, посвященной анализу поэтического наследия Аксенова: [Farsetti 2015] и др.

<sup>4</sup> РНБ. Ф. 1073. № 62. Л. 9об.; цит. по: *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1: 1889–1917. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 35. Подробнее об этом эпизоде см.: [Тименчик 2014, с. 506–508].

<sup>5</sup> *Мочалова О.* Голоса серебряного века. Поэт о поэтах. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 40

<sup>6</sup> *Лукницкий П.Н.* Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2: 1926–1927. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997. С. 31.

Андреевны, что это было чуть ли не тайное венчание: Анна Андреевна выехала из дому в своей обычной одежде, а где-то недалеко от церкви переделалась в подвенечный наряд» [Ольшанская 1994, с. 20].

Современный биограф косвенным образом охарактеризовал данный эпизод в более обтекаемой форме:

Связи Аксенова с миром литературы и искусства первых лет его деятельности почти целиком ограничивались Киевом. В Киеве он был знаком с Б.К. Лившицем, В.Ю. Эльснером, О.Д. Форш, общался с А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилевым [Адаскина 2008b, с. 7].

Главным, наиболее ярким и значимым эпизодом литературной биографии Аксенова является его участие в группе московских футуристов «Центрифуга», которая существовала

в 1914–1922 гг. в Москве. Возникла по инициативе Н.Н. Асеева, С.П. Боброва и Б.Л. Пастернака; в ее состав входили в разное время также И.А. Аксенов, Божидар (Б.П. Гордеев), К.А. Большаков, Б.А. Кушнер, К.Г. Локс, Г.Н. Петников, Ф.Ф. Платов, А.Л. Штих. <...> Весной 1916 г. к «Центрифуге» присоединился И.А. Аксенов, внося в издательство денежные средства и предложив четыре рукописи собственных книг [Шруба 2004, с. 251–252]<sup>7</sup>.

В прижизненной биографической публикации (составленной, возможно, со слов самого Аксенова) датировка его сближения с футуристами отличалась: «В 1915 г. примкнул к литературной группе Центрифуга и принял участие в ряде ее изданий» [Б. п. 1928, с. 16]. Позднее несколько иначе была охарактеризована и издательская активность нового участника группы:

Аксенов активно входил в дела издательства, в ряде случаев оказывал ему финансовую поддержку. Он финансировал «Поверх барьеров» Пастернака, издания Боброва, Большакова, Рюрика Ивнева [Адаскина 2006, с. 275].

Видимо, во многом и по этой причине можно говорить о том, что «Аксенов быстро стал одним из лидеров, заняв наиболее ради-

---

<sup>7</sup> Иная датировка была указана в первом кратком научном описании творческого пути литератора: «В 1915 году “Центрифуга” приобрела нового члена, Ивана Александровича Аксенова... который... вскоре стал центральной фигурой в группе, похожей по значимости на Боброва, Пастернака и Асеева. К сожалению, группа приближалась к своей гибели, и Аксенов не смог в полной мере развить свои немалые способности в качестве поэта и теоретика (и, возможно, лидера)» [Markov 1968, p. 270].

кальные позиции в группе» [Шруба 2004, с. 252]. Непосредственно к данному периоду начала второй половины 1910-х годов относится и обращение одного из идеологов «западного крыла» объединения «Центрифуга» к литературной критике:

Первые рецензии Аксенова 1916–1917 годов не были опубликованы, но сохранились в архиве С.П. Боброва. Аксенов писал их для планировавшихся изданий «Центрифуги»... <...> Помимо рецензий, предназначенных для печати, интересны и непосредственные замечания Аксенова о современной поэзии, высказанные в письмах Боброву, с которым он, находясь на фронте, вступил в оживленную переписку. Они касались главным образом творчества поэтов, печатавшихся в «Центрифуге», но также включали и рассуждения о новинках в более широком плане. ...При этом «критика часто оказывалась весьма резкой... <...> Он иронически воспринимал поэзию А. Ахматовой и планировал статью, построенную на сопоставлении словаря Ахматовой и Вербицкой [Адаскина 2006, с. 275].

Одновременно с этим

Аксенов четко намечал направление своих предпочтений среди новейших явлений в поэзии. Мечтая о собственном оперативном издании, он писал Боброву в марте 1916 года: «Можно будет, когда война кончится, попытаться организовать двухнедельник в один-два листа достаточно агрессивный, чтобы заставить себя читать и отбить вкус читателей от Мандельштама <sic!> с одной стороны и Бурлюка с другой (знак равенства между произведениями этих авторов, по-моему умещается без всякого насилия над значением предложенных формул)» [Адаскина 2006, с. 277]<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> Письмо датировано 25.3.1916; полный текст см. в публикации: (Аксенов И.А. Письма // Аксенов И.А. Из творческого наследия: В 2 т.: Т. 1. Письма, изобразительное искусство, театр / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. М.: РА, 2008. С. 66). Свообразным продолжением «антиакмеистической» линии является и более поздняя рецензия (Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 147) на послеоктябрьское издание сочинений Сергея Городецкого «Серп: Двенадцатая книга стихов» (Пг.: Государственное издательство, 1921), в которой Аксенов увидел «невероятные претензии на научность, свойственные безграмотному неряху от литературы. <...> “Крепкий мужик” всю жизнь только и делал, что мечтал о коммуне, Красная армия состоит из легионов (ах, какая неосторожная вещь рутинная память!); цит. по: [Адаскина 2006, с. 278]. В то же время появление в «литературно-критическом» контексте образа попугая не может не ассоциироваться с его же использованием Мандельштамом в «Четвертой прозе» (1930) в связи с «делом

Также в связи с первыми критическими опытами Аксенова можно указать еще на одну более чем гипотетическую «коннотацию» с поэтической практикой Мандельштама. Одна из неопубликованных рецензий была посвящена книге Вячеслава Иванова «Борозды и меж: Опыты эстетические и критические» (М.: Мусaget, 1916). В рукописи подписанная псевдонимом «Люгару», она в качестве статьи «под названием “Психологизм. Из цикла ‘Беседы с попугаем’” (другое название: “Письма о попугаях”) анонсировалась в составе “Третьего сборника Центрифуги” под псевдонимом: Э.П. Камень» [Адашкина 2006, с. 311, примеч. 1]. Не проводя никаких прямых параллелей, тем не менее нельзя упускать из виду тот факт, что к данному моменту уже было известно о втором издании мандельштамовского «Камня», вышедшем из печати в середине декабря 1915 г.; см.: [Летопись 2016, с. 97]. Вместе с тем на выбор Аксеновым подобного псевдонима, разумеется, могли повлиять его самые широкие и разнообразные семантические корреляции в мифологической, фольклорной, религиозной и культурной традициях.

Среди главных достижений Аксенова второй половины 1910-х гг. его коллеги по цеху традиционно упоминали «книгу о Пикассо, сыгравшую большую роль в идеологическом развитии современной живописи» [Видгоф 2018, с. 97] – монографию «Пикассо и окрестности» (М.: Центрифуга, 1917)<sup>9</sup>, которая была оформлена Александрой Экстер<sup>10</sup>. Это обстоятельство, очевидно,

---

Горнфельда», что осложняется явными перекличками с той же самой «литературоведческой» темой, присутствующей в «Сентиментальном путешествии» Шкловского; см.: [Шиндин 2009а, с. 360], – а также: [Шиндин 2017с, с. 547–548]. Очевидно, в данной «орнитоморфной парадигме» должен быть учтен и первый литературный опыт Юрия Тынянова – рассказ «Попугай Брука (из Чарицких хроник)» (Ленинград. 1925. № 26; 27). В дополнение к данной теме см.: [Кацис 2018, с. 129–134 сл.].

<sup>9</sup> О первом исследовании творчества Пикассо и его месте в отечественной искусствоведческой науке второй половины 1910-х гг. см.: [Бабин 2006, с. 77–100]. Отдельные теоретические постулаты автора, изложенные в этом сочинении, современный исследователь встраивает в контекст художественных (живописных и, опосредованно, литературных) опытов русского футуризма и научной практики «формалистов»; см.: [Ханзен-Лёве 2001, с. 61–91] (глава «Формализм и изобразительное искусство авангарда 10-х годов»).

<sup>10</sup> На этот факт впервые, кажется, было обращено внимание в публикации [Марков 1968, р. 273], а также [Парнис 1989, с. 618]. Ранее автору этих строк уже приходилось высказывать предположение о знакомстве Мандельштама с этим изданием: [Шиндин 2009b, с. 130, примеч. 14]. Здесь же

было известно и Мандельштаму; во всяком случае, вдова поэта, основываясь на более позднем опыте общения со своим старшим современником, охарактеризовала «Ивана Александровича Аксенова» как «умного и желчного человека, знатока Пикассо и Шекспира»<sup>11</sup>. Данный факт подтверждается и близким по времени свидетельством вызывающего доверие мемуариста, относящемся к 1960-м гг.:

Помню, очень хорошо Н.Я. Мандельштам отозвалась об Иване Александровиче Аксёнове, когда я поделилась своими впечатлениями от его книги «Пикассо и его окрестности», мною тогда прочитанной. Я о нем почти ничего не знала, а он меня очень заинтересовал. Но Н.Я. Мандельштам была, как всегда, лаконична<sup>12</sup>, сказав только, что он был замечательной крупной личностью<sup>13</sup>.

Даже с учетом только перечисленных фактов и названных источников представляется вполне обоснованным утверждение о том, что фигура Аксенова должна быть включена в число тех современников Мандельштама, общение с которыми продолжитель-

следует отметить, что предшествовавший этому изданию сборник стихотворений Аксенова «Неуважительные основания» (М.: Центрифуга, 1916), также был оформлен офортами Экстер; в этом контексте необходимо учитывать публикацию: [Ичин 2011]; то же – в собрании работ автора: [Ичин 2016]. О пересечении биографий Экстер и Мандельштама см. лаконичную реплику: [Шиндин 2017d, с. 559].

<sup>11</sup> *Мандельштам Н.* Вторая книга // Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 164.

<sup>12</sup> *Мурина Е.* О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. М.: АСТ, 2015. С. 377.

<sup>13</sup> Трудно сказать, идет ли в приписке к письму Надежды Мандельштам Борису Кузину 5.5.1940 речь о чем-то конкретном, но там она, в частности, вспоминает: «Меня всю жизнь огорчала глупая значительность моего имени. Говорят, что я приносила удачу», – и далее упоминает некие эпизоды, связанные с Аксеновым: «Об удаче. Последний, кто этому верил, был Аксенов. Он даже заходил к ним перед решительными днями, чтобы посидеть (ради удачи) около меня» (*Кузин Б.С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. *Мандельштам Н.Я.* 192 письма к Б.С. Кузину: 1937–1947 / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 619); публикаторы оставили эти слова без комментария.

ное время прямо или опосредованно оказывало формообразующее влияние на его художественное мировоззрение<sup>14</sup>. Время и обстоятельства их личного знакомства неизвестны; вероятнее всего, оно могло состояться в один из его приездов в Москву, «диалог» поэта с которой со второй половины 1910-х гг. состоит из нескольких значительных по биографической и творческой насыщенности, а также личной значимости фрагментов:

Начиная с 1916 года жизнь О.Э. Мандельштама теснейшим образом была связана с Москвой. Первые приезды О.Э. Мандельштама в Москву относятся к периоду конца января – начала июня 1916 года и связаны с М.И. Цветаевой [Видгоф, Нерлер 2017, с. 345, стб. 2].

Трудно предположить, чтобы знакомство с Аксеновым могло состояться именно тогда, хотя цель визитов не исключала и литературного общения Мандельштама<sup>15</sup>. Вместе с тем именно к этому периоду относится первый известный неофициальный отклик

---

<sup>14</sup> Некоторые не относящиеся прямо к Мандельштаму, но важнейшие для восстановления литературной биографии Аксенова сведения суммированы в публикации: [Тименчик 2014, с. 506–508].

<sup>15</sup> Так, например, и в первый приезд, и чуть позже состоялись его «таинственные» встречи с Вячеславом Ивановым, о которых современные комментаторы отмечают лишь тот факт, что «7.2.1916 С.П. Каблуков записал в дневнике, что О.Э. Мандельштам вернулся из Москвы “после свидания с Вяч. Ивановым, признавшим его ‘Камень’» [Глухова, Лекманов 2017, с. 259, стб. 1]. Столь же аморфно данный факт отражен и в последнем кратком описании биографии поэта: «Около 17 января... уехал в Москву, где провел более двух недель и встретился с Вяч. Ивановым, одоббившим его новый “Камень”. <...> 2–18 февраля. Вторая поездка в Москву... <...> В этот приезд он вторично посетил Вяч. Иванова» [Нерлер 2017, с. 13]. Вместе с тем относительно недавно этот эпизод получил не слишком содержательное, но фактографически обоснованное дополнение, позволяющее отнести первый из мандельштамовских визитов к промежутку между 20 и 26 января, о чем свидетельствует адресованное Максимилиану Волошину 28.1.1916 письмо его матери: «Майя [Кювилье]... была недавно у Вячеслава [Иванова] и встретила там много молодых поэтов, очень непривлекательных по манере держать себя, между которыми выделялся гордой, полной достоинства осанкой – Мандельштам» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 658. Л. 11–11об.; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянниковой, П. Минцера / 2-е изд., испр. и доп. Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016. С. 99).

Аксенова о Манделъштаме, оставленный им 25.3.1916 в письме Сергею Боброву:

Если имеется надежда на стойкость соединения, можно будет, когда война кончится, попытаться организовать двухнедельник в один два листа достаточно агрессивный, чтобы заставить себя читать и отбить вкус читателей от Манделъштамма [так в тексте] с одной стороны и Бурлюка с другой (знак равенства между произведениями этих авторов, по-моему уместается без всякого насилия над значением предложенных формул)<sup>16</sup>;

орфография и пунктуация источника цитаты полностью сохранены. Тогда же не вызвало сочувствия Аксенова редуцированное следование одного из соратников по «Центрифуге» художественным ориентирам акмеизма – 18.2.1917 он писал Боброву о присланном ему только что вышедшем из печати пастернаковском сборнике «Поверх барьеров»: «...за Пастернака спасибо великое. <...> Жаль вообще присутствия чесоточного клеща Анненского и прочей сифилитической заразы<sup>17</sup> Гейне...»<sup>18</sup> Одновременно с этим есть основания с

<sup>16</sup> Аксенов И.А. Письма // Аксенов И.А. Из творческого наследия: В 2 т.: Т. 1. Письма, изобразительное искусство, театр / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. М.: РА, 2008. С. 65–66.

<sup>17</sup> Обративший внимание на данное обстоятельство и реконструировавший соответствующий историко-литературный контекст Р.Д. Тименчик, в частности, предложил для такой оценки и интертекстуальную параллель (впрочем, не кажущуюся бесспорной): «Образ “чесоточного клеща” И.А. Аксенов позаимствовал у своего любимого Лотреамона “Прощай и думай обо мне, старик, ежели у тебя хватит духу дочитать мое творенье. Ты же, юноша, не падай духом – ведь в лице вампира ты, сам того не чая, обрел нового друга. Так что теперь, считая чесоточного клеща, у тебя их двое” (перевод Н. Мавлевич)» [Тименчик 2017, с. 201, примеч. 80]. – В то же время тема Гейне для русской культуры начала XX в. носила специфический «периферийный» характер: «Аллитерационное сходство имен Гёте и Гейне (в русском языке) “поэтически” усиливало сближение этих имен в русском восприятии немецкой литературы, не Гёте и Шиллер, а Гёте и Гейне становятся оппозиционной парой. <...> – Поколение Манделъштама – однозначно гейнеанское. Гейневская поэтическая ирония прослеживается в творчестве многих поэтов эпохи, от Блока и Анненского до поэтики шлюс-пуанте Ходасевича, а язвительная и порой автодеконструирующая ирония прозы Гейне пронизывает и экспериментальную прозу эпохи, вплоть до такого гейнелюба, как Юрий Тынянов» [Киришбаум 2015, с. 500]; там же приводятся конкретные примеры отражения данной темы в художественном мире Манделъштама.

<sup>18</sup> Аксенов И.А. Письма. С. 137.

известной осторожностью предполагать, что, несмотря на свою принадлежность к футуризму, Аксенов в этот период (во всяком случае, в самом конце 1910-х годов) проявлял определенную заинтересованность к художественной практике символистов. Так, в рецензии на вышедший в свет в 1918 г. первый номер литературного журнала «Москва», ставшего своего рода «сметром сил» русского символизма и содержавшего, в частности, публикации произведений Бальмонта, Блока, Брюсова, Иванова, Кузмина, Ремизова, Ходасевича и др.<sup>19</sup>, он отмечал (Художественное слово. 1920. № 2):

«Москва» нечто вроде упрощенных «Весов» или «Мира искусства», с привкусом, однако, «Солнца России». Разрезая страницы журнала... почти целиком попадаешь в 90-е или 900-е годы. Это, конечно, очень отдохновительно, в наши бурные годы. Стихи... возвращают нас к славным дням символизма, застывшего в своем самодовольстве и не желающего знать ничего вне себя<sup>20</sup>.

Чуть ранее (Художественное слово. 1920. № 1), в отклике на выход в свет книги Михаила Кузмина «Жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Пг.: Странствующий энтузиаст, 1919), открывавшей издание «Нового Плутарха»<sup>21</sup>: «Старые друзья писателя прочтут эту книжку не без удовольствия... а люди, не знавшие прежнего Кузмина, пройдут мимо игры этого скептического ума и тонкого чувства»<sup>22</sup>. В таком контексте представляется симптоматичным, что 17.12.1919 на организованном Московским про-

---

<sup>19</sup> Автором обложки этого издания был Дмитрий Митрохин; о его взаимоотношениях с Мандельштамом см.: [Шиндин 2016с, с. 76–77].

<sup>20</sup> Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 325. Там же содержится пример выступления по этому поводу более «прогрессивно» настроенного критика, для ясного выражения своей откровенно негативной оценки прибегающего к помощи начинающего формироваться литературоведческого «новояза»: «Есть такая мертвецкая. Называется она – “Москва” – журнал литературы и искусства... Это издание “Творчества” – нечто вроде учреждения социального обеспечения, печатаются в нем знаменитые инвалиды, которым надо же, в самом деле, кормиться, чтобы как-нибудь докоротать свой век» (Клубень С. (Евгенов С.) В клюквенном море «пролетарской поэзии» // Грядущая культура. 1919. № 4/5), цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 324–325.

<sup>21</sup> Автором обложки этого издания был Мстислав Добужинский; о его взаимоотношениях с Мандельштамом см.: [Шиндин 2019, с. 215–218].

<sup>22</sup> Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 371.

фессиональным союзом писателей торжественном заседании, посвященном двадцатилетию творческой деятельности Балтрушайтиса, среди поздравлявших его коллег по цеху (Белого, Балмонта, Чулкова и др.) от имени «Центрифуги» выступил именно Аксенов<sup>23</sup>. В свою очередь, косвенным подтверждением причисления его современниками к «просимволистскому» лагерю может выступать рецензия Сергея Городецкого (Искусство (Баку). 1921. № 2/3) на вышедший в начале октября 1920 г. первый номер нового журнала Наркомпроса «Художественное слово: Временник Литературного отдела НКО», в которой бывший акмеист, в частности, отмечал: «Прикрываясь одним крылом “кузнецов”, Брюсов под другим выращивает поколение новых декадентов: Буданцева, Аксенова, Адалис, которые изворотливостью формы скрывают внутреннюю пустоту»<sup>24</sup>.

Очевидно, оба литератора стали жителями Москвы одновременно, в конце весны 1918 г.<sup>25</sup> Аксенов приехал в новую столицу Советской России в мае после освобождения из румынского плена, в котором с декабря 1917 г. четыре месяца находился в тюрьме, а затем был обменен на арестованных позднее румынских офицеров; см.: [Адашкина 2008а, с. 324]. Или чуть ранее, или тогда же состоялся первый переезд в Москву и Мандельштама<sup>26</sup>, где он оставался только до середины февраля 1919 г., когда, возможно, в связи с приближавшимся началом репрессий против левых эсеров вынужден был уехать в Харьков; см.: [Нерлер 2017, с. 14, стб. 2]<sup>27</sup>. Об общении

---

<sup>23</sup> См.: Там же. С. 484.

<sup>24</sup> Цит. по: Там же. С. 640; Рецензируемое новое издание не содержало публикаций поэтических произведений названных авторов, но 20.9.1920 они принимали участие в организованном Всероссийским союзом поэтов и прошедшем в Политехническом музее под председательством Брюсова вечере «О современной поэзии»; см.: Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 623.

<sup>25</sup> Тогда же им обоим была присуща еще одна типологическая особенность, характеризующая данный исторический период: приятие в той или иной степени событий октября предыдущего года.

<sup>26</sup> Попытка датировки этого эпизода присутствует в заметке: [Мец 2015, с. 162]; комментарий к ней содержится в публикации: [Шиндин 2016d, с. 360–361].

<sup>27</sup> Согласно предположительной точке зрения Н.В. Котрелева, не подкрепляемой фактографически, Мандельштам уехал из Москвы несколько ранее, во второй половине января; см.: (Документы О.Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возвращение к теме / Публ. Н.В. Котрелева // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017, С. 339). В своем предположении автор руководствуется датой прекращения

литераторов в данный период никаких сведений нет, но осторожные предположения о нем можно высказать, опираясь на широкий круг художественных интересов обоих и известные факты их присутствия в активной культурной жизни новой столицы страны. Принимавший в ней самое активное участие Аксенов, возможно, 1.10.1918 был среди предполагаемых выступавших на открытии Государственных свободных художественных мастерских, образованных на основе Строгановского центрального художественного училища и Училища живописи, ваяния и зодчества. 16.12.1918 он участвовал в состоявшемся в бывшем кафе «Элит» диспуте, организованном Профессиональным союзом художников-живописцев нового искусства; основой собрания стало его выступление «Искусство и эпоха», а 2.3.1919 выступал в прениях по поводу прошедшей в клубе-мастерской «Красный петух» (бывшем кафе «Питтореск») лекции Александра Гидони «Искусство и жизнь», содержавшей, в частности, отказ футуризму в праве существования в условиях новой экономической ситуации<sup>28</sup>. Трудно сказать, на каких из этих собраний мог побывать Мандельштам, но, учитывая интерес поэта к подобного рода событиям, его присутствие на них представляется вполне вероятным.

В этот же период Аксенов попробовал себя в драматургии в жанре стилизации под античную трагедию – из печати вышли его «Коринфяне»<sup>29</sup>, экземпляр которых<sup>30</sup> сохранился в личной библиотеке Мандельштама<sup>31</sup>; см.: [Фрейдин 1991, с. 237]<sup>32</sup>.

---

финансовых расчетов бухгалтерии Наркомпроса и делает из этого вывод о незамедлительно последовавшем отъезде бывшего сотрудника из столицы. Вместе с тем труднопреодолимые в этот период сложности с осуществлением железнодорожного сообщения очевидны, и прекращение трудовых отношений Мандельштама никак не означает его немедленного переезда в другой город, многочисленные примеры чему находятся не только в его биографии.

<sup>28</sup> См.: Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 269–270, 315–316, 362–363, 484.

<sup>29</sup> Аксенов И.А. Коринфяне: Трагедия / Предисл. авт.; фронтиспис А.М. Родченко, М.: Центрифуга, МСМХVII.

<sup>30</sup> Выполненный Александром Родченко фронтиспис стал первым опытом работы в книжной графике будущего автора обложки к третьему изданию «Камня» Мандельштама (1923); ср.: [Шиндин 2017b, с. 416].

<sup>31</sup> Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. С. 9, стб. 2.

<sup>32</sup> Электронная копия издания представлена на официальном сайте Государственной публичной исторической библиотеки (Москва); URL:

Дополнительное значение данному факту придает то обстоятельство, что, по свидетельству его спутницы жизни, в 1930-е гг. поэт «современников читал мало»<sup>33</sup>, следствием чего являлось незначительное количество их книг в личной библиотеке поэта<sup>34</sup>, в подобной ситуации приобретающих особый ценностный статус. Удивительным представляется тот факт, что это драматическое произведение Аксенова основывается на тщательной «реконструкции» двух известных сюжетов древнегреческой мифологии – о Ясоне и Медее и о Тезее, актуальных для содержательного строя двух «крымских» стихотворений Мандельштама лета 1917 г. – «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и «Меганом» («Еще далеко асфodelей...»). При этом мифологическая основа трагедии подробно воспроизведена автором в предисловии к ней, где время ее написания определено так: «Начатая в феврале 1916 и оконченная в июне 1917 года»<sup>35</sup>. Не менее активен, очевидно, был тогда же и Мандельштам, у которого работа в Наркомпросе с 1.6.1918<sup>36</sup>, насколько можно судить по имеющимся сведениям, не требовала особых усилий и оставляла возможность и время для участия в литературной жизни новой

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3521-aksenov-i-a-korinfyane-tragediya-m-tsentrifuga-1918#mode/flipbook/page/5/zoom/3> (дата обращения 31.08.2019).

<sup>33</sup> *Мандельштам Н.* <Мандельштам – читатель> / Реконстр. и публ. А. Устинова // Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама: Филологический сборник. Stanford: Aquilon Books, 2017. С. 23.

<sup>34</sup> Об этом же она пишет и в своих мемуарах: «В тридцатые годы О.М. уже не возвращался к двадцатому веку русской поэзии, а на полке собралась поэзия девятнадцатого» (*Мандельштам Н.* Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014, С. 328).

<sup>35</sup> *Аксенов И.А.* Коринфяне. Предисловие // Аксенов И.А. Из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: История литературы, теория, критика, поэзия, проза, переводы, воспоминания современников / Сост. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. М.: РА, 2008. С. 15.

<sup>36</sup> Датировку этого события содержит личная карточка поэта, воспроизведенная в публикации: (Документы О.Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возвращение к теме / Публ. Н.В. Котрелева // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 332).

столицы нового государства<sup>37</sup>. Но о встречах литераторов в этот период так ничего и не известно.

### Литература

- Адашкина 2006 – *Адашкина Н.Л.* Из наследия И.А. Аксенова // Тыняновский сборник. Вып. 12: X–XI–XII. Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 275–317.
- Адашкина 2008a – *Адашкина Н.Л.* Даты и факты жизни И.А. Аксенова // Аксенов И.А. Из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: Письма, изобразительное искусство, театр / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адашкиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. М.: РА, 2008. С. 330–357.
- Адашкина 2008b – *Адашкина Н.Л.* Иван Александрович Аксенов // Аксенов И.А. Из творческого наследия: В 2 т. Т. 1: Письма, изобразительное искусство, театр / Сост., вступит. ст. и коммент. Н.Л. Адашкиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. М.: РА, 2008. С. 5–61.
- Бабин 2006 – *Бабин А.А.* О книге Ивана Александровича Аксёнова «Пикассо и окрестности» // Пикассо и окрестности: Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 77–100.
- Б. п. 1928 – [Б. п.] Аксенов И.А. // Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Под ред. Б.П. Козьмина [1928]. 2-е изд. М.: ДЭМ, 1991.
- Видгоф 2018 – *Видгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Видгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М.: Новый хронограф, 2018.
- Видгоф, Нерлер 2017 – *Видгоф Л.М., Нерлер П.М.* Москва // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 345–353.
- Видгоф, Шиндин 2018a – *Видгоф Л., Шиндин С.* «Вот это действительно стихи!» Художник Александр Осмеркин // Видгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М.: Новый хронограф, 2018. С. 164–168.
- Видгоф, Шиндин 2018b – *Видгоф Л., Шиндин С.* «Наш общий любимец». Художник Лев Бруни // Видгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для

---

<sup>37</sup> Так, например, уже 7.5.1918, когда Мандельштам оставался еще в Петрограде, предполагалось его выступление на коллективном поэтическом вечере, посвященном открытию московского кафе «Венок искусств» (бывшее кафе «Савой»); см.: Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 181]. В «трудах и днях» Мандельштама данное событие со ссылкой на этот же источник определено несколько иначе: «В московской газете “Жизнь” объявлено выступление Мандельштама на вечере “Венок искусств” в московском кафе “Савой” “на второй день Пасхи” – 7 мая» [Летопись 2016, с. 127].

- энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М.: Новый хронограф, 2018. С.158–163.
- Гельперин 1989 – *Гельперин Ю.М.* Аксенов И.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А – Г / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Глухова, Лекманов 2017 – *Глухова Е.В., Лекманов О.А.* Иванов Вяч.И. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 258–260.
- Ичин 2011 – *Ичин К.* О поэзии и живописи: И. Аксенов и А. Экстер // *Eurogra Orientalis*. 2011. XXX.
- Ичин 2016 – *Ичин К.* О поэзии и живописи: И. Аксенов и А. Экстер // Ичин К. Авангардный взрыв. 22 статьи о русском авангарде. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
- Кацис 2018 – *Кацис Л.* Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (а, б). Гибель «от попугая» и гибель «от велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама // *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. № 6. М.: Модест Колеров, 2018. С. 129–145.
- Киришаум 2015 – *Киришаум Г.* «Я не Генрих Гейне...»: к вопросу об отношении О. Мандельштама к Г. Гейне // *Корни, победы, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. М.: РГГУ, 2015. С. 500–516.*
- Лекманов 2017 – *Лекманов О.А.* Аксенов И.А. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 69.
- Летопись 2016 – *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубяниковой, П. Минцера / 2-е изд., испр. и доп. Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016.*
- Литературная жизнь 2005 – *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005.*
- Мандельштамовская энциклопедия 2017 – *Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017.*
- Мец 2015 – *Мец А.* Осип Мандельштам в Кремле (1918) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 54. С. 160–163.
- Нерлер 2017 – *Нерлер П.М.* Приложение 1. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 9–26.
- Ольшанская 1994 – *Ольшанская Е.* Анна Ахматова в Киеве // *Серебряный век. Приложение к журналу «Ренессанс»*. Киев: Созвучие, 1994.
- Парнис 1989 – *Парнис А.Е.* Примечания // *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера, подгот. текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса, примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. Л.: Советский писатель, 1989. С. 553–707.
- Тименчик 2014 – *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расш. [В 2 т.] Т. 2: Сноски и выноски. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014.

- Тименчик 2017 – *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2017.
- Фарсетти 2012 – *Фарсетти А.* Авангардный образ Парижа: «Эйфелеи» И.А. Аксенова (взгляд из России) // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
- Фарсетти 2013 – *Фарсетти А.* К интерпретации стихотворения «Изменчиво» А.И. Аксенова // Русская филология. 24: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, 2013. С. 130–139.
- Фарсетти 2014 – *Фарсетти А.* Место музыки в творчестве поэта-футуриста А.И. Аксенова // Русская филология. 25: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, 2014. С. 234–242.
- Фарсетти 2015 – *Фарсетти А.* Неизвестная книга стихов Ивана Аксенова «Оды и танцы»: попытка реконструкции // Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей: Сборник статей. М.: Лидер, 2015. С. 116–124.
- Фарсетти 2016 – *Фарсетти А.* Из забытого авангарда: об одном неизвестном стихотворении И.А. Аксенова (акrostих К.А. Большакову). По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 385–395.
- Фрейдин 1991 – *Фрейдин Ю.Л.* «Остаток книг»: Библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 231–239.
- Ханзен-Лёве 2001 – *Ханзен-Лёве О.А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Шиндин 2009a – *Шиндин С.Г.* Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М: Водолей Publishers, 2009. С. 352–368.
- Шиндин 2009b – *Шиндин С.Г.* Мотив французской живописи рубежа XIX–XX веков в художественном мировоззрении Мандельштама // Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь. Чердынь. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009. С. 117–134.
- Шиндин 2016a – *Шиндин С.Г.* Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая) // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 74–86.
- Шиндин 2016b – *Шиндин С.Г.* Из «теневого окружения» Мандельштама: Юрий Терапиано // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 250–259.
- Шиндин 2016c – *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 55. С. 73–87.
- Шиндин 2016d – *Шиндин С.* Обязательный постскрипtum и необязательные детали // Новый Журнал. 2016. Номер 283. С. 358–366.

- Шиндин 2017а – Шиндин С. Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // Новый Журнал. 2017. Кн. 288. С. 266–300.
- Шиндин 2017б – Шиндин С.Г. Родченко А.М. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 416–417.
- Шиндин 2017с – Шиндин С.Г. Шкловский В.Б. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т.1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 545–548.
- Шиндин 2017d – Шиндин С.Г. Экстер А.А. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 559.
- Шиндин 2019 – Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О // Toronto Slavic Quarterly. 2019. № 67/68. С. 1–234.
- Шруба 2004 – Шруба М. «Центрифуга» // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Farsetti 2015 – Farsetti A. La poesia di Ivan Aksenov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione. Venezia: Universita Ca'Foscari Venezia, 2015.
- Markov 1968 – Markov V. Russian Futurism: A History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968.

## References

---

- Adaskina, N.L. (2006), “From the heritage of I.A. Aksenov”, in Chudakova, M.O. etc (eds.), *Tynyanovskie chteniya: Issledovaniya. Materialy*, Issue 12: X–XI–XII [Tynyanov readings: Research. Materials], Vodoley Publishers, Moscow, Russia, pp. 275–317.
- Adaskina, N. (2008a), “The dates and facts of life I.A. Aksenov”, in Sarab'yanov, A.D. (ed.), *Iz tvorcheskogo naslediya: V 2 t. T. 1. Pis'ma, izobrazitel'noe iskusstvo, teatr* [From the creative heritage: 2 vol. Vol. 2: History of literature, theory, criticism, poetry, prose, translations, memoirs of contemporaries], RA, Moscow, Russia, pp. 330–357
- Adaskina, N. (2008b), “Ivan Aleksandrovich Aksenov”, in Sarab'yanov, A.D. (ed.), *Iz tvorcheskogo naslediya: V 2 t. T. 1. Pis'ma, izobrazitel'noe iskusstvo, teatr* [From the creative heritage: 2 vol.: Vol. 1: Letters, fine arts, theatre], RA, Moscow, Russia, pp. 5–61.
- Babin, A. (2006), “About Ivan Aleksandrovich Aksenov's book ‘Picasso and surroundings’”, in Busev, M.A. (ed.), *Pikasso i okrestnosti: Sbornik statei* [Picasso and environs: Collection of articles], Progress-Tradicziya, Moscow, Russia, pp. 77–100.
- Chernykh, V. (1996), *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi*, Ch. 1: 1889–1917 [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova, Part 1: 1889–1917], Editoriap URSS, Moscow, Russia.
- Farsetti, A. (2012), “Avant-garde image of Paris: ‘Eiffeli’ by I.A. Aksenov (view from Russia)”, in Moskovskay, D.D. et al. (ed.), *N.P. Antsiferov. Filologiya proshlogo*

- i budushchego: Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya* [Philology of past and future: Based on the proceedings of the international scientific conference “First Moscow Antsiferov scientific conference”]. Moscow, 25–27 September IMLI RAN, Moscow, Russia.
- Farsetti, A. (2013), “To the interpretation of the poem ‘Changeable’ A.I. Akseñov”, in Guzaïrov, T. etc. (ed.), *Russkaya filologiya. 24: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian philology. 24: Collection of scientific works of young philologists], Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, Tartu, Estonia, pp. 130-139.
- Farsetti, A. (2014), “The place of music in the works of futurist poet A. I. Akseñov”, in Guzaïrov, T. etc. (ed.), *Russkaya filologiya. 25: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian philology. 25: Collection of scientific works of young philologists ], Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, Tartu, Estonia, pp. 234-242.
- Farsetti, A. (2015a), *La poesia di Ivan Akseñov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa. un'interpretazione*, Università Ca'Foscari Venezia, Venezia, Italy.
- Farsetti 2015 – Farsetti A. *La poesia di Ivan Akseñov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione*, Università Ca'Foscari Venezia, Venezia.
- Farsetti, A. (2015b), “Unknown book of poems by Ivan Akseñov ‘Odes and dances’: an attempt at reconstruction”, in Noviczka, L.A. etc. (ed.) *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: Sbornik statei* [Textology and historical and literary process, III International conference of young researchers], Lider, Moscow, Russia, pp. 116-124
- Farsetti, A. (2016), “From the forgotten avant-garde: about one unknown poem by I.A. Akseñov (the acrostic K.A. Bolshakova). According to archival materials OR IMLI RAN *Studia Litterarum*, vol. 1, no.1–2, pp. 385-395.
- Freidin, Yu. (1991), “‘The rest of the books’. the books’: the library of Mandelstam”, in: Papernyi, Z.S. (ed.), *Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam*, Issledovaniya i materialy [The word and destiny. Osip Mandel'shtam: Research and materials], Nauka, Moscow, Russia, pp. 231-239.
- Gel'perin, Yu.M. (1989), “Akseñov I.A.”, in Nicolaev, P.F. (ed.), *Russian writer. 1800–1917: Biographical dictionary*, Vol. 1: A–G [Akseñov I.A. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Glukhova, E.V. and Lekmanov, O. (2017), “Ivanov Vyach. I.”, in Nerler, P. and Lekmanov, O. (ed.) *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya*, V 2 t. T. 1 [Mandel'shtam's encyclopedia: 2 vols., vol. 1], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 258-260.
- Khansen-Leve, O.A. (2001), *Russkii formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism: Methodological reconstruction on the basis of the principle of distancing], transl. from Germ. by S.A. Romashko, Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Ichin, K. (2011), “About poetry and painting: I. Akseñov and A. Exter”, *Europa Orientalis*, vol. XXX.
- Ichin, K. (2016), “About poetry and painting: I. Akseñov and A. Exter”, *Avant-garde explosion. 22 articles about Russian avant-garde* [Avangardnyi vzryv. 22 stat'i o russkom avangarde], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.

- Katsis, L. (2018c), “Notes of reader (and writer) of historical and philosophical literature. VIII (A, B). Fatality ‘From the parroting’ and the death ‘From the bike’ in the ‘Fourth prose’ of Osip Mandelstam”, *History. Scientific Review OSTKRAFT*, no. 6, Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 129-145.
- Kirshbaum, G. (2015), “‘I am not Heinrich Heine...’: on the question of the relation of O. Mandel’shtam to H. Heine”, in Nerler, P.M., Pomorsky, A. and Surat, I.Z. (ed.), *Korni, pobegi, plody... Mandel’shtamovskie dni v Varshave*, V 2 ch. [Roots, shoots, fruits... Mandel’shtam’s days in Warsaw] RGGU, Moscow, Russia, pp. 500-516.
- Lekmanov, O. (2017) “Aksenov I.A.”, in Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.), *Mandel’shtam’s encyclopedia: 2 vol.: Vol. 1* [Aksenov I.A. Mandel’shtamovskaya entsiklopediya: V 2 t. T. 1 / Gl. red. P.M. Nerler, O.A. Lekmanov], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, p. 69.
- Literary Life (2005) – Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Testimonials of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, Part 1, Moscow and Petrograd. 1917–1920. Ex. ed. A.Yu. Galushkin, IWL RAS, 2005. Moscow. Russia.
- Mandel’shtam’s encyclopedia (2019), *Mandel’shtamovskaya entsiklopediya*, V 2 t. [Mandel’shtam’s encyclopedia], 2 vol., Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.), Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Markov (1968) – Markov V. *Russian Futurism: A History*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968.
- Mets, A. (2015) – Mets, A. “Osip Mandel’shtam in the Kremlin (1918) [“Osip Mandel’shtam v Kremle (1918)”, *Toronto Slavic Quarterly*. № 54, Toronto, pp. 160-163.
- Mets, A.G. (2016), *Letopis’ zhizni i tvorchestva O.E. Mandel’shtama* [Chronicle of the life and work of O.E. Mandelstam, Metz, A.G. et al. (ed.)], 2<sup>nd</sup> ed., Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, Toronto, Canada.
- Nerler, P. (2017), Nerler P.M. Appendix 1. “Chronicle of life and work of O.E. Mandel’shtam”, in Nerler, P.M. and Lekmanov O. (eds.), *Mandel’shtamovskaya entsiklopediya* [Mandel’shtam’s encyclopedia] in 2 vols.: Vol. 2, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 9-26.
- Ol’shanskaya, E. (1994), “Anna Akhmatova in Kiev”, in Ol’shanskaya, E.M. (ed.), *Serebryanyi vek. Prilozhenie k zhurnalu «Renessans»* [Silver age. Appendix to the magazine “Renaissance”], Sozvuchie, Kiev, Ukraine.
- Parnis, A. (1989), “Notes”, Livshits B. *Polutoroglaziyi strelets: Stikhotvoreniya, perevody, vospominaniya* [Polytonality Sagittarius: Poems, translations, memoirs], Comp. Livshits, E.K. and P.M. Nerler, Sovetskii pisatel’, Leningrad, Russia, pp. 553-707.
- Shindin, S. (2009a), “Mandel’shtam and Shklovsky: fragments of dialogue”, in Chudakova, M.O. etc (ed.), *Tynyanovskii sbornik* [Tynyanov collection], Issue 13: XII–XIII–XIV. Tynyanov readings: Research. Materials, Vodoley Publishers, Moscow, Russia, pp. 352-368.
- Shindin, S. (2009b), “Motif of French painting at the turn of XIX–XX centuries in Mandel’shtam’s artistic worldview”, in Petrova, N.A. et al. (ed.) *Miry O. Mandel’shtama: IV Mandel’shtamovskie chteniya: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, 31 maya – 4 iyunya 2009 g. Perm’ – Cherdyn’* [Worlds of O. Mandelstam: IV Mandelstam readings: Proceedings of the international scientific

- seminar, May 31 – June 4, 2009, Perm' – Cherdyn'], Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Perm', Russia, pp. 117-134.
- Shindin, S. (2016a), "From 'shadow environment' of the Mandel'shtam: Constantin Vaginov (Article first)", in Cherashnyaya, D.I. (ed), *Kormanovskie chteniya. Vyp. 15: Stat'i i materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [Kormanov conference, Vol. 15, Articles and proceedings of the interuniversity scientific conference (Izhevsk, April 2016)], Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, Izhevsk, Russia, pp. 74–86.
- Shindin, S. (2016b), "From 'shadow environment' of the Mandel'shtam: Yuriy Terapiano", in Cherashnyaya, D.I. (ed), in Cherashnyaya, D.I. (ed), *Kormanovskie chteniya. Vyp. 15: Stat'i i materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [Kormanov conference. Vol. 15: Articles and proceedings of the interuniversity scientific conference (Izhevsk, April 2016)], Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, Izhevsk, Russia, pp. 250-259.
- Shindin, S. (2016c), "A book in Mandel'shtam's biography and artistic worldview, *Toronto Slavic Quarterly*, No. 55, Toronto, Canada, pp. 73–87.
- Shindin, S. (2016d), "PostScript mandatory and optional parts", *Novyi Zhurnal*, no. 283, New York, pp. 358-366.
- Shindin, S. (2017a), "From 'shadow environment' of the Mandel'shtam: Sergei Makovskii" *Novyi Zhurnal*, no. 288, New York, USA, pp. 266-300.
- Shindin, S. (2017b), "Rodchenko A.M.", in Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.), *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandel'shtam's encyclopedia] in 2 vols. Vol. 1, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 416-417.
- Shindin, S. (2017c), "Shklovsky V.B.", in Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed), *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandel'shtam's encyclopedia] in 2 vols. Vol. 1 Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 545-548.
- Shindin, S.G. (2017d), "Ekster A.A.", in Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.), *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandel'shtam's encyclopedia], in 2 vols., Vol. 1, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, p. 559.
- Shindin, S. (2019), "Having created a sad tale.: The publication of 'Mandel'shtam's encyclopedia', Article fourth: A–O", *Toronto Slavic Quarterly*, no. 67/68, pp. 1-234.
- Shruba, M. (2004), "Centrifuge", in Shruba, M. (ed.), *Literaturnye ob'edineniya Moskovy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary unions of Moscow and St. Petersburg years 1890–1917: Dictionary], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Timenchik, R. (2014), *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody* [Last poet. Anna Akhmatova in the 60s.], 2 vol.: Vol. 2: Footnotes and callout Mostly kul'tury / Gesharim, Moscow.
- Timenchik, R. (2017), *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev* [Underground classics: Innokenty Annensky. Nikolai Gumilev], Mostly kul'tury / Gesharim, Moscow.
- Vidgof, L. (2018), "'Housing problem'. How Osip Mandel'shtam lived in Herzen's House (according to archival materials)" in Vidgof, L. *Mandel'shtam i... Arkhivnyye materialy. Stat'i dlya entsiklopedii. Raboty o stikhakh i proze Mandel'shtama* [Vidgof, L., Mandel'shtam and... Archival materials. Articles for encyclopedia. Works on the poetry and prose of Osip Mandel'shtam], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

- Vitgof, L. and Nerler, P. (2017), “*Moscow*”, in Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (ed.), *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandel'shtam's encyclopedia], in 2 vols., Vol. 1, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 345-353.
- Vitgof, L. and Shindin, S. (2018a), “Our mutual favorite’. The Artist Lev Bruni” in Vidgof, L. *Mandel'shtam i... Arkhivnye materialy. Stat'i dlya entsiklopedii. Raboty o stikhakh i proze Mandel'shtama* [Vidgof, L., Mandel'shtam and... Archival materials. Articles for encyclopedia. Works on the poetry and prose of Osip Mandel'shtam], Novyi khronograf, Moscow, Russia, pp. 158-164.
- Vitgof, L. and Shindin, S. (2018b), “That's really poetry!’ The Artist Alexander Osmerkin” in Vidgof L. *Mandel'shtam i... Arkhivnye materialy. Stat'i dlya entsiklopedii. Raboty o stikhakh i proze Mandel'shtama* [Vidgof, L., Mandel'shtam and... Archival materials. Articles for encyclopedia. Work on the poetry and prose of Osip Mandel'shtam], Novyi khronograf, Moscow, Russia, pp. 164–168.
- [B. p.] (1928), “Aksenov I.A.”, *Pisateli sovremennoi epokhi: Bio-bibliograficheski slovar' russkikh pisatelei XX veka* [Writers of the modern era. Biographical-bibliographic dictionary of Russian writers of the 20th century], Ed. by B.P. Kozmin, vol. 1, DEM, Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

*Сергей Г. Шиндин*, Ph.D., независимый исследователь, Саратов, Россия; s.shindin@mail.ru

### *Information about the author*

*Sergey G. Shindin*, Ph.D., independent researcher, Saratov, Russia; s.shindin@mail.ru

О.Э. Мандельштам, А.И. Свирский,  
И.В. Евдокимов, Д.Д. Благой  
в Доме Герцена: 1922–1933

(Из комментариев к «Четвертой прозе» О.Э. Мандельштама:

- 1) «...некий Митька Благой»; 2) «...лицейская сволочь...»;
- 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки...»;
- 4) «... сторожит в специальном музее...»;
- 5) «...веревку удавленника Сережи Есенина»)

Леонид Ф. Кацис

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, batya-94@mail.ru*

*Аннотация.* В работе предлагается принципиально новый подход к анализу «Четвертой прозы» О.Э. Мандельштама, основанный на введенных впервые в научный оборот документах и материалах, разъясняющих ряд малопонятных и не всегда совпадающих с исторической реальностью фактов. В частности, анализируется эпизод, связанный с «веревкой удавленника Сережи Есенина», который никоим образом не имеет отношения к «Лицейской сволочи Митьке Благому»; анализируется историческая реальность взаимоотношений О.Э. Мандельштама с кругом Сергея Есенина; показано, что «Митька Благой» является субститутом близкого Есенину И. Евдокимова, который многими узами связан с обстоятельствами личной и писательской жизни О.Э. Мандельштама. Автор показывает роль А. Свирского как в истории увековечения памяти Сергея Есенина, так и в ряде бытовых конфликтов с участием О.Э. Мандельштама, отражившихся в «Четвертой прозе».

*Ключевые слова:* О.Э. Мандельштам, С.А. Есенин, И.В. Евдокимов, Д. Благой, А. Свирский, «Четвертая проза», Дом Герцена

*Для цитирования:* Кацис Л.Ф. О.Э. Мандельштам, А.И. Свирский, И.В. Евдокимов, Д.Д. Благой в Доме Герцена: 1922–1933. (Из комментариев к «Четвертой прозе» О.Э. Мандельштама: 1) «...некий Митька Благой»; 2) «...лицейская сволочь...»; 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки...»; 4) «... сторожит в специальном музее...»; 5) «...веревку удавленника Сережи Есенина») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 47–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-47-93

O.E. Mandelstam, A.I. Svirsky,  
I.V. Evdokimov, D.D. Blagoy  
at the Herzen House: 1922–1933

(From the comments

on the “Fourth Prose” by O.E. Mandelstam:

- 1) “...a certain Mitka the Good”; 2) “...the Lyceum bastard...”;  
3) “...permitted by the Bolsheviks for the benefit of science...”;  
4) “...is guarding in a special museum...”;  
5) “...the rope of the strangled Seryozha Yesenin”)

Leonid F. Katsis

*Russian State University for the Humanities.  
Moscow, Russia, Batya-94@mail.ru*

*Abstract.* The work offers a fundamentally new approach to the analysis of “Fourth Prose” by O. Mandelstam, based on documents and materials introduced for the first time in scientific circulation, explaining a number of obscure facts that do not always coincide with the historical reality. In particular, the author analyzes an episode connected with the “rope of the strangled Seryozha Yesenin”, which in no way relates to the “Lyceum bastard Mitka Blagoy”; he also analyzes the historical reality in the relationship of O.E. Mandelstam with a circle of Sergei Yesenin. It is shown that Mitka Blagoy is a substitute of I. Evdokimov, close to Yesenin, who is connected in many ways with the circumstances of O.E. Mandelstam’s life as a person or writer. The author shows the role of A. Svirsky both in the history of perpetuating the memory of Sergei Yesenin, and in a number of domestic conflicts involving O.E. Mandelstam, reflected in the “Fourth Prose”.

*Keywords:* O.E. Mandelstam, S.A. Yesenin, I.V. Evdokimov, D. Blagoy, A. Svirsky, “Fourth Prose”, the Herzen House

*For citation:* Katsis, L.F. (2019), O.E. Mandelstam, A.I. Svirsky, I.V. Evdokimov, D.D. Blagoy at the Herzen House: 1922–1933 (From the comments on “Fourth Prose” by O.E. Mandelstam: 1) “...a certain Mitka the Good”; 2) “...the Lyceum bastard...”; 3) “...permitted by the Bolsheviks for the benefit of science...”; 4) “...is guarding in a special museum...”; 5) “...the rope of the strangled Seryozha Yesenin”), *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 47-93, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-47-93

Комментирование прозы Осипа Мандельштама с недавних пор стало очень трудным и неблагодарным занятием. Дело в том, что в самых так называемых авторитетных изданиях стали появляться

сведения, которые сами по себе требуют комментария, ибо любой специалист, обращающийся к последующим работам, исходит из самых последних данных наиболее представительных, как кажется на первый взгляд, изданий. С них и начнем.

К великому счастью, в позорной «Мандельштамовской энциклопедии»<sup>1</sup> [Шиндин 2018а, 2018b, 2018с, 2019; ср. в интервью О.А. Лекманова<sup>2</sup>] статей о произведениях поэта как поэтических, так и прозаических нет как нет, но есть статья «Благой Дмитрий Дмитриевич» с интересующей нас фразой:

С 1926 занимался организацией Лит. музея при Всерос. союзе писателей, а также комиссии по изучению творчества С.А. Есенина. После открытия музея в 1928 (на втором этаже «Дома Герцена») был его первым директором. *В музее располагался отдел памяти Есенина, где экспонировалась, в частности, веревка, на которой повесился поэт* (Курсив наш. – Л. К.) [Лекманов 2017а]<sup>3</sup>.

В статье того же автора «Есенин Сергей Александрович» приведены соответствующие строки и сведения о музее, однако без указания места хранения важнейшего экспоната [Лекманов 2017b с. 124]. Если статья о Благом лишена библиографии и не может датироваться по содержанию, то статья «Есенин» содержит указания на двухтомник Н.Я. Мандельштам 2014 г.<sup>4</sup>, хотя трудно понять, кому принадлежит эта освежающая ссылка, ведь по сведениям автора статей, он на заключительном этапе подготовки энциклопедии участия в работе не принимал<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> *Кацис Л.* Осип Мандельштам в инвалидном лагере «Мандельштамовской энциклопедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2364505.html> (дата обращения 03 января 2019).

<sup>2</sup> *Лекманов О.* Жизнь с Мандельштамом. Олег Лекманов о фамиллярной критике, злой Надежде Яковлевне и невежестве Сталина // *ExLibris «Независимая газета»* [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ng.ru/ng\\_exlibris/2017-11-09/10\\_911\\_mandelshtam.html](http://www.ng.ru/ng_exlibris/2017-11-09/10_911_mandelshtam.html) (дата обращения 13 октября 2019).

<sup>3</sup> Те же сведения, однако, не содержатся в биографиях С.А. Есенина, О. Лекманова и М. Свердлова. Здесь же отметим, что в этих биографиях интересующий нас И.В. Евдокимов упоминается лишь однажды с дефиницией «литератор», а Мандельштам встречается лишь в случайных эпизодах. Не говорим уже об отсутствии там имени Благого вообще.

<sup>4</sup> *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014.

<sup>5</sup> *Лекманов О.* Указ. соч.

Близкие сведения о веревке содержатся и в комментариях к ПСС Мандельштама А.Г. Меца, что неудивительно [Мец 2017, с. 614]. Он во всем на слово верит поэту<sup>6</sup> с той лишь разницей, что дату организации музея он указывает как 1926, не пытаясь ее искусственно приблизить ко времени «Уленшпигелевского скандала» и дате написания «Четвертой прозы», как это сделано в «Мандельштамовской энциклопедии».

Как известно, «Мандельштамовская энциклопедия» за редчайшими исключениями публикуется в варианте 2008 г., но статья о Есенине по списку ее литературы не выходит за 2002 г. Поэтому необходимо проверить приводимые и О. Лекмановым и А. Мецем сведения изданиями последующих 10–15 лет.

И здесь нас сразу ожидают два важных сюрприза. С одной стороны, это «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» [Летопись 2018], а с другой – «Текстологический временник» (кн. 3) того же 2018 г. [Субботин 2018].

Из первого источника мы узнаем за соответствующей датой:

Январь, 20. 1926. Заведующий столом дознания 2-го отделения ленинградской милиции Вергей по делу «о самоубийстве посредством повешения гр. Есенина Сергея Александровича» дает заключение об отсутствии в деле состава преступления. <...>

До 3 февр. 1926 Д.И. Бродский передает в народный суд отношение об охране имущества Есенина. Дата события – на основании анонимного сообщения под заголовком «Дело о Сергее Есенине», в котором, в частности, говорится: «В прокуратуру Центрального района поступило производство по делу «О самоубийстве гр. Есенина, по профессии писателя». <...> Все документы прокуратура

---

<sup>6</sup> Наш разбор истории с «веревкой» с 1926 г. вплоть до анекдотических аукционных происшествий наших дней, см: [Кацис 2018b, с. 323–333; Кацис 2018с, с. 135–138] существенно расходится с анализом Лекманова, Свердлова и Меца.

Трудно сказать, кто здесь на кого повлиял из-за проблем с библиографией у этих авторов, но в первом издании трехтомника О. Мандельштама под ред. А.Г. Меца мы находим дословно те же сведения, равно как и в различных изданиях биографии Мандельштама у Лекманова. Поэтому открывателем «веревки» придется признать комментатора ПСС, не давшего ссылок на источник информации. Ср. [Мец 2010, с. 696]. Правда, и О. Лекманов в статье о Благом не дал на «первооткрывателя» ссылку из-за отсутствия библиографии к статье «Д.Д. Благой» [Лекманов 2017а] вообще, а ведь она могла бы стать пусть и беспомощным, но оправданием сенсационного сообщения, принадлежащего, как выясняется, перу предшественника.

предполагает направить в организуемый в Москве музей им. скончавшегося поэта.

«Новая веч. газ.». Л., 1926. 3 февр. № 30.

См. также газеты: «Веч. Москва» (1926. 4 февр. № 28); «Веч. радио» (Харьков. 1926. 8 февр. № 30).

Намерение прокуратуры вскоре будет реализовано – материалы дознания о смерти Есенина будут отправлены в Москву на имя Д.Д. Благого «16 февр. 1926 (см. сопроводительное письмо помощника ленинградского губернского прокурора М.К. Вальяно: ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 260)» [Летопись 2018, с. 90].

Понятно, что никаких сведений о передаче вещественных доказательств, а «веревка удавленника» относится именно к ним, здесь нет и быть не может.

Казалось бы, можно поставить точку. Фраза О.Э. Мандельштама, простодушно решаем мы, метафорически отражает указанный факт, о котором поэт мог легко узнать просто из газет.

Однако такому простодушию мешает поистине сенсационная публикация в «Текстологическом временнике» материалов участника всех событий, связанных с увековечением памяти Сергея Есенина, прозаика и редактора Ивана Евдокимова, который (под очень «неудобной» для «видевших веревку» и/или уверенных в своем доверии художественному тексту «Четвертой прозы» комментаторах и биографах Мандельштама и даже Есенина, как проф. Лекманов) написал в шуточном тексте «Литературный словарь», датированном 5 окт. 1927, среди прочего:

Д. Благой – хранитель дырявой головы тов. Свирского [Субботин 2018, с. 477].

Никаких мандельштамоведческих комментариев здесь нет, только указываются даты жизни А.И. Свирского и говорится:

Здесь – намек на должность литературоведа Дмитрия Дмитриевича Благого (1893–1984), бывшего тогда заведующим Музеем Есенина при Всероссийском союзе писателей (ВСП). А.И. Свирский входил в писательский Комитет по увековечению памяти поэта [Субботин 2018, с. 483].

Таким образом, в отличие от «Мандельштамовской энциклопедии», видный есениновед считает, что музей тогда уже был.

Итак, фраза Мандельштама обрела неожиданный и очень острый подтекст. Ведь А.И. Свирский (1865–1942), имел прямое отношение и к О.Э. Мандельштаму, и к Благому, и к Комитету памяти Есенина.

Прекрасным подарком для нашего исследования явилась упомянутая «Летопись жизни и творчества Есенина», и даже не столько весь громадный и очень интересный том о последних днях жизни поэта, сколько специальный раздел в нем: «Инициативы и мероприятия по увековечению памяти поэта», которым мы и воспользуемся для начала. Нас будут интересовать пересечения «Благой–музей–Свирский», где, однако, имени Мандельштама, за исключением малоинтересной вторичной цитаты, нет. При этом, помня о фразе И. Евдокимова о Благом, мы усложним наш поиск до «Благой–музей–Свирский–Евдокимов». И эти пересечения бессмысленными не окажутся.

Попробуем построить хронологию взаимных контактов, используя не только названные выше источники, но и «Летопись жизни и творчества» О.Э. Мандельштама, которую в данном контексте никто из авторов указанных нами книг в расчет не включал.

Проследим эти события, помня об уже названной посылке Д.Д. Благому материалов дознания о самоубийстве Сергея Есенина.

Первым на исторической сцене появляется А.И. Свирский:

30 декабря 1925. Свирский назначен в Президиум похоронной комиссии [Летопись 2018, с. 73].

Январь, 7. 1926. В Доме Герцена проходит вечер памяти Есенина, организованный объединением «Литературное звено» (восп. и докл. О Есенине Свирского и др.) [Летопись 2018, с. 360].

Март 7. 1926. Комитет по увековечению памяти и изучению творчества Сергея Есенина рассматривает вопрос «О злоупотреблении именем Есенина и недостойной спекуляции вокруг его имени» и дает поручение председателю Комитета А.И. Свирскому: «Обратиться в Главрепертком (Минпроса) с просьбой согласовывать с Комитетом вопрос о допущении к постановке могущих появиться пьес, связанных с именем Есенина».

7 марта 1926 г. Есенинский комитет намечает мероприятия по открытию приюта для беспризорных.

Из протокола:

П. 3. Предложение А.И. Свирского о присвоении имени С.А. Есенина приюту для беспризорных, имеющему быть созданным на средства, полученные от выпуска Союзом писателей однодневной газеты в пользу беспризорных.

Сведения о других мероприятиях комитета в этом направлении не выявлены.

Нетрудно видеть, что положение Свирского здесь центральное.

Однако на том же заседании возникает вопрос о музее, и тут мы сразу же встречаем Д.Д. Благого (и это п. 2 наших комментариев,

объявленный в заглавии статьи) с докладом о сложившейся ситуации:

– открытие музея Есенина

Из плана «Открытие при Доме Герцена музейной экспозиции «Уголок Есенина»» и т. п.

Из сообщения Д.Д. Благого, будущего первого директора музея, о планах его создания в Доме Герцена: «Особое место в музее займут материалы по истории жизни и творчества поэта Сергея Есенина, которые сейчас сосредотачиваются при союзе писателей и только что образовавшейся комиссии по изучению творчества Сергея Есенина» [Летопись 2018, с. 472–473].

Далее упоминается о планах открытия библиотеки им. Есенина, но сведений о ней не выявлено.

Как видим, и здесь все пока идет своим чередом. Однако очень скоро будет иметь место смешная, в сущности, но очень болезненная для поклонников погибшего поэта история, в которой примут участие и Свирский, и Благой, и интересующий нас теперь Евдокимов:

5–6 июня. Поездка в Константиново делегации из Москвы. Д.Д. Благой. В дар селу передается библиотека. В числе прочего вклад А.И. Свирского [Летопись 2018, с. 479].

Кроме того:

ВСП предусмотрел особый подарок родине Сергея Есенина. 7 мая 1926 г. правление ВСП рассмотрело и утвердило предложение гражданки Афанасьевой-Осиповой «об устройстве знамени ВСП как дар шестства деревне Есенина». <...> Изготовление знамени профинансировано Есенинским комитетом (поручение Е.А. Есениной, С.А. Толстой-Есениной и И.Е. Евдокимову). Знамя василькового цвета, в соответствии с любимым цветом Есенина, с надписью золотом «Всероссийский Союз Писателей родному селу Есенина» – было изготовлено по предложению В.Л. Львова-Рогачевского художником Б.Б. Титовым. Однако по решению ВСП, усмотревшему в голубом «литературном» знамени непонятный для общества символ, вручения этого знамени на сходе, как было объявлено заранее в газетах «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов» (1926, 1 июня, №124), не произошло. Позднее А.И. Свирский и И.В. Евдокимов организуют изготовление другого варианта знамени – красного цвета (ГЛМ, ф. 4, оп. 1. ед. хр. 294, л. 6–7). Оно будет доставлено в Константиново, по всей вероятности, в один из очередных приездов Е.А. Есениной и В.Ф. Наседкина в Константиново [Летопись 2018, с. 480].

На заседании по итогам этой поездки звучит и сообщение Белого [Летопись 2018, с. 480].

Уже для биографии О.Э. Мандельштама и его знаковых контактов с современниками самого разного толка небезынтересно, что до 1930 г. при ВСП работала шефская комиссия над с. Константиновым, куда входили А. Саргиджан<sup>7</sup> и П. Павленко<sup>8</sup>, с одной стороны, и секретарь Андрея Белого П. Зайцев<sup>9</sup> – с другой.

Была здесь и еще одна похоронно-мемориальная деталь, связанная с Евдокимовым и Свирским:

Постановление об установке надгробного памятника на могиле Есенина принимается учредительным заседанием (собранием) Комитета по инициативе А.И. Свирского [Летопись 2018, с. 474].

Вопрос о памятнике стоит на повестке дня заседания Есенинской комиссии 7 марта (поручение А.И. Свирскому организовать подписку на памятник) (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 294. Л. 1) [Летопись 2018, с. 475].

За могилой постоянно осуществлялся уход. Комитет периодически выделяет на это определенные суммы. Многие поручения выполняли сестры поэта, прежде всего Е.А. Есенина... Летом 1926 г. благодаря И.В. Евдокимову установлена временная ограда, взятая напрокат. 8 окт. 1926 г. Есенинский комитет выделяет деньги на приобретение и установку стационарной ограды [Летопись 2018, с. 475].

К имени И. Евдокимова в связи с историей со знаменем и оградой, хотя главное – и в дневнике, и в нашей истории подготовка важнейшего посмертного тома собрания сочинений С.А. Есенина, естественно, даются сведения о нем:

В 1911 г. Евдокимов поступает на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета и с жадностью впитывает многочисленные впечатления от культурной жизни российской столицы. Он стремится стать не только ее зрителем, но и участником. <...> Размышляя над статьями акмеистов Н. Гумилева и С. Городец-

<sup>7</sup> Драка с ним из-за долгов и оскорбления Н.Я. Мандельштам стала причиной товарищеского суда и «пощечины» А.Н. Толстому.

<sup>8</sup> П. Павленко, как известно, оставил нам «рецензию» на «Оду» Сталину, способствовавшую последнему аресту Мандельштама. Новейшую дискуссию об этом с не очень убедительной попыткой оправдания Павленко см.: [Мец 2020, с. 341–448].

<sup>9</sup> П. Зайцев не только встречался с Мандельштамом, но и пытался организовывать вечера памяти Андрея Белого, где планировалось чтение стихов Мандельштама [Спивак 2008].

кого о поэзии (Аполлон. 1913. № 1), Евдокимов записывает свое мнение об акмеизме (но без упоминания ОМ. – Л. К.).

Приходится лишь сожалеть, что петербургские дневники Евдокимова, содержащие немало подробностей о литературных и культурных событиях столичной жизни тех лет, до сих пор (за одним небольшим исключением) не введены в научный оборот [Субботин 2018, с. 449]<sup>10</sup>.

Между тем, как раз интересующие нас сведения о контактах О. Мандельштама и И. Евдокимова, неважно, глубоких или нет, давно опубликованы как раз в «Летописи...» О. Мандельштама [Летопись 2014]. Вот они:

1913 ноябрь 16. На вечеринке вологодского землячества «были футуристы: Игорь Северянин, Маяковский и еще кто-то; из приличной публики читали стихи О. Мандельштам и Георгий Иванов» (Дневник И. Евдокимова, запись 18 ноября. РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 45) [Летопись 2014, с. 67].

И здесь же [Летопись 2014, с. 69–72] упоминания вечеров ОМ и его публикаций, включая:

Декабря 7. [О. М.] Присутствовал на лекции В. Пяста «Поэзия вне групп» в Тенишевском зале: Из дневника И. Евдокимова: «Самыми крупными, свежими из молодых <Пяст> назвал А. Ахматову, О. Мандельштама и Игоря Северянина. <...> Но мне положительным кощунством казались чрезмерные хвалы О. Мандельштаму. Пяст упорно противопоставлял А. Блоку Мандельштама и было видно, что Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо большим, чем А. Блок. О. Мандельштам юркий жидок<sup>11</sup>, с откинутой назад головой... но все же талантлив, талантлив несомненно...» РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 74–76) [Летопись 2014, с. 71–72].

14 апреля 1917 И. Евдокимов встречает О. М. в университете (Дневник Евдокимова, запись 17 апр. РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 207) [Летопись 2014, с. 82].

---

<sup>10</sup> Стоит отметить, что некоторые страницы дневника И.В. Евдокимова печатались и в специальной статье о писателе [Куликов, Авдеева 1997], и в «Биографической летописи А.А. Ахматовой» В. Черныха (не приводим ссылки на различные издания, см. по указателю) и т. д.

<sup>11</sup> Отметим поразительное сходство этой записи с высказываниями о Мандельштаме-еврее А.А. Блока и З.Н. Гиппиус, что, возможно, имеет и прямое происхождение от знакомого Блока – В. Пяста.

Нельзя и пройти мимо давней, но очень важной публикации отрывков из неоконченного мемуарного романа Ларисы Рейснер «Рудин», посвященного, в частности, и журналу «Рудин», о котором публикаторы писали:

... Рейснеры стремились привлечь в свой журнал литературную молодежь. Основными его сотрудниками стали студенты – члены университетского «Кружка поэтов», в который входила сама Рейснер. Среди них были О.Э. Мандельштам, Вс.А. Рождественский, И.В. Евдокимов; был привлечен живший тогда в Москве Л.В. Никулин<sup>12</sup>.

Там же сообщается, что О.Э. Мандельштам опубликовал в «Рудине» два стихотворения в № 7 и 8 за 1916 г., а И.В. Евдокимов, начав печататься еще в 1915 г., тоже два стихотворения в № 2 и, скажем от себя, рядом с Мандельштамом, в № 7<sup>13</sup>.

Это все неплохой комментарий к словам И.В. Евдокимова из его Дневника типа «видел Мандельштама в Университете».

Само по себе – это немного, а может быть, и не так уж мало, но в контексте неожиданного совпадения не до конца понятной до сего дня фразы Мандельштама из «Четвертой прозы» и гарантированной шутки (ведь А.И. Свирский дожил до 1942 г. со своей и не «прострелянной» головой, хоть и «хранил» ее в Музее, понятно – Есенина – Д.Д. Благой) Ивана Евдокимова, заставляет считать, что составитель сборников памяти Есенина и его посмертного тома Собрания сочинений были не совсем чужды друг другу.

В любом случае, нахождение источника мандельштамовской шутки теперь навсегда поместит Евдокимова в комментарии к «Четвертой прозе», и не только.

Ранее мы уже отметили, что сам образ «хранения веревки удавленника» имеет глубокие корни в смысловой структуре «Четвертой прозы», а анекдотическая история «реальной» веревки вне всякой связи с Есенинским музеем Д.Д. Благого с успехом тянется вплоть до наших дней.

Между тем, само событие – самоубийство Есенина – не было для Мандельштама безразличным, совсем наоборот.

---

<sup>12</sup> Рейснер Л. Автобиографический роман / Вст. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской. Характеристика источников публикации сост. Т.Г. Динесман; Примеч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93. М.: Наука, 1983. С. 192 [Электронный ресурс]. URL: [http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2093/LN93-4\\_Рейснер.pdf](http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2093/LN93-4_Рейснер.pdf)

<sup>13</sup> Там же. С. 198.

Вот воспоминания современника о разговоре на эту тему с Б. Пастернаком:

«Он (Есенин) так сам ко мне относился, что я не мог строить к нему отношений, не основываясь на этом», – сказал он в раздумье, вспоминая, вероятно, свои недавние столкновения с Есениным. «Вот и Мандельштам тоже. И тем не менее смерть его [Есенина. – Т. Н.] поразила меня, наступило какое-то оцепенение, точно петля у тебя самого на шее. Мандельштам вчера заходил ко мне проездом в Ленинград. У него тоже чувство, как у Тихонова в этих вырезках»<sup>14</sup>.

Публикатор Т. Нешумова приводит в пояснение запись П. Лукницкого:

Тихонов рассказывал, как после первого известия он в буквальном смысле слова впотел, как не мог успокоиться до вечера, как не спал всю ночь, почти галлюцинируя<sup>15</sup>.

Эта запись заставляет воспринимать полшутливую фразу Мандельштама, да еще имеющую и подтекст, связанный с деятельностью Д.Д. Благого по увековечению памяти Есенина, более чем серьезно.

Теперь остается сделать последний шаг для установления смысла помещения фразы о «Митьке Благом» в сюжетную структуру «Четвертой прозы».

Этот кажущийся изолированным отрывок находится между фразой: «И я бы вышел на вокзал в Эривани с зимней шубой в одной руке и со стариковской палкой – моим еврейским посохом – в другой» (с учетом того, что Армения – двоюродная сестра земли Иудейской – станет реальностью биографической и творческой далеко не в момент истории с «Уленшпигелем»), и фразой «К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда», в эпизоде, завершающемся фразой: «Дяденька Горнфельд... ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый еврейский литературный жилет. Ты бы лучше поведал свое горе банкиру с ишиасом, кугелем и талесом»<sup>16</sup>.

<sup>14</sup> Горницкий Л. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Сост. Т. Нешумова. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 207.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем в 3-х т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Проза. СПб.: Гиперион, 2017. С. 300. Подробный разбор этого предельно еврейского эпизода см. в: [Кацис 2002].

За этим следует главка о вполне русском спасителе Н.И. Бухарине и, наконец, уже за этим следует знаменитая главка о том, что Мандельштам лютой ненавистью ненавидит мужчин из того племени, к которому он не хочет и никогда не будет принадлежать. Ибо:

Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского племени. Еще ребенком меня похитил скрипучий табор немых романес и сколько-то лет проваландал по своим похабным маршрутам, тщетно силясь меня обучить своему единственному ремеслу, единственному искусству – краже.

Писательство – это раса с противным запахом кожи и самыми грязными способами приготовления пищи. Это раса, кочующая и ночующая на своей блевотине, изгнанная из городов, преследуемая в деревнях, но везде и всюду близкая к власти, которая ей отводит место в желтых кварталах, как проституткам. Ибо литература везде и всюду выполняет одно назначение: расправу над обреченными<sup>17</sup>.

Странное чередование кажущихся некоторым даже еврейско-самоненавистнических строк Мандельштама и прославления стихов Есенина «Не расстреливал несчастных по темницам...» не находило до сих пор объяснения, особенно у авторов, самолично видевших «веревку удушенника» в музее Благого.

Теперь, когда мы избавлены и от веры поэту на слово, тем более – на слово художественное, относительно «веревки», и от необходимости передвигать дату открытия музея поближе к моменту гипотетического написания «Четвертой прозы», мы можем обратиться к все тем же записям Ивана Евдокимова, которые представят нам реальный контекст разговоров на интересующую нас тему в 1925–1927 гг.

Отрывки из записей Евдокимова, на наш взгляд, комментариев не требуют:

1924. 17 ноября.

В Госиздате опять склока Шми<д>та окончательно ушли. На место Шми<д>та назначен враг его, зав<едающий> Питерским ГИЗ'ом Ионов. Эта сумбурная в личной жизни фигура, но фанатично любящий книгу. Влияние он имеет большое и по родственным отношениям – на его сестре женат Зиновьев, и по партийному стажу –

<sup>17</sup> Мандельштам О. Полное собр. соч. Т. 2. С. 301.

«у меня несколько лет каторги за плечами». Но он еврей и сохранил до настоящего времени свой национальный предрассудок – в Ленинграде его сплошь окружают евреи. Евреев достаточно у нас, но теперь их еще больше будет. Скверное это место у коммунистической партии – все коммунисты-евреи не пережили в себе зоологических пристрастий. Ведь невольно же приходится делать эти выводы – как только завед<дующий> является евреем, непременно его окружает 99% евреев. Мы, русские, допускаемся какой-то процентной нормой. Попробуй сказать это неопровержимое наблюдение, тебя обвинят в антисемитизме. Ионов перевернет Госиздат вверх ногами. Работа при нем безусловно пойдет лучше, потому что тому пример Ленингиз: они работают нас лучше [Субботин 2018, с. 453].

И ниже:

25 апреля 1925 г. Для моей литературной работы имеет значение раскол, который произошел в МАПП и ВАПП. Громадным большинством голосов группа «Октябрь» (МАПП) отозвала Родова со всех ответственных постов, предложив ему место рядового члена. Склока шла две недели, наконец Родова, этого политикана, наглеца, самовластно, как пешек, переставляющего мапповцев, уложили на обе лопатки. Он прыгает, как лимон созревший. Но вот сила дружбы – Лелевич, Безыменский, Либединский после голосования подали заявление о выходе из группы «Октябрь» и об образовании группы «На Посту». Какое имеет на них влияние это ничтожество! И любопытно отметить – прямо по национальной делянке в МАППе с Родовым оказались только евреи. Нет, каково, они пошли на разрыв с ими же созданной организацией, ослабили свое положение, но не выслали скверного, ничтожного, сволочного, вредного для дела типа!...» [Субботин 2018, с. 454–455].

Следующие записи развивают предыдущую:

27 октября 1925 г.

Я обещал быть внутренне благодарным «Октябрю», но в конце концов публика там оказалась чистейшего жульничества. Там лавочка. Родов, Лелевич, Зонин, Либединский, Безыменский, Авербах. И эта публика вообразила, что все остальное подстилка. Скверно вели себя со мной по секретарству, болтали о каком-то пломбировании мною зубов их врагов, спекулировали на мне, воображая, что я им в порядке какого-то подделывания, выписываю скорее всех деньги в Госиздате и т. д. Словом, лавочка, взгляд на человека чисто практический – использование его вовсю. Циничные отношения, в которых нет ничего, кроме нахальства. Чисто еврейское национальное у них нахальство. А главное, и самое существенное – «Октябрь» никто не

читает. И как бы не было трудно материально, я не должен разбрасываться» [Субботин 2018, с. 456]

31 декабря 1925 г.

Во вторник пришел в Госиздат – и вдруг в комнату врывается одна взбалмошная неврастеничка еврейка Каганович:

– Правда ли, повесился Есенин? [Субботин 2018, с. 457].

2 января 1926 г. ...Чувствуется бесчестная обстановка в напостовщине, при полной серьезности увлечения некоторых напостовством. Но Россия так бедна культурными учреждениями, что каждый лишний журнал в стране является уже культурным делом. И в этом смысле «Октябрь» надо поддерживать, чтобы он не умер. Если журнал прекратится, то это будет уже большой потерей. Но журнал надо вырвать из рук Либединских и Авербахов. Этот маленький еврейчик Авербах особенно противен – ничтожество. Полное самомнения, полное апломба, язык до пупа, и он качает этим языком, как щука хвостом, и бьет себя по брюху. И смешно, и противно глядеть на этого маленького человечка, пытающегося говорить баском, во всем уверенного, во всем преуспевающего. Тошнотворное верхоглядство и издевательство над литературой. А сотни людей хлопают ушами, как рукавицами. Либединский полон обиды на русскую литературу. Тоже сумел кой-кому вьестись в душу. Считают его блаженненьким, а это существо маленькое, хитрое, унаследовавшее от еврейства самые дурные черты самомнения и изрекания. Ничего от них в литературе не останется, а пока они все же портят воздух [Субботин 2018, с. 459].

Есть в записях И. Евдокимова и еще несколько близких рассуждений. Однако мы приведем здесь только одно, наиболее для нас интересное:

Илья Сельвинский. Улялаевщина.

Человека этого уже превознесла наша критика: Лежнев, Лелевич, Полонский. Воронский издал поэму в «Круге». Но ведь все это мода, не более – и мода дурная. Во всех этих «умственных» стихах нет никакой эмоциональности, души, «психологии». Умный, острый человек накрутил ни на кого не похожую стихозу, – и прославился <...> (пропуск в публикации. – Л. К.) Право же, это футуристическое эпигонство – и только! Выкинуть фортель мог и Крученых. Тоже бессмертные! Тоже человек не глупый! И. Сельвинский – еврей, т. е. человек, у которого нет бытовых, языковых и культурных связей с нами, они ему чужды. И вот этот интернационализм Сельвинского делает его холодным, рассудочным, умным, но лишенным духовности, внутреннего жара, волнения. Он ловкий ремесленник. Таков ведь и Бабель. Таков и А. Соболев. Они чужды преемственно нашей литературе.

Это литературные ловкачи, это – техническое производство – не более. Оно меня раздражает. За ним огромная внутренняя опустошенность. Эренбург Илья такой же. У нас с евреями, несмотря на долгое житье вместе, на общую рев<олюционную> работу, нет внутреннего сродства» [Субботин 2018, с. 477].

Эти рассуждения о чуждости писателей-евреев русской литературе предшествуют рассуждениям о РАППе и довольно сложному рассуждению о С. Клычкове, к которому мы чуть ниже обратимся.

Между ними находятся пристрастные записки о юбилее Горького, содержащие раздраженно-ненавистные рассуждения о мемуарах А.И. Свирского о Горьком. Тут уже пора напомнить, что и А. Свирский был вполне еврейского происхождения, описывавший это, включая крещение и последующие неприятности от новых единоверцев, в знаменитой «Истории моей жизни», вышедшей впервые в 1935 г.

Однако, прежде чем перейти к отрывку записей Евдокимова о С. Клычкове, человеке знаковом для автора «Четвертой прозы» и всего есенинского контекста т. н. «русского голоса» Мандельштама, стоит вспомнить знаменитую сцену как раз на интересующую нас тему русско-еврейских отношений поэтов принципиально различного происхождения, в которой автор «Князя мира» говорит с О.Э. Мандельштамом абсолютно на те же темы, которые Евдокимов обсуждал в своих записях, Мандельштама по какой-то причине пропустив.

Приведем сводку интересующих нас сведений по «Мандельштамовской энциклопедии» из статьи независимого французского исследователя [Никё 2017, с. 290–291]<sup>18</sup>:

С переезда О. М. в Москву в нач. 1931 г. возобновляется общение с К., переходящее в настоящую дружбу. <...> В 1963 В.Н. Горбачева (жена К. с октября 1930) вспоминала: «Меня радовала дружба Сергея Антоновича с Осипом Мандельштамом. Оба вспыльчивые, горячие, они за 8 лет ни разу ни поссорились. Беседы их были изумительны. Высокий строй души, чистота, поэтическая настроенность объединили их». Со своей стороны, Н. М. пишет: «Сергей Клычков долгие годы был нашим соседом и по Дому Герцена, и на Фурмановом переулке, и мы всегда дружили с ним». В нач. июля 1932 г. в квартире К. произошла встреча четырех поэтов: О. М., П. Васильева, С. Липкина, Н. Клюева.

---

<sup>18</sup> Полностью принимаем при этом зубодробительную критику цитируемого сочинения в статье [Шиндин 2019с], но для наших целей и имеющегося у Никё достаточно.

Отметив по поводу стихов Липкина, что «еврей [т. е. неправославный]<sup>19</sup> не может быть русским поэтом», К. сделал оговорку для О. М.: «Мандельштам – исключение, люблю Осипа крепко, цену его не то, что Пастернака, тот – спичечный коробок без спичек».

В этом густом русско-еврейском контексте приобретает свое значение и место, с одной стороны, эпиграмма Мандельштама примерно этого времени:

*Павлу Васильеву*

Мякнул конь и кот заржал –  
Казак еврею подражал.  
<1933?>

А с другой стороны принципиально, что слова Клычкова о Пастернаке поразительно совпадают по тону и смыслу со словами о нем же И. Евдокимова:

Я люблюсь Б. Пастернаком, как новыми своими калошами. Они занимают меня дня два. Б. Пастернак – половину [Субботин 2018, с. 473].

Таким образом, наше предположение о возможности сопоставления текстов записей И. Евдокимова и «Четвертой прозы» О. Мандельштама обретает лишнее доказательство. Не говоря уже о том, что, как и Евдокимов, который лишь бывал на вечерах акмеистов или встречал Мандельштама в коридоре Питерского университета, однако печатался с Мандельштамом в «Рудине», Клычков просто участвовал в 1912 г. в «Литературном альманахе издательства “Аполлон”», в котором рядом публиковались стихи двух поэтов.

Вообще говоря, возникает даже ощущение некоторой вторичности записей И. Евдокимова по отношению к тому, что запомнилось мемуаристам из разговоров Клычкова и Мандельштама. Однако все клычковские высказывания, по крайней мере дошедшие до нас, относятся к более поздним временам, чем записи Евдокимова. Поэтому в контексте обсуждения «Четвертой прозы» важнее оказываются записи Евдокимова, а из более поздних воспоминаний о неупомянутом в известных нам записях о Мандельштаме мы получаем подтверждение их аутентичности. Это важно

---

<sup>19</sup> Стоит отметить, что это собственное умозаключение С.И. Липкина нам уместным не представляется. Поруккой этому хотя бы приведенные здесь записи И.В. Евдокимова или эпиграмма Мандельштама на Павла Васильева.

для оценки возможной связи «шуток» Евдокимова (1927) и Мандельштама (1930?) о Д.Д. Благом.

И еще один вывод напрашивается здесь: беседы подобного рода велись все 1920-е и первую половину 1930-х гг.

А вот теперь наиболее содержательная и знаменитая запись Б. Кузина на интересующую нас тему:

Однажды в каком-то споре с Мандельштамом он [Клычков] сказал ему: – А все-таки, О. Э., мозги у вас еврейские. На это Мандельштам немедленно отпарировал: – Ну что ж, возможно. А стихи у меня русские. – Это верно. Вот это верно! – с полной искренностью признал Клычков<sup>20</sup>.

И здесь снова речь ни о каком православии, обязательном для еврея, чтобы быть русским поэтом, не идет.

На этом фоне совершенно новый оборот принимает история т. н. «русского голоса» Мандельштама, которую исследовал О. Ронен. Его чисто структуралистские или интертекстуальные сопоставления теперь, похоже, могут быть введены и в историю литературы.

Покойный американский исследователь указывал:

После первого ареста Мандельштама пришло время, когда он стал учиться у крестьянских поэтов уже не стойкой непримиримости, а пафосу отречения. Прибегая к традиции пушкинских «Стансов», он избрал себе в качестве прямого образца не основную ее линию, к которой принадлежали, например, известные стихи Вяч. Иванова и «Столетье с лишним, не вчера» Пастернака, а «Стансы» Есенина.

Речь идет не только о замене 4-стопного пушкинского ямба есенинской смесью 5-стопных с 6-стопными, но и о характерных оборотах речи и ключевых словах: Я слышу в Арктике машин советских стук // Я помню все: немецких братьев шеи... Ср. у Есенина: Я полон дум об индустриальной мощи // Я слышу голос человеческих сил. // И, самого себя по шее глядя, // Я говорю... Так, помня все: и немецких братьев шеи, и шею Есенина в петле, – Мандельштам поверил свой голос вернейшей из струн, выражавших чувства русского революционного крестьянства. Но и находя оправдание своему шагу в том, что Есенин тоже написал «Стансы», Мандельштам все-таки зашифровал в час своего смиренного отречения воспоминание об упрямом Галилее: Звучит земля – последнее оружие... [Ронен 2002, с. 66–67].

---

<sup>20</sup> Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 174.

Такой поздний Мандельштам с его отголосками «шеи Есенина в петле» не так уж случаен, ведь, по словам Н.Я. Мандельштама, та «Четвертая проза», которая реально дошла до нас, впервые была записана в Воронеже, т. е. после первого ареста Мандельштама, что и заставляет задуматься о том, как датировать самую злую его прозу. Пока же стоит вернуться просто к этому тексту.

Проведенные сопоставления, основанные на никогда ранее не использовавшихся для анализа «Четвертой прозы» материалах, позволяют научно обоснованно поставить вопрос о том, какую же позицию занимал О.Э. Мандельштам как по отношению к своему еврейству, так и по отношению к тем самым поэтам и писателям-евреям, не говоря уже о РАППовских критиках того же происхождения (впрочем, исключая Л. Авербаха).

На фоне сказанного становится ясно, что Мандельштам, считавший себя потомком библейских патриархов и царей, не был готов стать в один ряд с ненавидимой русскими и тем более крестьянскими поэтами и писателями деляческой писательской прослойки еврейского происхождения, больше напоминающей, при всей неполиткорректности этой оценки, цыган. Его гордое еврейство с его «еврейскими мозгами» и его «русские стихи» становились в один ряд с теми демонстративно русскими поэтами и писателями, которые вместе с ним разделили «тяжкий жребий русского поэта».

Не так уж важно, что и многие писатели с запахом «козлиных шкур» сгнули в соседних лагерях, убиты в тех же расстрельных комнатах, похоронены в тех же ямах. Да и далеко не все они были «дельцами». Судьба поэта и судьба человека – вещи разные. Поэтому не стоит искать примитивный антисемитизм у крестьянских поэтов, не говоря уже о том чтобы обвинять Мандельштама в еврейской самоненависти.

Перед нами куда более сложный процесс.

Просто у поэтов такого класса и кровь, и стихи журчат иначе, чем у обычных творцов, их критиков и даже подавляющего большинства читателей. Это же касается национальных притяжений и отталкиваний. Поэтому-то достаточно было получить всего лишь один промежуточный текст, содержащий записи, явно И. Евдокимовым для публикации не предназначавшиеся, тем более синхронные событиям, чтобы замечательно яркие мемуары Б. Кузина обрели не только очень конкретный смысл, но и оказались продолжением давнего разговора минимум пятилетней глубины. В свою очередь случайная, казалось бы, фраза И. Евдокимова про Д.Д. Благого и его заботы по сохранению совершенно другого, нежели чем в «Четвертой прозе» экспоната для того же музея Сергея Есенина, оказалась вполне уместным подтекстом одной из самых загадочных фраз Мандельштама. Наконец, давние работы

О. Ронена, которые, казалось бы, носят чисто типологический характер, оказались теперь встроены в гармоничную картину взаимоотношений Мандельштама и крестьянских поэтов (частью имажинистов), которая уходит своей исторической глубиной еще в «Аполлоновские» времена.

После этого уже, будем надеяться, никто и никогда не будет утверждать, что видел «веревку удушенника Сережки Есенина» в музее Д.Д. Благого. И решающим шагом здесь оказалась замечательно остроумная запись И. Евдокимова, которую, полагаем, мандельштамоведение не отвергнет, как отвергли когда-то строители краеугольный камень. Чем это закончилось, мы помним.

## II

*О. Мандельштам. И. Евдокимов. Д. Благой.*

*«...лицейская сволочь ...сторожит в специальном музее...»*

Казалось бы, на сказанном только что можно поставить точку. Однако сделать это не дает, и не в последний раз на этих страницах, еще один важный документ, принадлежащий перу О.Э. Мандельштама, который объединяет все наши персонажи и даже во многом предсказывает, и разговоры вокруг смерти Сергея Есенина и его т. н. «веревки», и, главное, основную сюжетную линию «Четвертой прозы», связанную с отказом принадлежать к позорному писательскому племени.

Это заявление поэта «В правление Всероссийского союза писателей», Гаспра, 23 августа 1923 г. По поводу конфликта с руководителем или «комендантом» Дома Герцена Свирским.

Нас в данном случае интересует не весь абсолютно бытовой конфликт, а буквально несколько абзацев письма Мандельштама:

Гр. Свирский, и это не может не быть известно Правлению, не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры.

К величайшему прискорбью моему, я явился единственным человеком в общежитии, пожелавшим во всей полноте, соответствующей назначению дома, осуществленья тишины и порядка (гр. Потепенко счастливо изолирован и по преклонному возрасту безучастен, гр. Клычков систематически отсутствует, гр. Ширяевец и Шепеленко горько жалуются, но не решаются протестовать, гр. Благой предпочитает, чтобы тишину водворял я, поскольку не шумит его жена<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> Мандельштам О. В правление Всероссийского союза писателей. Гаспра. 23 августа 1923 г. (Мандельштам 2017, 3. С. 500).

Как и всегда, к высказываниям О.Э. Мандельштама стоит относиться с легким недоверием. В данном случае мы имеем в виду выделение Потапенко из списка скандалистов. Между тем предельно лояльный Мандельштаму мемуарист пишет, вспоминая как раз конец июня 1923 г.:

Я простился с Мандельштамом. Первая встреча с большим поэтом в такой нищей обстановке оставила у меня неизгладимое впечатление, в котором сочетались восторг перед талантом поэта и возмущение обстоятельствами его жизни.

При выходе я столкнулся с писателем Потапенко, который жил в этом же доме. Он ссорился с кем-то из соседей и, конечно, не обратил на меня никакого внимания...<sup>22</sup>

Свидетельство Л. Горнунга показывает, что здесь мы имеем дело с риторическим приемом Мандельштама, который оставался писателем даже в канцелярской переписке. Более того, фраза о жене Д.Д. Благого тоже лишь немного отличается от чеховской «Жалобной книги»:

Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости в отношении к моей жене. *Жена моя вовсе не шумела, а напротив старалась чтоб всё было тихо.* А также и насчет жандарма Клятвина который меня грубо за плечо взял. Жительство имею в имении Андрея Ивановича Ищева который знает мое поведение. Конторщик Самолучшев.

Трудно сказать, с чем мы тут имеем дело, с искренним возмущением поэта коммунальными безобразиями, когда от возмущения и раздражения он пишет обрывками фраз из соответствующих произведений, либо перед нами момент зарождения творческого порыва, основанного на всплывшем в сознании «чужом слове». Но так или иначе, текст Мандельштама требует аккуратного анализа и с литературной, и с фактической стороны.

Здесь требуется некоторое отступление. Заметим, что интересное нас заявление Мандельштама в комментарии к мемуарам Горнунга публикатором Т. Нешумовой не используется. Интересно, что та же Т. Нешумова на Второй мандельштамовской конференции в РГГУ «Осип Мандельштам и его время» 2016 г. прочла воспоминания М.А. Торбин о вольных нравах Н.Я. Мандельштам в Доме Герцена, о том, как указанный Потапенко захлопывал окна, когда Н.Я. Мандельштам и С. Марр распевали фривольные песни

<sup>22</sup> Горнунг Л. Указ. соч. С. 46.

(не этой ли рамой был «отгорожен» старый писатель от квартирных скандалов), и т. д. Но и этот материал не используется, на сей раз и для комментария к записям Л. Горнунга о ситуации, явно отраженной в заявлении Манделъштама. Еще более интересно, что в описанных мемуарах фигурируют и взаимоотношения Н.Я. Манделъштам с женой Д.Д. Благого<sup>23</sup>.

Между тем слишком простыми они не были. Приведем, не жалея места, еще одни давно доступные, но вновь не используемые в комментариях мемуары, которые не отыскиваются простым интернетным поиском, хотя и висят в Сети. Это воспоминания сына пушкиниста Д.Д. Благого (но не от второй жены – С.Р. Благой, а от известной исследовательницы Ф.М. Достоевского В. Нечаевой – пианиста Д.Д. Благого (Нечаева)), который коснулся как раз первой жены своего отца.:

Очень много воспоминаний о Коктебеле хранил, конечно, отец, некоторое время обитавший там в начале гражданской войны. Но вряд ли он слишком распространялся на эту тему хотя бы с той же мамой, ибо период этот вообще был в его жизни довольно смутным – особенно для последующего автора «Социологии творчества Пушкина». Даже много позднее, когда разговор у него с Софией Рафаиловной (его первой женой) заходил об общих коктебельских воспоминаниях, многое мне, уже взрослому человеку, оставалось неясным, хотя фигурировали там весьма конкретные факты. Например, как спасала вышеупомянутая Софья Рафаиловна Осипа Манделъштама, оделяя его продуктами и вещами первой необходимости, которыми он якобы затем ни много ни мало как спекулировал (!). Или как переданный какому-то братишке для расстрела «буржуй» Д.Д. Благой был великодушно отпущен этим «братишкой» и как с этого момента – выражаюсь схематично – буржуазная психология в нем уступила место прямо ей противоположной.

Представляю, с какой пеной у рта должны набросится на написанную выше строку о Манделъштаме поклонники его гения. А между тем, во-первых, слово гений я не взял в кавычки только затем, чтобы, как говорится, не дразнить гусей; главное же, время было таким, что и самого что ни на есть гения Манделъштама могло подвинуть на многое. Иное дело – трактовка выбора слова.

И вот это-то и обнаруживает всю неприязнь четы Благой к большому, очень талантливому и, конечно, необычайно трагической судьбы поэту. К сожалению, именно последнее обстоятельство и определяет в последнее время необычайную моду на Манделъштама

---

<sup>23</sup> См.: <https://www.youtube.com/watch?v=nb0TIGjcCqk> (отрывок видеозаписи 1.04.00–1.23.00).

и головокружительную цену его книг на «черном рынке» – о, как можете испошлить вы, люди, даже величайшие страдания человека, как умеете спекулировать ими во всевозможных целях – от коммерческих до политических!

Не раз «прорывало» меня в конце какой-нибудь главки, не раз захлестывали волны обобщений, не раз перекидывался мост в сегодняшний день. Но начинать с этого главу! Какой же нужен крутой поворот штурвала «машины времени»<sup>24</sup>, чтобы из года 1986 снова перенестись в год 1938, а главное, взглянуть на этот давно минувший год с точки зрения многих и многих, трагически простившихся тогда с жизнью<sup>25</sup> (в том числе и Осипа Мандельштама), а лишь вступающего в нее мальчугана, «как первую любовь пронесшего волшебство коктейльских мест через всю жизнь свою»<sup>26</sup>.

Коснувшись личности «жены Благого» в мемуарах, его сын от другой женщины, однако, не упомянул главную причину ненависти в семье к Д.Д. Благому-старшему – комментируемую нами фразу о нем. Теперь мы «во всеоружии» возвращаемся, учтя все «за и против», к письму О.Э. Мандельштама из Гаспры.

Но важность заявления Мандельштама для нас не в этом. Куда важнее, что исходом этой склоки стал выход Мандельштама из ВСП и съезд из скандального общежития. Более того, тогда имела место первая литературно важная драка с женой поэта:

Зимой в доме было учинено доверенным лицом Союза гр. Свирским и его помощником неслыханное безобразие – избивание в помещении Союза живущей во дворе женщины с нанесением ей тяжелых увечий»<sup>27</sup>.

В комментарии разъясняется: «На заявлении пометы «К делу. А.С. <Свирский>» и «Ответ в протоколе от 9.IX.23»<sup>28</sup>.

И там же А.Г. Мец приводит мемуары Н.Я. Мандельштам, которые требуют очень аккуратного к себе отношения:

<sup>24</sup> Похоже, что здесь мы видим вольные или невольные отголоски «Сумерек свободы...» О. Мандельштама с его «огромным, скрипучим поворотом руля».

<sup>25</sup> А здесь не исключен след «Поэмы без героя»: «Из года сорокового, как с башни на все гляжу...»

<sup>26</sup> *Благой Д.* Коктебель // Благой Д. Воспоминания. 1986 (2012) [Электронный ресурс]. URL: [http://blagoy.ru/dml\\_texts/memoirs/1\\_Dmitry\\_Blagoy\\_1930\\_1986\\_memoirs1\\_kokt.pdf](http://blagoy.ru/dml_texts/memoirs/1_Dmitry_Blagoy_1930_1986_memoirs1_kokt.pdf).

<sup>27</sup> *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 499.

<sup>28</sup> Там же. С. 744.

Под конец срока в Гаспре – мы прожили там два месяца – приехал Абрам Эфрос и деловито сообщил: «Мы вам вынесли выговор» (Эфрос был активным членом Союза писателей). Мандельштам спросил, какой выговор, не вызвав его и не запросив объяснений: «Вы ведь общественная организация...» Эфрос сказал, что выговор не имеет значения, а вынесен он по жалобе Свирского, потому что Мандельштам «набросился на его жену», требуя, чтобы она не шумела на кухне. Свирский, как потом выяснилось, никакой жалобы не подавал. Все это было выдумкой Эфроса, знаменитого интригана союзписательского типа. (Впоследствии он был организатором фельетона Заславского, который был принесен в ночную редакцию во время дежурства Эфроса.) (30, с. 166–167)<sup>29</sup>.

Между тем все было именно так, как сказал Эфрос:

Протокол заседания Правления Всероссийского Союза Писателей.  
10 августа 1923 г.

Присутствовали: А.М. Эфрос, В.Г. Лидин, Н.С. Ашукин, Л.Я. Гуревич, А.И. Свирский, В.П. Ютанов, В.А. Никольский, С.Д. Разумовский. Председатель А.М. Эфрос.

<...> Слушали <...>

12. Доклад Хозяйственной Комиссии по поводу поведения Мандельштама по отношению к Т.А. Свирской.

Постановили <...>

Заслушав доклад Хозяйственной Комиссии по вопросу об инциденте между членом Союза О.Э. Мандельштамом и женой члена Союза А.И. Свирского Т.А. Свирской, и принимая во внимание показания живущих в общежитии Союза членов Союза И.Н. Потапенко, С.А. Клычкова, Д.Д. Благого и жены его С.Р. Благой, – Правление Всероссийского Союза Писателей считает необходимым со всею решительностью отметить, что поведение члена Союза О.Э. Мандельштама совершенно расходится с добрыми нравами, какие могут и должны быть между общественно-воспитанными людьми вообще и между писателями в особенности.

Правление при этом констатирует, что указанный инцидент не является единичным со стороны О.Э. Мандельштама, а лишь более резким случаем, среди ряда таковых же; Правление считает, что это ставит перед ним вопрос о возможности дальнейшего пребывания О.Э. Мандельштама в общежитии Союза Писателей.

17 авг. правление ВСП на основании «доклада» Ю.В. Соболева о вышеупомянутом инциденте принимает резолюцию (проект резолюции зачитал А.М. Эфрос), которой Свирский был удовлетворен (отмечено в Летописи, с. 254)» [Витгоф 2016, с. 40].

---

<sup>29</sup> Там же.

Однако фанатичный сторонник мифологического мандельштамоведения и соавтор А.Г. Меца по не менее печально знаменитой, чем «Мандельштамовская энциклопедия», «Летописи» [Кацис 2015, Кацис 2018b] Л. Витгоф безучастно сообщает в большой специальной работе: «Н.Я. Мандельштам сообщает о случившемся так...» [Витгоф 2016, с. 40]. А как, мы уже знаем.

Между тем Эфрос все это сообщил в Гаспре не ранее 10 августа, когда он принимал участие в заседании, и не позже 23 августа, когда Мандельштам отправил свое письмо, а скорее и не ранее 17 августа, когда была вынесена резолюция. Итак, Н.Я. Мандельштам не без хитрости указала, что заявления Свирского не было. Она хорошо помнила, что решение было принято не по заявлению, о котором мы ничего не знаем, а по докладу комиссии. Однако, в любом случае, не по «выдумке» А. Эфроса, с которым у Мандельштама сохранялись и деловые, и литературные отношения. Неудивительно, что, цитируя мемуары Горнунга по воронежскому сборнику 1990 г.<sup>30</sup>, Витгоф «аккуратно» пропускает тот абзац о Потапенко, который мы цитировали выше и который противоречит цитируемому заявлению Мандельштама. И эта ситуация в точности повторяет ту, которая связана с воспоминаниями Н.Я. Мандельштам, которая, как мы помним, отрицала существование заявления Свирского о поведении Мандельштамов, а все приписывала игре ума «дельца» А. Эфроса. Теперь мы видим, чего стоят рассуждения наиболее публикуемого лидера современного энциклопедическо-мифологического мандельштамоведения об А. Эфросе на фоне реальных документов, публикуемых его же последователями<sup>31</sup>.

---

<sup>30</sup> Горнунг Л. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

<sup>31</sup> См.: [Нерлер 2015]. Ср.: [Кацис 2018в]. Теперь к этим сведениям можно добавить и еще одну важную деталь. Мы имеем в виду недавнюю публикацию [Соболев 2019, с. 804–807], в которой этот автор напомнил происхождение слова «делец» в устах и под пером Н.Я. Мандельштам, идущее из статьи [Осипов 1949], однако относящееся не собственно к А. Эфросу – «видному коммунисту в Наркомпросе, с которым Маргулис умел ладить», по словам Осипова, а к работавшему с Эфросом герою мандельштамовских «маргулет» А.И. Маргулису: «У него <Мандельштама> была ненависть к типу преуспевающего советского дельца... Типичным дельцом был некий Маргулис...» [Соболев 2019, с. 805]. Н.Я. Мандельштам прекрасно знала этот текст: «Идиотское толкование невиннейшей шутке дал некто Осипов, ну его к черту...» (*Мандельштам Н. Собр. соч.*:

Впрочем, похоже, память не всегда подводила Н.Я. Мандельштам. Так, в нашем случае она точно помнила, что разбирался «доклад хозяйственной комиссии», а не «заявление» Свирского.

В случае, если нам встретятся еще подобные «сдвиги», мы сможем более адекватно оценивать историографическое содержание мемуаров и писем Н.Я. Мандельштам. Но уж Эфрос точно тут ничего не выдумывал, ведь именно он докладывал «дело».

Итак, мы знаем теперь и участников, и обстоятельства коммунальных скандалов начала 1920-х гг. в Доме Герцена. Но есть и специальная большая публикация на эти сугубо бытовые темы.

Приведя письма О.Э. Мандельштама из Гаспры, Л. Витгоф пишет:

Это письмо свидетельствует о том, что мысль о несовместимости атмосферы и порядков в Доме Герцена с образом Герцена, чье имя получил писательский центр, возникла у Мандельштама еще в начале 1920-х гг. Позднее это представление отразится в «Четвертой прозе» (1929–1930) [Витгоф 2015, с. 41].

Разумеется, этот автор на слово верит тому, что «Четвертая проза» может быть датирована «1929–1930», однако предусмо-

---

В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 2. С. 148, комм. С. 654). «Осторожный» и «корректный» А. Соболев, по-видимому, не знакомый ни с работой [Нерлер 2015], ни с нашей на нее реакцией, не стал отмечать, что комментаторы двухтомника слово «делец» применительно к «положительному» для П. Нерлера Маргулису приводить не стали, иначе вся концепция работы [Нерлер 2015] лишилась бы фундамента, равно как потеряло бы свое значение и «спорадическое» замечание А. Соболева. Надеемся, что этот небольшой сюжет окажется полезным вместе со всеми остальными, как здесь приведенными, так и выполненными нами и не нами в последние десятилетия, для наконец-то официально и учительно, учитывая время и место, провозглашенной соавтором А. Соболева проф. Р. Тименчиком на Летней школе по русской литературе новейшей цели мандельштамоведения, когда публикуемые им документы вошли в непримиримое противоречие и «НЯ-центричной» наукой о Мандельштаме Осипе Эмильевиче: «В качестве жизнеописания поэта “Воспоминания” и “Вторая книга” должны быть, как и любой другой источник, подвергнуты филологической критике, но следует предупредить, что в данном случае процесс этот будет весьма сложным и долговременным, требующим сведения множества документальных свидетельств, анализа различных временных слоев в оформлении мемуарного нарратива как у вдовы поэта, так и у ее современников. Как и при всяком извлечении релевантной информации из мемуарного источника, следует прежде всего нейтрализовать жанровые фильтры, черты мемуарного «языка...» и т. д. [Тименчик 2019, с. 92–106]

трительно не указывает мнение все той же Н.Я. Мандельштам, что мы имеем дело только с копиями даже не послеворонежского периода:

Когда пришло известие о смерти О.М., я взяла первую запись у Любы. Она вся истлела, и карандаш местами стерся, но еще было можно проверить по ней свою память. Я сделала несколько копий. Одну я взяла себе... остальные (2–3) раздала. Сохранились те, которые я оставила себе и дала Любе. Одна из них совсем истлела (вероятно, моя: сырость, зашивание в подушку), сейчас есть две – одна копия с первого экземпляра, вторая – запись наизусть (запись Н.М. 1960-х гг., личный архив А.А. Морозова) [Мец 2017, с. 609]<sup>32</sup>,

с одной стороны, и с сознательной поздней порчей текста, уже после того как с копиями работал А.А. Морозов. Не говорим уже о явно воронежских обстоятельствах, отразившихся в почти завершающих строках дошедшего до нас варианта:

Я виноват. Двух мнений здесь быть не может. Из виновности не вылезая. В неоплатности живу. Изворачиванием спасаюсь. Долго ли мне еще изворачиваться?

Когда приходит жестяная повестка или греческое в своей простоте напоминание от общественной организации, *когда от меня требуют, чтобы я выдал сообщников*, прекратил вороватую деятельность, указал, где беру фальшивые деньги, и *дал расписку о невыезде из предначертанных мне границ*, я моментально соглашаюсь, но тот час, как ни в чем не бывало, снова начинаю изворачиваться – и так без конца.

Во-первых, *я откуда-то сбежал, и меня нужно вернуть, водворить, разыскать и направить*. Во-вторых, меня принимают за кого-то другого. Удостоверить нету сил. В карманах дрянь: *прошлогодние шифрованные записки*, телефоны умерших родственников и неизвестно чьи адреса. В-третьих, я подписал с Вельзевулом или ГИЗ'ом грандиозный, невыполнимый договор на ватманской бумаге, подмазанной горчицей с перцем – наждачным порошком, в котором обязался вернуть в двойном размере все приобретенное, отгрыгнуть в четверном размере все незаконно присвоенное и *шестнадцать раз кряду проделать то невозможное, то немыслимое, то единственное, которое могло бы меня частично оправдать*<sup>33</sup>.

<sup>32</sup> Текстологические аспекты работы Н.Я. над рукописью «Четвертой прозы» и различные аспекты истории названия вещи, приведенные А.Г. Мецем, в настоящей работе не рассматриваются. О них шла речь в нашем докладе на 6-й Международной конференции «Осип Мандельштам и его время» в РГУ в 2019 г.

<sup>33</sup> *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем... Т. 2. С. 303.

Сюда стоит добавить<sup>34</sup>:

*Я – стареющий человек – огрызком сердца чешу господских собак – и все им мало, все им мало... С собачьей нежностью глядят на меня глаза писателей русских и умоляют: подохни! Откуда же эта лакейская злоба, это холуйское презрение к имени моему? У цыгана хоть лошадь была, а я в одной персоне и лошадь, и цыган...*<sup>35</sup>

Трудно отнести к Мандельштаму 1929 г., за которого вступаются 15 «писателей русских» из мягко говоря первого ряда, слова с пожеланием подохнуть. Тогда никто не ограничивал свободу передвижений Мандельштама, более того, тогда он еще и не был сердечным больным, написавшим «Мы живем, под собою не чуя страны...», кстати, тогда будучи кандидатом в Правление сталинского Союза писателей.

А имя Мандельштама продолжало фигурировать в самых разных контекстах, вплоть до скандала с публикацией «Путешествия в Армению», и в самых разных местах. Да и «писатель русский» Б. Пастернак писал о поэте члену Политбюро Н.И. Бухарину, имя Мандельштама упоминалось на съезде писателей 1934 г., Н.Я. Мандельштам ездила к Щербакову и обсуждала проблемы обращения к Минскому пленуму правления ССП и т. д., и т. п. А вот ограничения с перемещениями стали актуальны уже после конца воронежской ссылки.

Поэтому все, что здесь перед нами, – поздний Воронеж и ничто другое! И это полностью соответствует аутентичному, будем считать, рассказу Н.Я. Мандельштам о судьбе конкретного и до нас дошедшего из ее рук текста «Четвертой прозы», который мы приводили выше по записи А.А. Морозова.

И, следовательно, из этого мы будем исходить в дальнейшем анализе.

Более того, как указывает даже Л. Витгоф:

В 1931 г. положение Мандельштама улучшается. Тяжелое разбирательство заканчивается, обвинение в плагиате, так или иначе, было снято, а главное – поездка в Армению и Грузию в 1930 г. прервала пятилетнюю *немоту* исключением: начался новый творческий подъем.

В 1932 г. неоседлые Мандельштамы получают наконец свою комнату в Доме Герцена, во флигеле, – не в том, где они жили десять лет

---

<sup>34</sup> Там же. С. 303.

<sup>35</sup> Трудно не вспомнить здесь: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба, и от его коня: настороженность, вслушивание, – и вот-вот...» из «Светового ливня» М. Цветаевой еще в 1922 г.

назад, а в другом, правом (если смотреть на Дом Герцена с Тверского бульвара) [Витгоф 2016, с. 45].

И вот самое интересное для нас место у Л. Витгофа, где мы встречаем хорошо нам известного И. Евдокимова, на сей раз «в роли» А. Свирского:

Выписка из протокола заседания правления ВССП (к этому времени Всероссийский союз советских писателей) приведена в *Летописи*. Прочитируем этот протокол в более развернутом виде: Выписка из протокола № 33 заседания Правления ВССП от 29/ XII – 31 г.

Слушали: I. <...> б/ Информация т. Евдокимова о выполнении Жилкомиссией Горкома постановления Правления о 22/ XII с. г. предоставлением тов. ПРИШВИНУ комнаты. Кроме того, из общего жилфонда выделена комната также и т. Мандельштаму.

По поводу последнего т. Лидиным и т. Гольцевым было сделано заявление.

ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду того, что в свое время т. Мандельштам заявил, что не желает иметь ничего общего с Федерацией [ФОСП], осудившей его поведение как переводчика [в связи с делом о «плагиате»], подтвердив свое заявление отказом подать руку на том основании, что «Вы член Союза писателей, который входит в Федерацию, а члену этой организации я руки подать не могу», ВССП считая поступок т. Мандельштама антиобщественным, находит необходимым внести в Жилкомиссию предложение пересмотреть решение о предоставлении Мандельштаму комнаты из фонда писателей Горкома [Витгоф 2016, с. 57].

Но 25 янв. 1932 г. имя Мандельштама (опять же в паре с Пришвиным) снова возникает на странице протокола заседания объединенной жилкомиссии при Горкоме писателей.

Цитируем:

1. Поручить тов. Евдокимову в срочном порядке поставить две перегородки в освобожденной двух-комнатной квартире (бывш. Глясс) в левом крыле Дома Герцена. Предложить А. НОВИКОВУ немедленно переехать туда. В освобожденной квартире бывш. Новикова в правом крыле Дома Герцена одну комнату передать МАНДЕЛЬШТАМУ, другую ПРИШВИНУ [Витгоф 2016, с. 46].

Таким образом, автор протографа фразы из «Четвертой прозы» полноправно вошел в ее контекст уже после всех оправданий по делу «Уленшпигеля».

06.02.1932 г. снова, в числе прочего:

Предложение т. Ляшкевича о вселении в дом Герцена лиц не имеющих никакой жилплощади взамен ранее назначенных товарищей.

Постановили:

Предоставить жилплощадь в доме 25 по Тверскому б. след. т.т. Пермитину 2 комнаты, Пастернаку 2 комнаты [в полученном жилье поселилась первая жена Б. Пастернака Евгения Владимировна с сыном Евгением. – Л. В.], Шухову 2 комнаты, Анову 1 комн., Лузгину 1 комн., Платошкину 2 комн. <...>

3) Предложить т. Евдокимову временно вселить в левый флигель дома Герцена сл. т.т. Дубинскую, Герасимова и Пермитина. <...> Предложить т. Мандельштам обменяться с комнатой Луговского и освободившуюся комнату Мандельштама предоставить т. Андрианову. <...>

Слушали: 4

Заявление т. Саргиджан.

Постановили:

Ввиду отсутствия свободной площади т. Саргиджана не удовлетворить [Витгоф 2016, с. 47].

А вот в связи с именем Евдокимова завязка следующей коммунальной истории, которая приведет Мандельштама к пощечине Алексею Толстому. А ведь это опять сюжет из чеховской «Жалобной книги», как и в первом случае.

Но «В подпункте 4 пункта 8-го читаем:

О. Мандельштаму предоставить вторую комнату Андрея Новикова». А в подпункте 7 этого же 8-го пункта говорится: «ПРИШВИНУ предоставить одну комнату в кв. 6» [Витгоф 2016, с. 47].

И еще некоторые документы, напечатанные, но оставленные без специального комментария Л. Витгофом, позволяют лишний раз понять, что дошедший до нас текст «Четвертой прозы» не имеет отношения не только к 1929–1930, но и к 1932–1933 гг., когда И.В. Сталин оставлял Мандельштама в составе Правления Союза писателей, планировавшегося на съезд в 1933 г.

Вот этот текст:

Имя Мандельштама стоит, в числе прочих, и под недатированным письмом в Горком писателей с ходатайством о зачислении на «особое снабжение»

И.А. Аксенова:

В Горком писателей

Как нам известно, при зачислении писателей на так называемое особое снабжение был допущен ряд досадных пробелов. Мы хотели

бы обратить Ваше внимание на одну из этих ошибок, допущенную в отношении И.А. Аксенова.

Товарищ Аксенов — поэт, драматург, искусствовед, литературный критик и переводчик, внес в нашу литературу весьма ценные культурные вклады.

Далее перечисляются работы Аксенова о «Гамлете» Шекспира, об английских драматургах Елизаветинской эпохи, его книга о Пикассо и др. Среди подписавших это письмо — А. Дживелегов, В. Мейерхольд, О. Мандельштам, Б. Пастернак и В. Шкловский.

Идентичное (за исключением ряда мелких деталей) письмо об И.А. Аксенове было направлено в Оргбюро. Под письмом стоят, в частности, подписи Б. Пастернака, О. Мандельштама, И. Сельвинского, М. Зенкевича, В. Мейерхольда, А. Дживелегова и В. Шкловского. Хотя эти обращения не датированы, есть все основания полагать, что они относятся к началу 1930-х гг., к тому периоду, когда Мандельштам жил снова в Доме Герцена и И. Аксенов был одним из тех людей, с которыми поэт общался часто [Витгоф 2016, с. 53].

А ведь это еще один оставшийся ненаказанным и неуказанным участник той самой казни Д. Богрова, двое из которых (кстати, киевских черносотенцев) и украли «веревку удушенника» Д. Богрова, к которой восходит, по нашему мнению, «веревка удушенника Сережи Есенина». Та самая веревка, которая оказалась точным перевертышем в ситуации «Благой — Есенин» и, естественно, «Благой — Свирский» у Евдокимова-Мандельштама, равно как и «Аксенов (вешавший несчастных по темницам) — Есенин (не расстреливал несчастных по темницам)».

А Евдокимов и Аксенов, как мы видим, оказались двумя не названными открыто героями «Четвертой прозы», но обозначенными двумя знаковыми фразами как раз о гибели: от петли, велосипедиста и попугая.

Нетрудно видеть, что в истории с пайком Аксенова Мандельштам оказался в кругу своих защитников по делу «Уленшпигеля», т. е. перед нами очередной замечательный квартирно-бытовой и поэтически-переводческий перевертыш. А в марте 1932 г. Мандельштам уже получил персональную пенсию за заслуги перед русской литературой. Тем, кто только «чешет собак», это явно не полагалось, впрочем, как и обладателям т. н. «минусов», т. е. ограничения мест проживания. Не говоря уже о том, что нарушали паспортный режим, тайно приезжая в Москву, Мандельштамы уже после Воронежа. А это еще больше заставляет задуматься о базовой датировке дошедшего до нас текста «Четвертой» (если «Армения» 1933 г.! — «Третья») прозы.

Ярким примером заведомо мифологического мандельштамоведения является текст Л. Витгофа о знаменитом инциденте с Саргиджаном и упомянутой пощечине:

Показательно, что, в отличие от инцидентов с Хлебниковым (1913 г.) и В. Шершеневичем (1921 г., в этом случае потасовка тоже имела место), Мандельштам не вызвал противника на дуэль. Наше предположение таково. И время не то, и — главное — человек не тот. Человек другого круга, из той «литературы», к которой Мандельштам себя никак не причислял. А вот Алексей Толстой, который, по мнению Мандельштама, вел себя в качестве председателя суда непорядочно и не осудил в должной мере человека, ударившего Надежду Яковлевну, был, тем не менее, «достойн» пощечины, которую и получил. С Саргиджаном, представителем «другой породы», какая может быть дуэль? С.И. Липкин отмечает в своих мемуарах, что на товарищеском суде «Мандельштам вел себя бессмысленно. Вместо того чтобы разумно объяснить, как обстояло дело в действительности, он, нервно и звонко, почти певуче вскрикивая, напирал на то, что Саргиджан и его жена — ничтожные, дурные люди и плохие писатели, вовсе не писатели».

С практической точки зрения такое поведение эффективным не назовешь. Но для нас в данном случае важно, что в нем снова, думается, проявилось у поэта то чувство непричастности, «непринадлежности» «литературе», «разрешенному» писательству, которое (чувство) так ярко выразилось в недавней «Четвертой прозе» (1929–1930) и откликнется в следующем, 1933 г., в стихотворении «Квартира тиха, как бумага...». Возможно, на какое-то время это ощущение приглушилось, ушло на задний план сознания; бытовой конфликт с Саргиджаном пробудил, актуализировал у Мандельштама, по нашему мнению, представление о своей чуждости «домогерценовской» литературе и сознание своего превосходства над ней [Витгоф 2016, с. 66].

Простая идея о том, что «Четвертая проза» написана явно после всех этих событий, в голову краеведа-экскурсовода по книгам Н.Я. Мандельштам понятным образом не приходит.

А вот постоянное участие И. Евдокимова во всех этих перипетиях, к тому же еще и автора фразы о Благое и голове Свирского, датированной гарантированно до начала работы над «Четвертой прозой» при любой дате ее окончания, позволяет нам понять, почему уже в Воронеже неактуальные коммунальные руководители были заменены Мандельштамом не мелким секретарем комиссии ВСП по увековечению памяти Есенина, а, казалось бы успешным советским литературным функционером, выпустившим к тому моменту две важных книги совсем не о Есенине (Социология

творчества Пушкина. М.: Федерация, 1929; 2-е изд.: М.: Мир, 1931, и Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX веков. М.: Советская литература, 1933. 380 с.).

Своей иронией Мандельштам, пусть тогда лишь для себя и самого узкого круга читателей, вернул растущего функционера к его юности, когда он не столько хранил «череп» Свирского, по сведениям Евдокимова, сколько просто прислуживал начальству при Пушкине.

Впрочем, приведенные выше сведения о жизни четы Благих и контактах с четой Мандельштамов с очевидностью потребуют корректив примитивно осуждающей позиции «Четвертой прозы».

Интересно, что и в приводимой ниже цитате из А.К. Гладкова, который, будучи очень близок к Н.Я. Мандельштам (настолько, что выполнял ее указания по «ловле» негодных материалов и мемуаристов, а поэтому и не мог он думать о другой датировке «Четвертой прозы»), мы видим соотнесение этой прозы 1930 г. с остальной жизнью Мандельштама. Разумеется, всегда хочется, чтобы поэт был пророком, но все же присмотримся:

А.К. Гладков пронизательно писал: «Невозможно правильно понять “Четвертую прозу” Мандельштама, объясняя ее биографическими фактами, связанными с обработкой перевода “Тиля Уленшпигеля” и фельетоном Заславского. Реакция настолько громче события, ее вызывавшего, что тут все кажется преувеличенным, раздутым, слишком обостренным, чересчур чувствительным. <...> Но если соотнести накал и пафос обобщений “Четвертой прозы” со всей дальнейшей судьбой поэта, то она не покажется ни чрезмерной, ни преувеличенной...» [Витгоф 2016, с. 67].

Воистину так, если понять, что перед нами воронежская или пост-воронежская проза. Тогда и «Квартира тиха, как бумага...», и «Голодный Крым» окажутся на своих местах, до «Мы живем, под собою не чуя страны...», а «Четвертая проза» – на своем.

Таким же образом и фраза Ивана Евдокимова, с которой началась эта работа, вполне объяснимо попала в своем преображенном виде в «Четвертую прозу», а сам Евдокимов своим присутствием и ролью в жизни Мандельштама в 1930–1932 гг. позволил сдвинуть даты написания этого сочинения Мандельштама по крайней мере года на три.

Однако ситуация оказывается еще сложнее, если мы попытаемся разрешить неразрешенную до сих пор проблему: какое отношение к *Лицею* (кстати, к какому и какого периода?) и тогда уже и Пушкину имеет Д.Д. Благой, получивший еще и дополнительное определение «лицейская *сволочь*», однако в связи с Есениным и «веревкой»? И это очередной номер нашего комментария.

Похоже, что здесь, с одной стороны, нам пригодится опыт изучения проблемы «веревки» в связи с Иваном Аксеновым, а также «велосипедистом» и «попугаем» «Четвертой прозы», когда нам пришлось пройти всю парадигму «поэт-убийца-самоубийца-висельник-веревка-попугай», что и позволило связать всех участников историко-литературной игры Мандельштама в один плотный узел. Нет никаких оснований для того, чтобы не продолжить этот опыт теперь, применительно к интересующей нас фразе про «лицей» – «сволочь» – «Благой» – «музей» и добавить ее к имеющейся последовательности [«поэт-убийца-самоубийца-висельник-веревка-попугай»], которой мы уже занимались.

Поразительно, но все, кроме имени «Митьки Благого», вновь сойдется вокруг имени автора первой фразы о Благом и хранителе «веревки» – И.В. Евдокимове!

Впрочем, если мы были изначально правы и в наших передативках, и в предыдущих анализах, ничего другого и быть не могло. И вновь нам поможет это понять очередная работа о И.В. Евдокимове, пропущенная исследователями. Только работа окажется о Евдокимове-пушкинисте, что еще более важно с учетом основной деятельности пушкиниста и есениноведа-мемориалиста Д.Д. Благого. Характерно, что в первом случае в голову не приходит именно слово «пушкинист», а во втором – «есениновед-хранитель».

При этом, как мы видели, оба пушкиниста-есениноведа и даже жена одного из них имели прямое отношение к разным периодам жизни О.Э. Мандельштама.

И здесь нам поможет восстановить и понять ситуацию как раз современное пушкиноведение. Оно же поможет добавить некоторые важные обертоны и к пушкинскому, и к каменноостровскому мифу Мандельштама.

Вот начало сюжета, когда 23 марта 1917 г. газета «Русское слово» напечатала короткое, без каких-либо подробностей, сообщение о краже из Пушкинского лицейского музея:

Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещающегося в здании Александровского лицея, обнаружена кража ценных золотых вещей, сохранявшихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находятся золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древнееврейском языке, и свинцовая пуля в золотой оправе, найденная в кармане жилетки Пушкина 27-го января 1837 года. Приняты меры к розыску похищенных вещей». Подробности этого происшествия стали известны только 80 лет спустя. В 1997 г. С.М. Некрасов опубликовал записку А.А. Повержо – лицейского выпускника 1891 г., который связал свою дальнейшую

судьбу с Лицеом и прошел в нем путь от репетитора до инспектора воспитанников и классов, а с марта 1917 г. (в связи с болезнью В.А. Шильдера) исполнял и обязанности директора Лицея. Повержо вспоминал, как он, беспокоясь «о сохранности богатого лицейского имущества и, в частности, Пушкинского музея с его ценными рукописями и разными медалями и реликвиями», отправился в недавно образованный местный комиссариат. Комиссар выделил наряд из 8–10 солдат, одетых в форму Гренадерского полка, и они были расставлены в главных пунктах Лицея. «Защитники оказались, однако, ненадежными, – вспоминал Повержо. – Наутро караул исчез, остался только один часовой, и тот не знал, какого полка были остальные. Но оказалось, что взломан стеной железный шкаф в квартире директора, где хранились ценности Пушкинского музея, и что исчезло несколько медалей, золотое перо, пушкинское кольцо, талисман поэта, пуля... Бросились в казармы Гренадерского полка, но там о лицейском карауле не имели никакого понятия. На новообразованную милицию рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно» [Краснобородько 2012, с. 6–7].

Ссылка дается на: «Б. п. Кража из Пушкинского музея // Русское слово. 1917. 23 марта. № 66».

В работе тут же приводятся и неопубликованные своевременно сведения из повременного дневника о том, что пропажа, якобы, обнаружилась уже «в ночь на 4 марта». И сразу же за этим читаем:

Приходится, к сожалению, признать, что Каменноостровский проспект, куда в 1844 г. был переведен Императорский Царскосельский Лицей, оправдал известную характеристику О.Э. Мандельштама, назвавшего его «одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга», которая «в семнадцатом году, после февральских дней», «еще более полегчала, с ее паровыми прачечными, грузинскими лавочками, продающими исчезающее какао, и шальными автомобилями Временного правительства»<sup>36</sup>.

Для «человека Каменноостровского проспекта» это обстоятельство неважным быть не может. Ведь линия, прочерченная поэтическим взором Мандельштама, приведет нас и к краже в «Египетской марке», и к панихиде по Пушкину, заказанной поэтом в Церкви Коношенного приказа.

Однако есть у пушкинского камня и еще одна особенность, которая не могла пройти мимо внимания Иосифа Мандельштама, очень внимательно относившегося к собственному имени:

<sup>36</sup> *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем... Т. 2. С. 278.

Пушкину не было известно содержание надписи, которая была вырезана на восьмиугольном сердолике, вставленном в золотую оправу. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев думали, что надпись сделана на арабском языке, и также не знали, что она значит. Надпись была переведена только в 1880 г., когда Тургенев предоставил перстень на Пушкинскую выставку, устроенную Обществом любителей российской словесности в Москве. Московский старший раввин З. Минор установил тогда, что надпись, вырезанная зеркально (в обратном направлении), сделана на древнееврейском языке и означает: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память» (см.: Альбом московской Пушкинской выставки 1880 года / Изд. Общества любителей российской словесности под ред. Л. Поливанова; Биографический очерк А.С. Пушкина составил А. А. Венкштерн (Венкстерн). М., 1882. С. 168; 2-е изд. М., 1887. С. 159–160) [Краснобородько 2012, с. 6–7].

Таким образом, одним из знаковых событий Февральской революции оказалось обнаружение кражи из Музея Лицея пушкинского перстня с еврейской надписью, а еврейский во многом Каменноостровский проспект приобрел не только дополнительные пушкинско-лицейские черты, но и в них же обрел очень тонкий еврейский подтекст, легко вписывающийся в основную проблематику «Египетской марки» [Кацис 2018d], не говоря уже о том, что приведенное сообщение должно дополнить замечательный список «Манделъштам и темы ежедневной печати» Д. Сегала [Сегал 2006/1987]<sup>37</sup>, где есть упоминание этого факта с указанием языка

---

<sup>37</sup> Чтобы не отвлекаться от основной темы, заметим, что раввин З. Минор был общеизвестным учителем древнееврейского языка у Л.Н. Толстого, а история «Талисмана» с еврейской надписью косвенно связана и с Толстым: «По смерти поэта перстень перешел к В.А. Жуковскому, потом достался его сыну Павлу – ближайшему другу Онегина. В 1875 или в 1876 г. Павел Васильевич передал кольцо И.С. Тургеневу, «увлекшись», по свидетельству Онегина, и самим писателем, и «его обожанием Пушкина», – «с условием возврата в случае смерти». «Тургенев на это согласился, но действительно раз, очевидно, забыв об условии, сказал, что, умирая, передаст его графу Л. Толстому. Сказал он это даже в присутствии самого П.В. Жуковского, не нашедшего возможным протестовать тут же», – писал Онегин в памятной записке (или наброске неосуществленной газетной статьи), которая сохранилась в его архиве». Автор статьи приводит и ссылку, которую имел в виду Онегин: Онегин имеет в виду сообщение В.Б. Пассека, в котором приведены эти слова Тургенева (см.: *Пассек В. Еще о перстне Пушкина // Новое время. 1887. 8 марта. № 3959*). Приводим ее для демонстрации общеизвестности всех приводимых фактов, особенно в кругу идейных пушкинцев

надписи, однако широкий, как оказывается, лицейско – русско-еврейско – каменноостровский контекст, столь важный для «Египетской марки», в ней не упомянут<sup>38</sup>.

История обретения перстня Лицейским музеем закончилась в 1888 г., но, похоже, очень скоро перстень и исчез [см. подробнее: Краснобородько 2012].

Но теперь мы можем обратиться к нашей истории:

В 1923 г. московский журнал «Среди коллекционеров» напечатал статью «Украденный перстень Пушкина». Ее автор Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941) – поэт, искусствовед, во второй половине 1920-х гг. – успешный беллетрист. Уроженец Вологды, он, пройдя школу местной подпольной большевистской организации, с 1911 по 1915 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был одним из многочисленных учеников И.А. Шляпкина. Зная о страсти своего профессора к коллекционированию, он – как «доказательство» своей «живейшей благодарности и привязанности» – однажды подарил ему приобретенный у частного лица «маленький рукописный архив», в котором были автографы С.Д. Дрожжина, Л.А. Чарской, П.В. Засодимского, Н.К. Михайловского, П.И. Вейнберга, Г.В. Юдина и др. В 1922 г. Евдокимов переехал из Вологды, куда вернулся по окончании университета, в Москву и работал поначалу техническим редактором в Госиздате. В упомянутой статье 1923 г. Евдокимов передавал слышанный им когда-то рассказ И.А. Шляпкина о том, что пушкинское кольцо и «несколько рукописей» были украдены из музейной витрины в 1890-е гг. лицейским дядькой, который «сбыл их одному петроградскому старьевщику».

---

[Краснобородько 2012, с. 7–8]. При этом все материалы Онегина цитируются по его материалам для ненаписанной статьи, поводом к которой явилось дошедшее до Парижа (о Питере не говорим!) сообщение о краже, которое он пометил «некрологической ремаркой»: «+ кольцо Пушкина» [Краснобородько 2012, с. 7].

<sup>38</sup> Попутно отметим: Д.М. Сегал указывает, что «многие газеты сообщили... о разгроме в Петрограде коллекции вещей Пушкина» и приводит ссылки на «День» от 23 марта 1917 г. и «Петроградский листок» от 25 марта того же года. А Т.И. Краснобородько, сосредоточившись лишь на реакции на заметку в «Русском слове», попавшую к А.Ф. Онегину, других ссылок не приводит. Равно как и Д.М. Сегал из соображений разумной достаточности не привел как раз последнюю заметку. В любом случае, указание Д.М. Сегала позволяет уверенно говорить о том, что мимо Мандельштама это происшествие пройти не могло, и уникальной заметка в «Русском слове» не была.

И продолжал:

Когда воровство обнаружилось, и дядька сознался в своем проступке, – сообщал Евдокимов со слов своего университетского профессора, – то по его указаниям бросились в поиски за перстнем и рукописями. Все рукописи будто бы удалось вернуть, но перстня у старьевщика уже не оказалось. Дело о воровстве дядьки не получило огласки. Администрация лицея предпочла скрыть от общества эту преступную историю. Но чтобы избежать скандала, надо было предпринять соответствующие шаги. Среди ученых и литераторов было много людей, хорошо знавших подлинник, его размеры, внешний вид и форму. Словом, материал для реставрации оказался под руками. И перстень не представляло особенного труда восстановить. При печатании известной книги Яхонтова и Аснаша «Пушкинский музей» решено было в приложении дать оттиски подлинного Пушкинского перстня. К этому времени в музее уже находился «новый» Пушкинский перстень. И.А. Шляпкин, как он нам рассказывал, получив оттиски с перстня для просмотра, поражен был разницей между прежними оттисками и новыми. Только тогда сообщили ему историю кражи. Дабы не вызвать шума, пришлось в книге «Пушкинский музей» напечатать старый снимок с подлинного перстня, а не с новодела. Перстень доселе не обнаружен». Евдокимов, по его признанию, решил обнародовать эту историю ради восстановления истины, чтобы «около самого ясного и чистого нашего поэта не было никаких обманов [Краснобородько 2012, с. 14–15].

При этом автор цитируемого нами исследования высказывает резонное предположение, что И.В. Евдокимов в своей далекой Вологде мог и не знать точно имен причастных лиц, а глухо ссылавшийся на него уже в 1925 г. М.А. Цявловский или Б.Л. Модзалевский не стали привлекать внимание к этому происшествию в Лицее, так как в это время уже активно раскручивалось т. н. «Дело лицеистов» [Краснобородько 2012, с. 25].

Более того, рассказывая многодесятилетнюю историю сохранения этой тайны лицеистами, Т.И. Краснобородько даже называет раскрывшего эту тайну публично И.В. Евдокимова «обвинителем» или «свидетелем обвинения», эту роль через 25 лет принявшим на себя добровольно [Краснобородько 2012, с. 21].

Но так как И.В. Евдокимов был учеником И.А. Шляпкина, то петербургский исследователь указывает:

Можно предположить, что И.В. Евдокимов, который, кажется, не принадлежал к кругу ближайших учеников Шляпкина, волей случая оказался посвященным в тайну пропажи подлинного пушкинского кольца. В архиве Шляпкина сохранилась «Книга для

прописывания жильцов» за 1908–1914 гг. в его усадьбе при с. Александровка Белоостровской волости. Там в качестве прислуги зарегистрирована некая Надежда Васильевна Евдокимова, 20 лет, из Петербурга<sup>39</sup>. Не приходилась ли она И.В. Евдокимову сестрой? И не побудила ли забота Шляпкина о верной, надежной прислуге в собственном доме-музее открыть лицейскую тайну своему студенту, принимая на службу его родственницу? [Краснобородько 2012, с. 22].

В любом случае, мы видим здесь полный аналог того, что было в случае с «веревкой», которой и быть не могло у Д.Д. Благого в Музее Есенина, но которая намекала на И. Аксенова. В данном же случае под именем «Митьки Благого» «скрывался» И.В. Евдокимов, имевший прямое отношение к раскрытию тайны хищения «дядькой» лицеистов (отсюда и форма имени «хранителя» веревки) перстня Пушкина с еврейской надписью на нем. С учетом т. н. национального вопроса, который, как мы знаем, был актуален в интересующее нас время в интересующем нас кругу, специфические обороты мандельштамовского текста проступают достаточно явно.

Теперь «не сохранивший» тайну лицеистов «лицейская сволочь» и пушкинист И. Евдокимов, одновременно ставивший решетку «удавленнику Сереже Есенину» и придумавший фразу о «хранителе» Благом, оказался скрыт под именем не имевшего к этому никакого отношения автора «Социологии творчества Пушкина». Да и имя Пушкина оказалось здесь скрыто между «лицеем», «музеем» и, главным, Есениным.

Скажем в заключение, что И.В. Евдокимову не повезло в современном мандельштамоведении. Так, в биографиях Мандельштама Олега Лекманова при цитировании известного нам дневника о нем сказано как о «малоизвестном стихотворце». А уж о пушкинисте и говорить нечего. Между тем свою первую статью о Пушкине Евдокимов написал тогда, когда Д.Д. Благой только поступал на филологический факультет Харьковского университета.

Уже в 1983 г. А. Гура изложил, хотя и в несколько беллетризованной форме и с некоторыми наплывами дат и имен, но на основе всех важных архивов и библиографий, всю историю именно так, как нам это видится из данной статьи:

Поначалу, казалось, Иван Евдокимов избирал академическую карьеру. Да и сам он не скрывал своей мечты о профессорской деятельности, об оставлении на кафедре университета. Он добросовестно посещает курс грамматики современного русского языка академика

<sup>39</sup> См.: РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 305. Л. 12.

А.А. Шахматова и тянется к большому ученому, восхищают его блестящие лекции профессора-историка С. Платонова. Сдает экзамены И. Бодуэну-де-Куртене, Л. Щербе, Н. Державину, но древние языки даются ему с большим трудом. Предпочтение отдается изучению русской литературы. Он записывается в семинарий С. Венгерова «Пушкин и его современники», участвует в просеминарии профессора И. Шляпкина.

Здесь он занимается древней русской литературой, Иваном Федоровым, а затем и пушкинской эпохой, здесь пишет большое сочинение о Сергее Глинке и получает за него серебряную медаль.

Оказывается, однако, что желание быть художником с детства живет в Евдокимове, но оно борется со страхом, с неуверенностью в своих силах. Стихи, прозаические этюды писались давно, однако все попытки пробиться в печать не удавались. Плохонькие вологодские газетенки редко и неохотно печатали его фельетоны и уклонялись от публикации рассказов. С октября 1908 года Евдокимов печатается на страницах газеты «Вологодская жизнь», под разными псевдонимами появляются его фельетоны, статьи, стихи, очерки в газетах «Север», «Эхо», «Вологодский листок», в еженедельнике «Наш Север».

Когда в университете возник поэтический кружок, Иван Евдокимов вошел в него вместе с Вл. Нарбутом, В. Гиппиусом, Борисом Энгельгардтом, Осипом Мандельштамом. Но «поэтические короли» вскоре отошли от этого кружка, и его коллективный сборник «Чемпионат поэтов» (1913) получился весьма тусклым... Вместе с молодыми пушкинистами, старшими своими товарищами по университету (Б. Модзалевский, Н. Лернер, М. Цявловский и др.), И. Евдокимов поддерживает открытый культ Пушкина и печатает большую свою работу «Современник» Александра Пушкина<sup>40</sup>.

Более того, в том же знаковом для нас 1923 г. И.В. Евдокимов, автор ряда книг о северном церковном искусстве, публикует статью «Художественный Север и революция» в знаменитом журнале «Русское искусство» (№ 2–3) не только рядом со всеми звездами тогдашнего искусства и литературы, но и рядом со статьей Мандельштама «Vulgata» (заметки о поэзии). И здесь ни Мандельштама, ни Евдокимова не смутило соседство А. Эфроса.

Кроме всего прочего, напомним, что скандал с Эфросом и Свирским с упоминанием жены пушкиниста Благого, закончившийся выходом Мандельштама из ВСП, имел место как раз в год выхода в свет статьи И.В. Евдокимова о перстне.

---

<sup>40</sup> *Гура В.* Связь времен // Евдокимов И. Колокола. Архангельск: Северо-Зап. кн. изд-во, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kol/oko/la/1.htm>

А следующий подобный эпизод имел место уже тогда, когда И.В. Евдокимов возглавлял писательское общежитие, занимая место Свицкого.

Теперь, если мы правы, оставалось лишь заменить в шутке Евдокимова Свицкого на Есенина, а голову вполне живого писателя – на петлю Есенина, не забыв «лицейское» прикличение нового домуправа еще в 1923 г., чтобы из фразы «Д. Благой (при этом организатор музея Есенина. – Л. К.) – хранитель дырявой головы тов. Свицкого («автора» временной ограды на могиле поэта. – Л. К.)» [Субботин 2018, с. 477] без особого труда появилась фраза «Четвертой прозы»:

В Доме Герцена один молочный вегетарианец – филолог с головенкой китайца – этакий ходя – хао-хао, шанго-шанго – *когда рубят головы*, из той породы, *что на цыпочках ходят по кровавой советской земле*, некий *Митька Благой – лицейская* сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, – сторожит в специальном музее веревку удушенника Сережи Есенина. А я говорю – *к китайцам Благого* – в Шанхай его, к китаезам! Там ему место! Чем была матушка филология и чем стала!

Отрубание голов, понятно, не требует веревки. Петля, которую хранят, легко ведет к И. Аксену и рассмотренной нами линии<sup>41</sup>. Если учесть, что даже к 1927 г. китайская революция благополучно захлебнулась в крови, а КПК была объявлена вне закона, то послать туда Благого, внешне напоминавшего Мандельштаму китайца, было тоже достаточно логично. Благой же, т. е. блаженный, отсылает к монахам, т. е. заведомым вегетарианцам, а ходя – к китайским купцам, говорящим «хорошо» и «привет» по-китайски, а в нашем случае – одобряющий казни на «кровавой советской земле» и потому «разрешенный большевиками для пользы науки».

Все это так, однако именно лицей в этом отрывке никак не находит себе места, а в предложенном нами подходе с учетом места во всем сюжете И.В. Евдокимова «Лицей» и «хранение» в «музее» легко находятся.

Похоже, это ответ на еще одну загадку творчества О.Э. Мандельштама, и опять же 1932 г. Вспомним стихи:

Дайте Тютчеву стрекозу –  
Догадитесь, почему.  
Веневитинову – розу,  
*Ну а перстень – никому.*

<sup>41</sup> Напомним, что именно к Аксену относится часть комментируемой нами фразы «Четвертой прозы», выделенной корпусом «...сторожит ...веревку удушенника...». См.: [Кацис 2018с].

Похоже, что в такой императивной форме и безо всяких поисков сложных подтекстных ходов, да еще и между Тютчевым и Баратынским, можно говорить только о перстне Пушкина, судьбу которого мы проследили в связи с И.В. Евдокимовым именно в 1917 и 1923 гг.<sup>42</sup>

Понятно, что раз поводом к написанию этой работы явилась случайная находка литературной шутки И.В. Евдокимова более раннего периода, прояснившей сам тип и характер фразы Мандельштама из «Четвертой прозы», то теперь придется внимательнейшим образом изучать литературно-коммунальный быт того времени, чтобы понять, каким образом Д.Д. Благой стал субститутом И.В. Евдокимова, который имел куда более близкое отношение к Пушкинскому Лицею, его истории и даже событиям вокруг него в конце XIX – первых десятилетиях XX в., касавшихся непосредственно пушкинского перстня, чем Д.Д. Благой, практически не употреблявший слово «Лицей» в своих работах важного для нашего исследования периода.

Кроме того, в свое время нам приходилось высказывать мысль о том, что под именами поэтов XIX в. здесь скрываются «параллельные» места из поэтов XX в., т. е. говоря языком нашей истории – перед нами современный отпечаток «штемпеля», или «печатки» русской поэзии XIX в. [Кацис 1991]. Впрочем, это отдельная история, к которой мы непременно обратимся, ведь теперь, похоже, перед нами не прием в шуточном стихотворении, а важная особенность творчества Мандельштама вообще.

---

<sup>42</sup> Понятно, что если мы правы, то в чаемое обанкротившимися составителями из НИУ ВШЭ второе издание «Мандельштамовской энциклопедии» придется не только включить дополнительные имена в словник, не только привести в порядок хотя бы статью «Благой», но и существенно дополнить статью «Пушкин» [Сурат 2017], автор которой, впрочем, вслед за Сегалом не сомневается в связи «Перстень – никому» из «Дайте Тютчеву стрекозу...» О.Э. Мандельштама и Пушкина. Разумеется, теперь мы ни при каких условиях не можем согласиться с «веневитиновской» трактовкой «Перстня-никому», основанной на попытке волюнтаристского соединения всех имеющихся трактовок стихотворения Мандельштама: «Перстень из 4-го стиха – это, в первую очередь, перстень, якобы найденный в Геркулануме и подаренный Зинаидой Волконской Веневитинову, безответно в нее влюбленному, который пожелал унести этот дар с собой в могилу (см. его стихотворения «Завещание» и «К моему перстню», оба – 1826/27)» [Сошкин 2016]). Работа [Сегал 2006/1987] автору этого сочинения осталась неизвестной. Равно как и [Сурат 2017] не учитывает многочисленные пушкинского-мандельштамовские связи с разной степенью убедительности, приведенные Е. Сошкиным.

Что же касается «Четвертой прозы», теперь перед нами стоит задача сведения воедино имеющихся релевантных комментариев к этой прозаической инвективе Мандельштама и анализ ее как текста, основанного на событиях 1929–1930 гг., однако росшего «как хлеб опара» еще минимум полдесятилетия и написанного минимум на шесть лет позже.

### *Литература*

---

- Витгоф 2016 – *Витгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2016) / Ред.-сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. Вып. 15. С. 28–73.
- Кацис 1991 – *Кацис Л.* «Дайте Тютчеву стрекозу...»: (Из комментария к возможному подтексту) // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М.: Обновление, 1991. С. 75–84.
- Кацис 2002 – *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2002.
- Кацис 2015 – *Кацис Л.* Летопись жизни и творчества Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160.
- Кацис 2018a – *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929): О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6 (Глава 4. «Вечерний Киев» 1928 года и «веревка давленника...»).
- Кацис 2018b – *Кацис Л.* Сизифу от «Камня» II, или Новые «Тристии» (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О.Э. Мандельштама в 3 т.) // История. OSTKRAFT: Научное обозрение. М.: Модест Колеров, 2018. № 4. С. 111–150 [Электронный ресурс]. URL: [http://ostkraft.ru/books/book78\\_1.pdf](http://ostkraft.ru/books/book78_1.pdf)
- Кацис 2018c – *Кацис Л.* Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (А, Б). Гибель «От попугая» и Гибель «От велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама // История. Осткрафт: Научное обозрение. 2018. № 6. ([www.ostkraft.ru](http://www.ostkraft.ru)).
- Кацис 2018d – *Кацис Л.* Почему «Египетская марка» О. Мандельштама «египетская» и почему «марка»? К построению не филателистического литературоведения на текстах о 1917–1918 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2018 [14]. М.: Модест Колеров, 2018. С. 640–751.
- Краснобородько 2012 – *Краснобородько Т.* «Жаль кольца...» (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня – «талисмана») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5–29.
- Куликов, Авдеева 1997 – *Куликов Б., Авдеева О.* Забытый писатель: жизнь и книги Ивана Евдокимова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная

- и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. 1997. № 1. С. 126–139.
- Лекманов 2017a – *Лекманов О.* Благой Дмитрий Дмитриевич // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 124.
- Лекманов 2017b – *Лекманов О.* Есенин Сергей Александрович // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. С. 239–240.
- Летопись 2014 – Летопись жизни и творчества О. Мандельштама / Сост. А. Мец (соавт. Витгоф Л. и др.). М.: Прогресс-Плеяда, 2014.
- Летопись 2018 – Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. Т. 5: 1925 – середина 1926: В 2 кн. Кн. 2: 24 декабря 1925 – середина 1926: Справочные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
- Мец 2010 – *Мец А.* Комментарий // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2: Проза. М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
- Мец 2017 – *Мец А.* Комментарий // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Проза. СПб.: Гиперион, 2017.
- Мец 2020 – *Мец А.* Вокруг доноса // Мец А. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион, 2020. С. 333–340.
- Нерлер 2015 – *Нерлер П.* Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. № 114. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11404.php>
- Никё 2017 – *Никё М.* Клычков С.А. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 290–291.
- Осипов 1949 – *Осипов Н.* Внутренняя эмиграция в СССР // Грани. Лимбург/Ланн, 1949. № 5.
- Ронен 2002 – *Ронен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002.
- Сегал 2006 – *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М.: Водолей, 2006. С. 458–518.
- Спивак 2008 – *Спивак М.* О.Э. Мандельштам и П.Н. Зайцев (К вопросу об истории и прочтении стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого») // «Сохрани мою речь...». Вып. 4/2. М.: РГГУ, 2008. С. 513–546.
- Соболев 2019 – *Соболев А.* Александр Маргулис // Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии / [Сост. и комм.] Александр Соболев, Роман Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Сошкин 2007 – *Сошкин Е.* К пониманию стихотворения Мандельштама «Дайте Тюгчеву стрекозу...» [Электронный ресурс]. URL: <http://textonly.ru/case/?article=16874&issue=21> (№ 21. 1/2007).
- Субботин 2018 – *Субботин С.* Иван Васильевич Евдокимов: из дневников и записных книжек // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 448–485.

- Сурат 2017 – *Сурат И.* Пушкин Александр Сергеевич // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. С. 400–404.
- Тименчик 2019 – *Тименчик Р.* К биографии Осипа Мандельштама. 1937 год // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2019(1). С. 92–106 [Электронный ресурс]. URL: <https://e.mail.ru/attachment/15635226401716437655/0;1?x-email=batya-94%40mail.ru>
- Шиндин 2018a – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А–Д // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63 [Электронный ресурс]. URL: [http:// sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf](http://sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf). 2018.
- Шиндин 2018b – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А–Д // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 64 [Электронный ресурс]. URL: [http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index\\_64.shtml](http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index_64.shtml)
- Шиндин 2018c – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А–М // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 65 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/65/Shindin65.pdf> 2018.
- Шиндин 2019 – *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О // *Toronto Slavic Quarterly*. № 67–68. Spring 2019. P. 1–234.

## References

---

- Chronicle of the life and work of S.A. Yesenin* (2018), in 5 vols., Vol. 5, 1925 – mid-1926, In 2 books. Book 2: December 24, 1925 – mid-1926. References, 2018 [Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina v 5 t. T.5. 1925 – seredina 1926. V 2 kn. Kn. 2: 24 dekabrya 1925 – seredina 1926. Spravochnye materialy], IWL RAS, Moscow.
- Katsis, L. (1991), “Give Tyutchev a dragonfly ...” (From a commentary on a possible subtext), “*Sokhrani moyu rech'...*”: *Mandel'shtamovskii sbornik* [“Keep my speech safe...”. Mandelstam collection], Obnovlenie, Moscow, Russia, pp. 75–84.
- Katsis, L. (2002), *Osip Mandel'shtam: muskus iudeistva* [Osip Mandelstam. Musk of Judaism], Mosty kul'tury: Gesharim, Moscow/Jerusalem.
- Katsis, L. (2015), “Chronicle of the life and work of Mandelstam. From fact to fiction”, *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 126–160.
- Katsis, L. (2018a), “Osip Mandelstam between ‘Evening Kiev’ and the Leningrad ‘Cutter’ (1927–1929). On the real sources of poetry and prose of the poet”, *Voprosy literatury*, no. 6 (Chapter 4. “Evening Kiev” of 1928 and the “strangle hold rope” ... ).
- Katsis, L. (2018b), “To Sisyphus from ‘Stone’ II or the new ‘Tristias’ (to the publication of the second editions of the ‘Chronicle of the Life and Work’ and the Complete Works and Letters of O.E. Mandelstam in 3 volumes)”, *History. Scientific Review OSTKRAFT*, Modest Kolerov, no. 4, pp. 111–150 [Online], available at: [http://ostkraft.ru/books/book78\\_1.pdf](http://ostkraft.ru/books/book78_1.pdf) (Accessed 5 Jan. 2019).
- Katsis, L. (2018c), “Notes of reader (and writer) of the historical and philosophical literature. VIII (A, B). Fatality ‘From the parroting’ and the death ‘From the bike’

- in the 'Fourth prose' by Osip Mandelstam", *History. Scientific Review OSTKRAFT*, no. 6. Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 129-145.
- Katsis, L. (2018d), "Why the 'Egyptian mark' by O. Mandelstam is 'Egyptian' and why it is the 'mark'?" To the construction of the non-philatelic literary criticism on the texts of 1917-1918], *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik* [Research on the history of Russian thought. Yearbook], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 640-751.
- Krasnoborod'ko, T. (2012), "I pity for the ring ..." (unclaimed document about the fate of the Pushkin ring – the 'talismán')", *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2011 god* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 2011], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 5-29.
- Kulikov, B. and Avdeeva, O. (1997), "Zabytyi pisatel': zhizn' i knigi Ivana Evdokimova" [Forgotten writer. The life and books of Ivan Evdokimov], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyi zhurnal. Seriya 7. Literaturovedenie*, no. 1, pp. 126-139.
- Lekmanov, O. (2017a) "Blagoy Dmitry Dmitrievich", *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia] in 2 vols., Vol. 1, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 124.
- Lekmanov, O. (2017b), "Yesenin Sergey Aleksandrovich", *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia], in 2 vols., Vol. 1, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 239-240.
- Metz, A. (2010), "Commentaries", in Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 3-kh t.* [Mandelstam O. Complete works and letters in 3 vols], vol. 2, Prose, Progress-Pleyada, Moscow, Russia.
- Metz, A. (2014), (Comp. by A. Metz with the participation of Vitgof L. et al.). *Letopis' zhizni i tvorchestva O. Mandel'shtama* [Chronicle of the life and work of O. Mandelstam], Progress-Pleyada, Moscow, Russia.
- Metz, A. (2017), "Commentaries", in Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 3-kh t.* [Mandelstam O. Complete works and letters in 3 vols]. 2nd ed., rev. and add., vol. 2, Prose, Giperion, Saint Petersburg, Russia.
- Metz, A. (2020), "Around the delation" in Metz A. *Tenishevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni* [Tenishev school and other works about Osip Mandelstam and his time], Giperion, Saint Petersburg, pp. 333-340.
- Nerler, P. (2015), "Mandelstam and Efros. About the vicissitudes of non-creative intersections", *Nashe nasledie*, no. 114 (Online), available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11404.php> (Accessed 25 August 2019).
- Nike, M. (2017), Klychkov S.A. *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia] in 2 vols. V. 1, P.M. Nerler, O.A. Lekmanov (ed. in ch.), Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 290-291
- Osipov, N. (1949), "Internal emigration in the USSR", *Grani*, no. 5, pp. 80-89.
- Ronen, O. (2002), "About the 'Russian voice' of Osip Mandelstam", Ronen O. *Poetika Osipa Mandel'shtama* [Poetics of Osip Mandelstam], Giperion, Saint Petersburg.
- Segal D. "Twilight of Freedom". On some topics of the Russian daily press 1917–1918, Segal D. *Literature as a letter of protection*, Vodolei, Moscow, Russia, pp. 458-518.
- Shindin, S. (1918a), "'Pechal'nu povest' sotvoriv...': K vykhodu v svet 'Mandel'shtamovskoi entsiklopedii'" ["Having created a sad story ...": To the

- publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article One: A–D, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 63 (Online), available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf>. 2018 (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1918b), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article Two: A–D, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 64 [Online], available at: [http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index\\_64.shtml](http://sites.utoronto.ca/tsq/64/index_64.shtml) (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1918c), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia], Article Three: A–M, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 65 [Online], available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/65/Shindin65.pdf> 2018 (Accessed 25 August 2019).
- Shindin, S. (1919), “‘Pechal’nu povest’ sotvoriv...’: K vykhodu v svet ‘Mandel’shtamovskoi entsiklopedii’ [“Having created a sad story ...”: To the publication of the Mandelstam Encyclopedia]”, Article Four: A–O, *Toronto Slavic Quarterly*, no. 67-68, Spring, pp. 1-234.
- Spivak, M. (2008), “O.E. Mandelstam and P.N. Zaitsev (On the history and interpretation of the poem series “In memory of Andrei Bely”)”, *Sokhrani moyu rech’...»,* Iss. 4/2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 513-546.
- Sobolev, A. (2019), Alexander Margulis, *Venetsiya v russkoi poezii. 1888–1972. Opyt antologii* [Venice in Russian poetry. 1888-1972. Anthology Experience]. Comp. and comm. by A. Sobolev, R. Timenchik, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Soshkin, E. (2007), “To the understanding of Mandelstam’s poem ‘Give Tyutchev a dragonfly ...’”, available at: <http://textonly.ru/case/?article=16874&issue=21> (Accessed 12 August 2019).
- Subbotin, S. (2018), Ivan V. Evdokimov. From diaries and notebooks, *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura KhKh veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. Kn. 3: Pis'ma i dnevniky v russkom literaturnom nasledii KhKh veka* [The textological chronicle. Russian literature of the twentieth century. Questions of textology and source study. Book. 3: Letters and diaries in the Russian literary heritage of the twentieth century], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 448-485.
- Surat, I. (2017), Pushkin Alexander Sergeevich, Mandelstam Encyclopedia in 2 vol., V. 1., ROSSPEN, Moscow, pp. 400-404.
- Timenchik, R. (2019), “To the biography of Osip Mandelstam. 1937”, *Letnyaya shkola po russkoi literature* [Summer School of Russian Literature], Saint Petersburg, pp. 92-106 [Online], available at: <https://e.mail.ru/attachment/15635226401716437655/0;1?x-email=batya-94%40mail.ru> (Accessed 25 August 2019).
- Vitgof, L. (2016), “Kvartirnyi vopros”. Kak Osip Mandel’shtam zhil v Dome Gertsena (po arkhivnym materialam) [«Housing issue». How Osip Mandelstam lived in the Herzen House (based on archival materials)], *Kormanovskie chteniya: ctat’i i materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* (Izhevsk, April, 2016), Vyp. 15, Udmurtskii universitet, Izhevsk [Korman Conference. Articles and materials of the Interuniversity Scientific Conference (Izhevsk, April, 2016) Ed. – comp. by D.I. Cherashnyaya. Iss. 15, Izhevsk, Russia, pp. 28-73.

*Информация об авторе*

*Леонид Ф. Кацис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; [Vatya-94@mail.ru](mailto:Vatya-94@mail.ru)

*Information about the author*

*Leonid F. Katsis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; [Vatya-94@mail.ru](mailto:Vatya-94@mail.ru)

«Услышать... как слышало поколение...»:  
Автобиографическая проза О. Мандельштама  
в контексте русско-еврейской литературы  
и мемуаристики  
(1840–1930-х гг.)

Галина А. Элиасберг

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, gaeliasberg@gmail.com*

*Аннотация.* Статья посвящена автобиографической прозе О. Мандельштама «Шум времени», рассматриваемой в контексте культурных моделей еврейских и русско-еврейских мемуарных текстов 1840-х–1930-х гг., включая воспоминания Леона Мандельштама, М.-Л. Лилиенблюма, А.-Г. Ковнера, П.Ю. Венгеровой, С.М. Дубнова. Эти тексты наряду с художественными произведениями русско-еврейских литераторов С. Фруга, Л. Леванды, Г. Баданеса, С. Ан-ского, а также историко-культурными очерками С.М. Дубнова, П.С. Марек, С.Л. Цинберга 1880–1910-х гг., обобщающими развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции, позволяют показать принципиальное сходство «Шума времени» с их важнейшими темами, осмысляющими идейный кризис рубежа XIX–XX вв., и мировоззрение нескольких поколений еврейских «отцов» и «детей». Анализируются метафорические понятия, которые использовались в еврейской и русско-еврейской литературе, мемуаристике и публицистике для характеристики эпохи еврейской модернизации второй половины XIX – начала XX в., включая представление о «хаосе» как смешении разных мировоззренческих систем. Это позволило показать, что понимание комплекса смыслов, которые вкладывались в эти понятия в контексте русско-еврейского мира, было не только доступно Мандельштаму, но получило отражение в композиции нескольких глав «Шума времени».

*Ключевые слова:* еврейская культура, русско-еврейская литература, русско-еврейская интеллигенция, М.-Л. Лилиенблюм, П.Ю. Венгерова, С.М. Дубнов, С.Л. Цинберг, П.С. Марек, С. Ан-ский

*Для цитирования:* Элиасберг Г.А. «Услышать... как слышало поколение...»: Автобиографическая проза О. Мандельштама в контексте русско-

еврейской литературы и мемуаристики (1840–1930-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 94–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-94-119

“To hear... as the generation have heard...”:  
Autobiographical prose of O. Mandelstam  
in the context of Russian-Jewish literature  
and memoirs (1840–1930s)

Galina A. Eliasberg

*Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia, gaehiasberg@gmail.com*

*Abstract.* The article is devoted to O. Mandelstam’s “The Noise of Time”. This autobiographical prose is considered in the context of cultural models of Jewish and Russian-Jewish memoirs of the 1840s–1930s, including Leon Mandelstam’s, M.L. Lilienblum’s, A.G. Kovner’s, P.Yu. Vengerova’s, S.M. Dubnov’s. Those texts are considered along with the prose of S. Frug, L. Levanda, S. An-sky as well as historical and cultural essays by S.M. Dubnov, P.S. Marek, S.L. Zinberg written in 1880–1910s. Summarizing the development of ideological trends among the Russian-Jewish intelligentsia, they allow the author to show the fundamental similarity of the “Noise of Time” with their most important topics, conceptualizing the ideological crisis of the turn of the 19–20<sup>th</sup> centuries, as well as the difference in the worldviews of several generations of Jewish “fathers” and “children.” The article analyzes metaphorical concepts that were used in Jewish and Russian-Jewish literature, memoirs and journalism to characterize the period of Jewish modernization in the second half of the 19<sup>th</sup> and the beginning of the 20<sup>th</sup> century. Those concepts included an idea of “chaos” as a mixture of the different worldviews systems.

All it made clear that the complex of meanings embedded in those concepts in terms of the Russian-Jewish world was not only open to Mandelstam, but was reflected in the composition of several chapters of “The Noise of Time”.

*Keywords:* Jewish culture, Russian-Jewish literature, Russian-Jewish intelligentsia, M.-L. Lilienblum, P.Yu. Vengerova, S.M. Dubnov, S.L. Zinberg, P.S. Marek, S. An-sky

*For citation:* Eliasberg, G.A. (2019), ““To hear... as the generation have heard...”: Autobiographical prose of O. Mandelstam in the context of Russian-Jewish literature and memoirs (1840–1930s)”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 94-119, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-94-119

В автобиографической прозе О. Мандельштама «Шум времени» отражена рубежная эпоха XIX–XX вв.; одним из приемов соединения двух столетий в литературной биографии поэта стало включение воспоминаний о судьбах нескольких поколений его семьи и родственно близких людей. Написанные с любовью, нежной грустью, юмором и нередко горькой иронией, они обладают той особой оптикой, которую привносит в мемуарный текст историческая дистанция. Литературные образы родных – родителей поэта Эмиля Вениаминовича Мандельштама и Флоры Осиповны Вербловской, бабушки и дедушки в Риге, петербургских родственников по материнской линии Юлия Матвеевича Розенталя и Семена Афанасьевича Венгерова – обращают читателя к духовной истории трех поколений еврейских семей, образ жизни и мировоззрение которых сформировалось в веке девятнадцатом. Их труд, жизненный опыт и стремления во многом определили детство, юность, воспитание и образование Мандельштама, которым и посвящены четырнадцать глав мемуарного текста о рубежной эпохе 1890–1900-х гг., написанного в 1923 г. уже в советское время и опубликованного в вариантах 1925 г. и 1928 г.<sup>1</sup>

В «Шуме времени» Мандельштам рассуждает о необходимости понять мироощущение поколения, услышать его отголоски в литературных текстах. Так, о поэзии Надсона – кумире молодежи 1880-х – он пишет:

Я все же перечитывал его книгу и старался услышать ее звук, как слышало поколение, отбросив поэтическое высокомерие настоящего и обиду за невежество этого юноши в прошлом. Как много мне тут помогли дневники и письма Надсона...<sup>2</sup>

В свою очередь мемуарные тексты Мандельштама – важный источник для изучения формирования его мировоззрения и художественного языка. В этой работе проза Мандельштама сопоставляется с записями Леона Мандельштама (1839–1840), воспоминаниями П.С. Марека<sup>3</sup> (1889), автобиографическими сочинениями М.-Л. Лилиенблюма (1876; 1890), А.Г. Ковнера (1903), П.Ю. Венгеровой (1906–1909), С.А. Венгерова (1920) и С.М. Дубнова (1930-е гг.), а также со знаковыми произведениями еврейской и русско-еврейской литературы рубежа XIX–XX вв.

<sup>1</sup> *Мандельштам О.Э. Шум времени // Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. 2. М.: ТЕРРА – TERRA, 1991. С. 45–108.*

<sup>2</sup> Там же. С. 60.

<sup>3</sup> *Марек П. Воспоминания об отце // ГА РФ. Ф. 9533. Оп. Д. 7. Л. 2–4.*

Из исследований, рассматривающих автобиографическую прозу Мандельштама, особое значение для нас имеют монография М. Станиславского, посвященная культурным моделям еврейских автобиографических текстов, приемам рефлексии и саморепрезентации их авторов [Stanislawski 2004], работы Л.Ф. Кациса, анализирующие еврейские аспекты творчества Мандельштама, родословную поэта, отражение в его автобиографической прозе русско-еврейской литературной традиции XIX в. [Кацис 2002, 2008] Важными для нас являются тематический обзор русско-еврейской периодики 1860-х–1914 гг. в исследовании Б. Вальдман [Вальдман 2008], существенно дополнивший известную книгу В. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» (1922), а также составленный Н. Портновой сборник, содержащий репрезентативные тексты эпохи 1880-х–1890-х гг.<sup>4</sup> Мы обращаемся к историко-литературным, культурно-историческим и публицистическим работам 1880-х–1930-х гг., представляющим развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции 1860-х–1910-х гг. [Цинберг 1915, Zinberg 1978, Дубнов 1907, Марек 1888, 1914], и современным исследованиям, посвященным этой тематике [Натанс 2007, Френкель 2008, Харшав 2008, Roskies 1992, Stanislawski 2001, Safran 2010].

Тема рубежной эпохи (*Fin de Siècle*) обозначена в строках, открывающих первую главу «Шума времени» – «Музыка в Павловске»:

Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы... последнее убежище умирающего века. За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то «Крейцеровой сонате» и смену дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала... девяностые годы слагаются в моем представлении из картин, разорванных, но внутренне связанных...<sup>5</sup>

Упомянутые Мандельштамом имена французских офицеров: Дрейфуса, шпиона Эстергази и разоблачившего его полковника Пикара – связаны с резонансным судебным процессом 1894–1906 гг., обозначившим новую эпоху в политической и интеллектуальной истории Франции и в новейшей истории европейского еврейства [Шарль 2005, с. 293–296]. Обсуждение газетных новостей о деле Дрейфуса, обвинение которого в шпионаже в пользу

---

<sup>4</sup> Быть евреем в России...: Материалы по истории русского еврейства. 1880–1890-е годы / Сост., заключ. статья и комментарии Н. Портновой. Иерусалим, 1999.

<sup>5</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 45.

Германии строилось на его еврейском происхождении, – вызвало всплеск антисемитских настроений во Франции – в прошлом родине эмансипации евреев Европы (1791 г.) [Бенбасса 2004, с. 216–237].

Дело Дрейфуса побудило австрийского журналиста Т. Герцля, освещавшего процесс 1894 г. в венской газете *Neue Freie Presse*, к размышлениям о новых формах антисемитизма. Его трактат «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» (1896) лег в основу программы сионистского движения (организационно оформлено в 1897 г.), в котором российские евреи принимали самое деятельное участие [Stanislawski 2001, р. 1–18]. Судебный процесс расколол общественное мнение не только во Франции, но и в других странах, включая Россию. Известны статьи сенатора И.П. Закревского, суждения Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, А.А. Суворина и А.П. Чехова времен дрейфусиады<sup>6</sup>. Точку зрения еврейской общественности отражала еврейская и русско-еврейская печать; среди множества литературных откликов, созданных во время процесса, можно привести рассказ Шолом-Алейхема «Дрейфус в Касриловке» (впервые издан на идише в 1902 г. под названием «Не может быть»), очерк Ю. Волина «Тайна Анри Фрэнка» («Еврейская жизнь», 1904, №7); переводы романа Л. Долливе «Жид» (1898) и повести Ж. Рейнака «Разжалование» (1901), опубликованные в петербургском «Восходе» [Вальдман 2008, с. 106, 190–191].

Таким образом, обсуждение резонансного процесса, показавшего относительность всех представлений о защищенности и гражданских правах ассимилированного еврейства Европы, а также упоминание о бурных дискуссиях по семейному вопросу, развернувшихся в русском обществе вокруг повести Толстого «Крейцера соната» (1890) [Заламбани 2017 с. 141–226], – представлены Мандельштамом сквозь призму разговоров в доме его детства. Отметим, что имя Дрейфуса повторяется в этой главе в рассуждении о «выражении *Fin de Siècle*» (закончился ли XIX в. с его освобождением в 1906 г.) и воспоминании о свойствах детской памяти, когда казалось, «что мужчины были исключительно поглощены делом Дрейфуса, денно и ночью»<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> *Закревский И.П.* По делу Дрейфуса: Сборник статей. СПб.: Тип. Сойкина, 1900. 160 с.; Процесс Эмиля Золя, в связи с делом об измене капитана Дрейфуса и об обвинении в измене майора гр. Эстергази: С приложением мнений об этом деле гр. Л.Н. Толстого, Л.Е. Владимирова и органов русской и иностранной печати; с переводом писем Э. Золя. М.: Тип. И.Г. Чукина, 1898.

<sup>7</sup> *Мандельштам О.Э.* Указ. соч. С. 47.

В монографии М. Станиславского «Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning» (2004) рассматриваются мемуарные сочинения, созданные в разные исторические эпохи на разных языках: от античной «Жизни Иосифа Флавия» до текстов XX в. – книги С. Цвейга «Вчерашний мир: Воспоминания европейца» (1939–1941) и автобиографических размышлений «Rue Ordener, Rue Labat» («Улица Ордене, улица Лаба», 1994) Сарры Кофман, известного французского философа, дочери раввина, погибшего в Аушвице. Автобиографии представителей восточно-европейского еврейства анализируются в главе «Два русских еврея: Моше-Лейб Лилиенблюм и Осип Мандельштам», проводящей сравнение двух поколений модернизированного еврейства: «отцов» 1870-х – 1880-х гг. и «детей» 1890-х–1900-х. [Stanislawski 2004, p. 54–102]. Исследователь подробно излагает содержание трехтомного сочинения на иврите «Грехи юности» («*Hotot neugim*») Лилиенблюма (1843–1910), яркого пропагандиста просветительских идей 1870-х гг., ставшего затем, в 1880-е гг., одним из основоположников палестинофильского движения. Две первые части книги (изданы в 1876 г. под псевдонимом Целафхад бар Хушим) отражали опыт поколения 1860-х–1870-х гг., увлеченного идеями Гаскалы – Еврейского Просвещения, зародившегося в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. [Бештель 2006; Zinberg 1976, Vol. 8]. Второй составляющей, оказавшей влияние на формирование мировоззрения этой молодежи, была русская радикальная мысль, сочинения Добролюбова, Писарева и Чернышевского. «Русская идейная книга контрабандным путем стала находить себе доступ в старозаветные ешиботы и в проникутые казенным духом раввинские училища... началась идейная борьба “отцов” и “детей”», – писал об этой эпохе известный историк еврейской литературы С.Л. Цинберг [Цинберг 1915, с. 138].

Первые части книги Лилиенблюма, написанной по модели «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, повествуют о душевных страданиях героя, его раннем неудавшемся браке, по традиции устроенном родителями, невозможности соединить судьбу с близкой по духу женщиной, утрате прежней религиозности, стремлении вырваться из-под опеки своей среды, обрести светские знания. Опираясь на исследования А. Минца и Б.-А. Фейнгольда, Станиславский сопоставляет автобиографию с сохранившимся корпусом переписки и дневников Лилиенблюма, демонстрируя стремление автора путем сложной маскировки и намеков отразить не столько личную историю, сколько поучительную с идейной точки зрения духовную биографию поколения маскилим («просветителей», в буквальном переводе «вдумывающихся») [Stanislawski 2004, p. 62]. В первых двух томах герой-маскил предстает страдающим от обскурантизма

фанатичного окружения, жертвует всем, в том числе и любовью, ради служения идеалам Разума и светского знания.

Дальнейшая судьба Лилюенблума связана с его пребыванием в Одессе, куда он отправился в 1869 г. поступать на медицинский факультет университета, но реализовать мечту не удалось. Здесь он знакомится с радикальной русской литературой, сотрудничает в газете на иврите «Ha-Meliz» и в ее приложении на идише «Kol Mevasser». Разуверившись в возможности «примирить религию с жизнью», усвоив «идею полезности» Писарева, Лилюенблум встает в идейную оппозицию к своим прежним учителям – маскилим, критикуя их за отрыв от «реальной жизни». Пережитый шок от волны погромов 1881 г., разразившихся после убийства Александра II, привел его к новому убеждению: «на евреев всегда будут смотреть, как на “чужих”, и возрождение еврейского народа мыслимо только на исторической земле предков» (см. Derech Teschuba, 46)<sup>8</sup>. Этот идейный поворот Лилюенблум отразил в третьем томе своего автобиографического труда, изданном под названием «Путь раскаяния» («Дерех тешува», 1890), в котором просвещенческий романтизм 1870-х гг. был заменен «реалистической критикой», а идеалом провозглашалось «палестинофильство» (любовь к Сиону – предвестие сионистского движения) [Stanislawski 2004, p. 65–66].

Первые части книги Лилюенблума автор назвал «великой исповедью», но «она является исповедью не только “одного еврейского писателя”, как сказано в оглавлении, а целого поколения переходной эпохи», – писал Цинберг. – «...» Л[илюенблум] является одной из наиболее типичных и ярких фигур периода “великого надлома”. Его труды представляют значительный интерес для характеристики двух эпох в истории русского еврейства: эпохи 60-х годов с их порывом к новой жизни и 80-х годов, знаменующих собой крушение новых идеалов и последовавшее затем пробуждение и интенсивный рост национального движения»<sup>9</sup> [Zinberg 1978, Vol. 12, p. 210–226].

Идеи еврейско-немецких просветителей, оказавшие влияние на Лилюенблума, уроженца местечка Кейданы Ковенской губернии, сформировали и мировоззрение его земляка из соседних Жагор – Эмиля Мандельштама. Однако этот молодой человек отправился учиться в Германию, а не в российский университет, подобно Лилюенблumu или своему старшему родственнику Леону Мандельштаму в конце 1830-х гг. Вдохновленный идеями Гаскалы, Л. Мандельштам поступил в Московский университет, был первым

<sup>8</sup> Цинберг С.Л. Лилюенблум, Мойше-Лейб // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 16 т. Т. 10. СПб., 1911. С. 210.

<sup>9</sup> Там же.

евреем, получившим степень кандидата философии в Петербургском университете; служил в Министерстве народного просвещения (1846–1857), став одним из проводников правительственных реформ еврейского образования в России<sup>10</sup>. Свой путь из Жагор в Москву – от талмудической учености к европейской философской мысли – он описал в автобиографии и дневниковых записях 1839–1840 гг. (опубликованы в 1909)<sup>11</sup> Этот же путь в книге на иврите «*Hazon la-Moed*» («Пророчество нашего времени», 1876) представил его старший брат Вениамин Мандельштам<sup>12</sup>.

Среди сочинений, отразивших систему традиционного образования 1840-х–1850-х гг. и влияние идей Гаскалы, следует назвать автобиографию А.Г. Ковнера «Из записок еврея» («Исторический вестник», 1903, № 3, 4) [Ковнер 2000]. Уроженец Вильно, учившийся в нескольких иешивах (еврейских семинариях), Ковнер по совету знакомых маскилим отправляется в Киев, учит русский, читает русскую и европейскую литературу, осваивает труды западных позитивистов. Наибольшее впечатление на него производят идеи Писарева, на которых Ковнер выстраивает свои полемические статьи в еврейской печати (1860–1879), критикуя литераторов («отцов») за отрыв от реальной жизни, культивирование архаичного языка и устаревшего романтизма [Цинберг 1910]. Драматической жизни Ковнера, вступившего в переписку с Достоевским и Розановым, посвящена монография Л.П. Гроссмана «Исповедь одного еврея» (1924).

Традиционное религиозное воспитание Эмиля Мандельштама не отличалось от описаний, сохранившихся в мемуарных текстах Л. Мандельштама, Ковнера, Лилиенблюма или его сверстника Дубнова, тайком читавшего литературу Гаскалы [Дубнов 1998, с. 31–49]. Юный Эмиль Мандельштам был увлечен немецкой литературой и философией, в диалоге с которой развивались еврейско-немецкая Гаскала и научная школа *Wissenschaft des Judentums* («наука о еврействе») [Симон-Наюм 2006, Кацис 2002, с. 170–174]. Нельзя не вспомнить, что и Леон Мандельштам в ранней автобиографии отмечал свою приверженность немецкому Просвещению:

Я родился в 1819 г. ... в местечке Новых Жагорах, лежащем на границе Курляндской и Виленской губ., однако оно духовно отличается

---

<sup>10</sup> *Гинзбург С.М.* Из записок первого еврея-студента в России (Л.И. Мандельштам, 1839–1840 гг.) // *Пережитое*. СПб., 1909. С. 1–8.

<sup>11</sup> Там же. С. 13–50.

<sup>12</sup> *Цинберг С.Л.* Мандельштам, Вениамин Осипович // *Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона*: В 16 т. Т. 10. СПб., 1911. С. 590.

курляндским просвещением, и потому я имею обыкновение считать и называть себя курляндцем<sup>13</sup>.

В главе «Книжный шкаф» Осип Мандельштам пишет об отце: «Четырнадцатилетний мальчик, которого натаскивали на равнина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в высшую талмудическую школу... вместо талмуда читает Шиллера, и, заметьте, читает его как новую книгу». Далее он отмечает вторую составляющую, сформировавшую опыт поколения 1870-х гг., – общественную борьбу в России:

...Он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов, чтобы запомнить конспиративную молочную лавку на Караванной, откуда подводили мину под Александра<sup>14</sup>.

Оставив учение и занявшись торговлей, купец второй гильдии не забыл ни «причудливый синтаксис талмудиста», ни «философские термины Гердера, Лейбница и Спинозы»:

Религиозные интересы вытравлены совершенно. Просветительская философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм... и в перчаточной мастерской, и на кожевенном заводе проповедует... удивленным клиентам философские идеалы восемнадцатого века<sup>15</sup>.

Таким образом, речь идет не только о личных особенностях отца, но о формировании мировоззрения его поколения, отраженного в их понятийном языке, стиле мышления и важном для них корпусе литературно-философских текстов.

Вслед за главой «Книжный шкаф» следует – «Финляндия», где представлена еще одна еврейская семья Шариковых, потомков николаевских солдат, которым дозволялось проживание в «чистой от евреев Финляндии». Они держали лавку в «упрямом и хитром» Выборге, сохранявшем свой европейский уют и память о стране Суоми, о ней напоминала висевшая «в каждом доме... картинка»: «простоволосая девушка Суоми, над которой топорщится сердитый орел с двойной головкой, яростно прижимает к груди книгу с надписью: Lex – закон»<sup>16</sup>. Этот символический образ может быть прочитан как знак неразрывной связи исторической и современной Финляндии. В лавке Шариковых «пахло смолой и кожами,

<sup>13</sup> Гинзбург С.М. Указ. соч. С. 13.

<sup>14</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 67.

<sup>15</sup> Там же. С. 67.

<sup>16</sup> Там же. С. 64.

и хлебом, особым запахом финской лавки». «После жиденского Петербурга меня радовала эта прочная дубовая семья», – писал Мандельштам<sup>17</sup>. Однако упоминание о сбежавших с офицерами дочерях-красавицах воспринимается не только как избитый романтический сюжет, но как одна из примет эпохи «разлада» еврейской жизни, которой посвящена следующая глава «Хаос иудейский», открывающаяся образом новой эмансипированной еврейской женщины в шляпке, резко контрастирующим с «просто-волосой Суоми».

Обсуждение взглядов на роль женщины, борьба за свободный выбор ее судьбы – одна из волнующих тем европейской, русской, еврейской и русско-еврейской публицистики, литературы и драматургии 1860-х–1910-х гг. [Вальдман 2008, с. 57–61, 81–84]. Неслучайно одним из знаковых произведений эпохи стал цикл монологов Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» (1894–1914), рассказывающий о судьбах его пяти дочерей и переживаниях современного Иова [Роскис 2010, с. 269–270]. Упомянутая Мандельштамом повесть «Крейцерова соната», как и взгляды Толстого на семейный вопрос, рассмотренные в контексте еврейских реалий, нашли отражение в русско-еврейской литературе, из которой укажем на пьесы «толстовцев»: «Развод: из еврейской жизни» (1902) И. Тенеромо и Я. Гордина, написавшего для еврейского театра драму на идише «Di kreytser sonata» (1902), герои которой переезжают из России в Америку [Элиасберг 2018, Henry 2011]. Под названием «За океаном» она неоднократно ставилась на русской сцене, в том числе в Петрограде-Ленинграде 1917–1930-х гг.<sup>18</sup>

В «Шуме времени» контрастные женские образы помогают Мандельштаму обозначить суть рубежной эпохи: с одной стороны, музыкально одаренная, близкая ему по духу мать, учившаяся в русской гимназии, а с другой – бабушка по отцовской линии, воплощающая малознакомый мир. В главе «Книжный шкаф» он подробно рассказывает о том, как, пытаясь понять материнский «круг поколения», вчитывался в дорогие ее сердцу литературно-поэтические тексты, сформировавшие мысли и чувства молодежи 1880-х гг., вспоминал ее рассказы о виленском детстве. В то время как рижская «добрая бабушка, в черноволосой накладке на седых волосах и в капоте с желтыми цветочками» остается символом далекой старины<sup>19</sup>. В главе «Хаос иудейский» она представлена лишь внешним

<sup>17</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 63.

<sup>18</sup> Смирнова Т.М. Театральная жизнь многонационального Петрограда – Ленинграда: 1917–1941. СПб.: Чистый лист, 2016. С. 49, 72, 99, 102, 129.

<sup>19</sup> Мандельштам О.Э. Шум времени. С. 68.

описанием, подчеркивающим ее архаичность, подобную образам обитательниц «еврейского квартала» в Петербурге, где на Торговых улицах «попадают... женщины с выбивающимися из-под косынки накладными волосами»<sup>20</sup>.

Анализируя два автобиографических сочинения, Станиславский обращает внимание на использование слова «хаос» в иврито-язычной автобиографии Лилиенблюма, где глава о детстве названа «Yimei ha-tohu» («Дни хаоса»), а также в названии главы «Хаос иудейский» в русской книге Мандельштама [Stanislawski 2004, р. 56]. Очевидно, что мемуары Лилиенблюма поэт не мог знать в подробностях, однако отсылки к ним неоднократно звучали не только в русско-еврейской публицистике рубежа XIX–XX вв., но и в произведениях близко знакомого ему Семена Акимовича Анского, один из автобиографических рассказов которого «“Грехи юности” (страничка из воспоминаний)» (1910) повествовал о книге Лилиенблюма, вызвавшей гнев раввина в Лиозно; о ней постоянно рассуждают и герои его повести «Пионеры: повесть из эпохи 80-х гг.» (1905)<sup>21</sup>. Отметим, что понимание комплекса смыслов, которые вкладывались в слово «хаос» в контексте русско-еврейского мира, было не только доступно Мандельштаму, но получило отражение в композиции глав «Книжный шкаф» и «Хаос иудейский».

Древнееврейское «*tohuva-vohu*» – буквально: [земля была] «*безвидна и пуста*» – понимается как изначальный водный хаос, из которого Дух Божий творит мир, устанавливая порядок, разделяя небо и землю [Бытие 1:2]. Эта метафора неоднократно встречается в еврейской и русско-еврейской публицистике и литературе XIX в. как в ее фонетической передаче «тоху ва-воху» латиницей или кириллицей, так и с использованием греческого слова «хаос». В литературе еврейских просветителей первой половины XIX в. она использовалась для критики патриархального уклада, далекого от рационального европейского идеала. В последующие десятилетия служила для обозначения эпохи перемен, покачнувшей прежде незыблемые устои, т. е. эпохи, внесшей хаос в прежний стабильный мир – эпохи смятения умов, породившей конфликт «отцов» и «детей», которыми сопровождался процесс еврейской модернизации. Так, в записках Леона Мандельштама от 20 сентября 1839 г. словосочетание «хаос суеврия» используется для характеристики

<sup>20</sup> Там же. С. 65.

<sup>21</sup> *Ан-ский С.А.* Грехи юности // Ан-ский С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Просвещение, 1912. С. 243–255; *Он же.* Пионеры: повесть из эпохи 80-х гг. // Там же. Т. 3. СПб., 1912. С. 10–13, 43, 183, 224–225.

хасидской среды в Кейданах, в которой, несмотря на строгость устоев, начинают пробуждаться новые веяния<sup>22</sup>.

Подобный смысл находим в сатирической повести Герсона Баданеса (псевдоним Григория Евсеевича Гуревича (1854–1929?)) «Записки отщепенца» (Восход. 1884. № 3–6), содержащей прямые отсылки к произведениям Гоголя и Щедрина. Здесь излагается история трех «эпох» в жизни еврейских обитателей города Подвздошина: от патриархальных 1840-х–1850-х гг., «эпохи слияния» 1860-х–1870-х до переломных 1880-х гг., – которым соответствуют характерные типы общественных деятелей, модели образования и семейных отношений [Быть евреем в России 1999, с. 27–50].

Вначале был хаос, конечно, хаос и мрак густейший. Не было ничего сознательного: ни тротуаров... ни железной дороги, ни молитвенников на русском языке, ни тем паче студентов и студенток, адвокатов и акушерок... В семейном и общественном быту царствовал единовластно патриарх...<sup>23</sup>

Патриархальный уклад нарушил акцизник – тайный проводник идей немецкой Гаскалы, затем настало время «дельцов крымской кампании», железнодорожных деятелей и банкиров 1860-х гг. с их новым европейским лоском. В интеллектуальной сфере первенствовал «жмудянин» (от названия области Жмудь на северо-западе Литвы), гебраист, «странствующий талмудист», «знаток европейской литературы и немецкой философии», переведивший Байрона на древнееврейский язык, талантливый педагог, открывший молодежи в Подвздошине «беспредельное море современной универсальной науки». В 1860-е гг. политика русификации Западного края привела новых героев, познакомив подвздошенцев «с целым букетом из русской оранжереи». Сильное впечатление произвел на них разночинец Скоропостижный, «самый откровенный и интересный из всех своих собратьев». В результате «хедерный и синагогальный идеалы самого абстрактного свойства заменились реальным пониманием природы, силы, здоровья и естественной красоты»<sup>24</sup>.

Мы сделали истыми русскими, страдали болями их и обратили все свои способности и страсти на служение им. Мы прошли с ними все

---

<sup>22</sup> Гинзбург С.М. Из записок первого еврея-студента... С. 27–28.

<sup>23</sup> Баданес Г. Записки отщепенца // Быть евреем в России... Материалы по истории русского еврейства 1880–1890-е годы / Сост., заключ. статья и комментарии Н. Портновой. Иерусалим, 1999. С. 34.

<sup>24</sup> Там же. С. 43–44.

знаменательные моменты последнего времени. Мозг наш одинаково воспламенялся... <...> И мы... ринулись на борьбу с Зевсами... Борьба неравная, но роковая...<sup>25</sup>

«Южные бури» – погромы 1881–1882 гг., затронувшие свыше 160 населенных пунктов шести южных губерний, включая города Киев и Одессу, – вспышки антиеврейского насилия последующих лет, отрезвили многих, показав одиночество евреев не только перед толпой погромщиков, но и в среде народников, в которых они видели соратников по общей борьбе. С горечью рассуждает Баданес об «отщепенцах» – ассимилированной еврейской интеллигенции:

Мы сделались такими же русскими патриотами, как наши единоплеменники в Германии... и братья во Франции... Мы все более и более стали забывать колыбели, где мы родились... Новая же среда многих из нас... ассимилировала физиологически. Но не всех. У некоторых еще теплится огонек заветных воспоминаний. Эйле-тейлдейс [библ.; букв.: «вот история»] – сие есть происхождение отщепенца<sup>26</sup>.

Выведенную Баданесом духовную историю трех поколений условных «подвздошенцев» можно соотнести с созданными Мандельштамом литературными образами близкого ему окружения. Смена идейных течений в среде российского еврейства 1830–1910-х гг. подробно анализируется в историко-культурных работах Дубнова, Цинберга и Марек [Дубнов 1907, Цинберг 1915, Марек 1914].

Примерами использования слова «хаос» для обозначения времени смятения умов и распада устоев могут служить фельетоны Л. Леванды и С. Фруга в «Недельной Хронике Восхода». В «Скромных беседах о прошлогоднем снеге или о том, как гора родила мышь» (1885) Леванда<sup>27</sup> пишет о разложении еврейской общины и патриархальной семьи: «Вместе с общиной пал и ее регулятор... ее гений-хранитель – общественное мнение... Наступил хаос, анархия»<sup>28</sup>. В «Итогах» (1886) Фруга<sup>29</sup> рассказана печальная история ассимилированного семейства пани Липкиной, дочь которой сбежала с прапорщиком, и вскоре в ее богатый дом «на одной из

<sup>25</sup> Быть евреем в России... С. 44; Баданес Г. Записки отщепенца // Восход. 1884. № 6. С. 95–96.

<sup>26</sup> Быть евреем в России... С. 45–46; Баданес Г. Указ. соч. С. 99.

<sup>27</sup> Леванда Л. Скромные беседы о прошлогоднем снеге или о том, как гора родила мышь // Быть евреем в России... С. 52–60.

<sup>28</sup> Быть евреем в России... С. 54.

<sup>29</sup> Фруга С. Итоги // Быть евреем в России... С. 85–95.

аристократических улиц» ворвались погромщики. «В одну минуту рухнули все подпорки, на которых зиждился мишурный, жалкий мирок... <...> ...когда я стал разбираться в хаосе наших общественных течений и направлений, мне представилось, что я просыпаюсь от долгого... сна, в котором все виденное мной не имело никакой реальной почвы», – заключает рассказчик, размышляя о причинах и последствиях «встряски» 1880-х гг.<sup>30</sup> В статье «О смене направлений в русско-еврейской журналистике» (1899), входящей в цикл «Письма о старом и новом еврействе» (1897–1907), С.М. Дубнов рассматривает развитие идейных течений от эпохи 1860-х гг. с ее призывами к «слиянию» еврейских интересов с русскими вплоть до кризиса 1881 г., когда:

В еврейской журналистике водворился хаос. На первых порах будто все понятия перепутались... Над всем этим хаосом идей витала одна идея, выдвинутая горькою действительностью: идея перемещения центра [Дубнов 1907, с. 221].

Отметим, что для передачи идеи хаоса как конкурирующего выбора разных идейных направлений и жизненных стратегий в русско-еврейской публицистике и литературе использовались также понятия «надлома», «разлада» и «распада» [Элиасберг 2017]. Библейскую метафору в ее переводе на идиш «Цезайт ун-цешспрейт» («Разбросаны и рассеяны», 1905) Шолом-Алейхем выбрал для названия своей драмы о семействе купца Шаланта, дети которого выбирают разные дороги: старшие довольствуются мещанским благополучием, младшая дочь мечтает о курсах, один из сыновей уходит в революционное движение, другой становится сионистом. В 1911 г. ее русский перевод был издан под названием «Вразброд» [Элиасберг 2009, с. 233–235].

Писавший на иврите поэт Давид Фришман использовал библейскую метафору для названия полемической статьи «Тоһу ва-воһу» (1883), обличавшей архаичный язык еврейской литературы и журналистики того времени, призывая к усвоению современных европейских моделей<sup>31</sup>. О значении указанных сочинений Лилиенблюма и Фришмана для поколения 1870-х–1880-х гг. вспоминал историк Дубнов в «Книге жизни» [Дубнов 1998, с. 60–61, 89, 100]. В этом контексте можно рассмотреть и риторические вопрошания О. Мандельштама в главе «Хаос иудейский» в его попытке определить особенности отцовского «совершенно отвлеченного,

<sup>30</sup> Фруг С. Итоги // Быть евреем в России... С. 89, 92.

<sup>31</sup> Цинберг С.Л. Фришман, Давид Саулович // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 16 т. Т. 15. СПб., 1913. Стл. 454–455.

придуманного языка», как и природу его философских взглядов, эклектичность которых определялась самой эпохой формирования еврейской секулярной научной мысли, публицистики и литературы, так и ее нового языка [Харшав 2008, с. 57–77, 234–261].

Слово «хаос», а также метафору *тоху вавоуху*, характеризующие эпоху 1870-х – 1880-х гг., находим в мемуарной книге «Воспоминания бабушки: картины культурной истории евреев XIX в.» («Memoireneiner Grossmutter: Bilderausder Kulturgeschichteder Juden Russlandsim 19 Jahrhundert», 1908, 1910) Паулины Юлиевны Венгеровой (1833, Бобруйск – 1916, Минск), старшей родственницы Мандельштама по линии Вербловских. Фрагменты ее воспоминаний о начале реформ еврейского образования в 1840-е гг. опубликованы в «Восходе» (1902, № 10, 11). Мемуары были написаны в Гейдельберге, где Венгерова жила у сестер с 1900 по 1914 гг., переживая свое одиночество и боль за отделившихся от нее детей. Надежды она связывала с поколением внуков, которым и адресованы «Воспоминания бабушки». Повествование доведено до начала 1890-х гг. Из идейных течений, возникших после 1881 г., Венгерова выражала поддержку движению «Ховевей Цион», основанному Либиенблюмом и Пинскером<sup>32</sup>. Два тома ее книги были изданы в Германии: первый в 1908 с предисловием Г. Карпелеса, второй – в 1910; книга переиздавалась в 1913, 1919 и 1922 гг.; русский перевод опубликован в 2003<sup>33</sup>.

Мемуары Венгеровой охватывают полвека еврейской истории в России от 1840-х г. до 1892 – года кончины ее мужа. Большая часть посвящена детству и юности в религиозной семье, торжественной атмосфере еврейских праздников, традиционному сватовству и первым годам замужества. Вспоминая об «умно организованной жизни» в родительском доме, Венгерова писала: «Тогда не было того хаоса нравов, обычаев и систем, который нынче царит в еврейских домах. Наша жизнь была... сбалансирована, в ней... соблюдалось достоинство уникальной еврейской традиции»<sup>34</sup>. В центре ее размышлений – изменения, которые «претерпела еврейская семейная жизнь под влиянием европейского образования»:

Мы знакомились с немецкой и польской литературой, с великим рвением штудировали Библию и Пророков, гордились своей религией и традицией и ощущали глубинную связь с нашим народом... Но

<sup>32</sup> Венгерова П.Ю. Воспоминания бабушки: Очерки культурной истории евреев в России в XIX веке / Пер. с нем. Э. Венгеровой. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2003. С. 287–288.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Там же. С. 20.

каким тяжелым оказалось для нас время великого перелома – шестидесятые – семидесятые годы...<sup>35</sup>

В это время семья переезжает в Петербург, где у мужа была ответственная служба в банке. Круг ее забот был связан с учебой повзрослевших детей, определявших свое будущее, ради которого был сделан, с точки зрения матери, роковой выбор – крещение для возможности поступить в университет, что избавляло от «процентной нормы», ограничившей прием евреев:

Еврейская молодежь растворялась в чужой стихии. Ее лозунгом стала предельная ассимиляция. В еврейской жизни все полетело кувырком, царил настоящий хаос, *тоху вабоху*, но Дух Божий не носился над водами<sup>36</sup>.

В описании петербургской жизни у Венгеровой можно найти немало параллелей с текстом Мандельштама: утренние улицы с гимназистами и студентами, дети, гуляющие с гувернантками и боннами по Невскому и Морской, картины зимнего Петербурга, его «великолепные сани» и «драгоценные шубы»<sup>37</sup>. В центре ее повествования – изменения в образе жизни «верхнего слоя петербургских евреев» 1860-х – 1870-х гг. Несмотря на «великолепную синагогу» и образованных раввинов, «здешняя община во многом отошла от еврейской традиции. Богатые члены общины перенимали чуждые обычаи и чужие праздники, например Рождество. Из собственных праздников они сохранили только Судный День и Песах. Но и их они отмечали “по-современному”»<sup>38</sup>. В их домах еврейские книги «пылились в каком-нибудь старом деревянном сундуке», во время пасхальной трапезы вспоминали «не об исходе из Египта, а о собственном детстве в литовских местечках... о злободневных событиях, газетных новостях...»<sup>39</sup> Ее личная борьба за сохранение дорогих сердцу обычаев закончилась поражением: матери пришлось смириться с желаниями детей и мужа – «реформировать» себя и свой дом».

Тем не менее Венгерова отмечала, что в этом слое ассимилированных и даже крещеных евреев сохранялось чувство солидарности, готовность прийти на помощь бедствующим братьям в провинции, жертвовать на благотворительность, поддерживая сотни

---

<sup>35</sup> Там же. С. 14.

<sup>36</sup> Там же. С. 281.

<sup>37</sup> Там же. С. 268.

<sup>38</sup> Там же. С. 269.

<sup>39</sup> Там же. С. 269, 270.

нуждающихся. Описания Венгеровой помогают понять и созданный Мандельштамом образ старшего родственника с материнской стороны, выведенный в главе «Юлий Матвеевич»<sup>40</sup>. Участник семейных советов, успешный коммерсант 1860-х гг., без устали трудившийся в молодости, когда «округлялся его капитал» вместе с которым «росло и его эпикурейство», «настоящий еврейский генерал», читавший Меншикова и Ренана, был разорен, обманут и доживал свои дни в полном одиночестве. В русско-еврейской литературе подобные истории о поколении коммерсантов 1850-х–1870-х гг. отражены в произведениях Л. Леванды и Г. Богрова [Вальдман 2008, с. 54–57].

Паулина Венгерова была матерью Семена Афанасьевича Венгерова (1855–1920), воспоминаниями о котором в «Шуме времени» завершается глава «Книжный шкаф», описывающая расположение книг в кабинете отца: от нижних полок с его еврейскими и немецкими изданиями до «материнских русских книг»: «...Этот шкафчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови»<sup>41</sup> [Кацис 2002, с. 167–170]. С Венгеровым были связаны «гимназические воспоминания» матери о Вильно 1880-х гг. Мандельштам создает образ состарившегося ученого, иронично характеризуя его литературные труды в области русской словесности, подчеркивая, однако, его приверженность идеям народничества, отраженным в упомянутом здесь цикле статей «О героическом характере русской литературы» (1911).

Смысловой подтекст образа Венгерова у Мандельштама многозначен и может составить содержание отдельного исследования. Вклад Венгерова в историю русского литературоведения не подлежит сомнению, признан его коллегами и учениками, отмечавшими его 65-летний юбилей в апреле 1920 г., к которому была издана брошюра «Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова», написанная в стилистике справочного издания, где о семье сообщалось следующее: «Отец был директором банка в Минске, мать – немецкая писательница (Pauline Wengeroff, *Memoire einer Grossmutter*, 2 m Berlin, 1908–1910)»<sup>42</sup>. Детали этого восьмистраничного текста отражают нелегкий путь, пройденный ученым в его общественной борьбе, литературной и профессорской карьере, однако отсутствие упоминаний о еврейских корнях его семьи лишний раз подчеркивает глубину межпоколенческого разлада.

<sup>40</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 83–85.

<sup>41</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 57.

<sup>42</sup> Венгеров С.А. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Петербург, 1920. С. 3.

Отметим, что мемуары Венгеровой, передающие ее переживания и размышления о причинах, отдаливших детей от еврейского мира, позволяют понять мысли и чувства рижской бабушки Мандельштама, словно наделяя ее голосом и речью, от которой в «Шуме времени» осталось только слово «покушали», напоминающее гоголевских героинь. Эти воспоминания помогают представить и горькую досаду «голубоглазого деда» на своего внука, не усвоившего азов еврейской религиозной традиции, что было бы немислимо в его собственном поколении. Размышляя о пропасти, разделившей еврейские семьи, Венгерова подчеркивает ошибки «переходной эпохи» с ее поспешным стремлением к европейскому образованию. В главе «Третье поколение» она указывает на ложный путь, по которому пошли отцы, утратившие религиозное сознание и устранившие «из воспитания своих детей обычаи и ритуал», сожалеет о еврейских учителях, не сумевших привить ученикам глубокие знания еврейской традиции и культуры<sup>43</sup>. Вопросы образования – предмет многочисленных дискуссий в еврейской и русско-еврейской печати. Этой проблеме посвящена статья Дубнова «О национальном воспитании» (1902), в которой также обсуждается вопрос об учителях и путях приобщения молодежи, воспитанной в русских школах и гимназиях, к изучению национального языка, истории и культуры, чтобы «из современного идейного хаоса» вышли «самобытные творческие элементы» [Дубнов 1907, с. 151].

Приведенные страницы «Воспоминаний бабушки» соотносятся с изображением семейного уклада и подходам к воспитанию, которые описал Мандельштам в «Шуме времени», отразив точку зрения поколения «внуков», скорее скептиков, чем идеалистов. Его еврейский учитель, нанятый «в припадке национального раскаяния» обладал «чувством еврейской народной гордости», но ученик знал, что их окружение заставляет «прятать свою гордость»<sup>44</sup>. Этим скрываемым от внешнего мира чувствам противостоят воспоминания об открыто проявлявшейся национальной гордости французских и швейцарских гувернанток – бедных девушек, проникнутых «культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера» (главы «Бунты и французенки», «Книжный шкаф») <sup>45</sup> [Кацис, 2003, 538–545]. Нельзя не вспомнить, что и Венгерова в «Воспоминаниях бабушки» неоднократно заявляет о гордом сознании своей принадлежности к еврейству и иудаизму, осуждая компромиссное мировоззрение ассимилированных евреев Петербурга, которых называет «слабаками»<sup>46</sup>.

<sup>43</sup> Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 278.

<sup>44</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 57–58.

<sup>45</sup> Там же. С. 54–55, 58.

<sup>46</sup> Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 270.

Можно заметить и обратную переключку с рассуждениями Венгеровой о еврейских и «чужих» праздниках у представлявшего «третье поколение» Мандельштама, для которого понятной и радостной была зимняя и весенняя праздничная суета, а не духовная сосредоточенность еврейского нового года – Рош-Гашана, со следующими за ним десятью Днями Трепета и покаянных молитв, которые завершает Йом-Киппур (библ.: День очищения):

Крепкий румяный русский год катился по календарю с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей. А тут же путался призрак – новый год в сентябре и невеселые страшные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Йом-киппур<sup>47</sup>.

Эти воспоминания можно соотнести с сожалениями Венгеровой о выросшем «без традиции» поколении, которому остались «чужды... изливаемая в молитвах тоска по Сиону... и ритм еврейских праздников, когда за печалью неизменно следует радость»<sup>48</sup>.

Рубежная эпоха с ее смешением старого и нового отражена в структуре главы «Хаос иудейский», первый абзац которой строится на контрастных парных образах: эмансипированная еврейка родом из Шавли и бородатые «странствующие авторы... талмудические ученые, продавцы вразнос собственных печатных изречений. Они оставляли именные экземпляры и жаловались на преследования злых жен»<sup>49</sup> Незавидной участи еврейских литераторов, зависевших от своих меценатов, посвящен очерк Марек «История еврейского книгопечатания» [Марек 1888]. Жалобы на жен, не понимающих духовных устремлений своих мужей, неоднократно звучали в сочинениях маскилим, в автобиографиях Леона Мандельштама, Ковнера и Лилиенблюма. О подобном упоминает и Марек в «Воспоминаниях об отце», рассказывая о скептическом отношении своей матери к литературным занятиям мужа [Марек 1888].

Далее в первом абзаце главы «Хаос иудейский» убогим лавочкам Торговых улиц противопоставлена «пышная чужая смоковница» – синагога: «Еврейский корабль, со звонкими альтовыми хорами, с потрясающими детскими голосами, плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину». «Несокрушимой силе» песнопений кантора противостоит верноподданническая речь раввина на русском языке. Величест-

<sup>47</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 55.

<sup>48</sup> Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 277.

<sup>49</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 65.

венная служба и облачения молящихся контрастируют с «изящными движениями светских людей». Но в конце абзаца этим «господам в цилиндрах», барону Гинзбургу и Варшавскому, доверена особая символическая миссия – представлять молитву от имени всей общины: «за всех, по доверенности, по поручению всех, совершают что-то почетное и самое главное»<sup>50</sup>. Таким образом, синагога – «еврейский корабль» – собирает в единую общину самых разных своих прихожан [Кацис 2002].

Нельзя не обратить внимания и на то, что все герои: от девушки в шляпке до господ в цилиндрах – в тексте Мандельштама объединены единым ритмом значительного по своему объему абзаца, открывающего главу «Хаос иудейский». Вслед за ним идут рассуждения о языках и культурном багаже, сформировавшем мировоззрение родителей, сцены в доме у бабушки и дедушки в Риге и зарисовки рижского взморья с его «землей иудейской» – дозволенным для проживания евреев Дуббельном, где «висели пеленки и захлебывались гаммы», откуда открывался путь в большой мир музыки.

Какая нить протянулась от этих первых убогих концертов к шелковому пожару Дворянского собрания и щедедушному Скрябину... над которым висится, как щит, звукоприемник – странный стеклянный прибор<sup>51</sup>.

Таким образом, в структуре главы «Хаос иудейский» Мандельштам создал галерею евреев рубежной эпохи: от непоколебимых хранителей традиционного уклада до ассимилированной буржуазии, от «семенящих в сюртуках... чадолюбивых стариков» до величественных «господ в цилиндрах», от «женщин с накладными волосами» в лавочках Торговых до «рулад певцов» в «пахнущем пеленками еврейском Дуббельне». Эти контрастные образы подчеркивают эпоху хаотичного смешения столь разных еврейских типов и мировоззренческих направлений на рубеже столетий.

В контексте нашей работы особое значение приобретает образ С. Ан-ского, выведенный Мандельштамом в главе «Семья Синани» наряду с яркими и ироничными портретами деятелей народнического движения и эсеровской партии.

Семен Акимыч Анский совмещал в себе еврейского фольклориста с Глебом Успенским и Чеховым... Слушатели за ним бегали. Русско-еврейский фольклор Семена Акимыча в неторопливых чудесных рассказах

<sup>50</sup> Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 66.

<sup>51</sup> Там же. С. 70.

лился густой медовой струей. Семен Акимыч, еще не старик, дедовски состарился... от избытка еврейства и народничества<sup>52</sup>.

Для поколения рубежной эпохи фигура Ан-ского была ориентиром в поисках путей преодоления «хаоса» идейных разногласий, личного и национального кризисов. Приверженец Гаскалы в своей ранней юности, участник народнического движения 1880-х гг., личный секретарь П.Л. Лаврова в годы эмиграции в Париже (1894–1900), автор статей о процессе Дрейфуса, заставившего его, как и Т. Герцля, обратиться к размышлениям о судьбах еврейства, – писатель Ан-ский стал одним из тех, кто чутко отзывался на духовные запросы русско-еврейской интеллигенции [Roskies 1992; Safran 2010, p. 83–86]. Один из его ответов на вопрос о возвращении к нарушенной гармонии национальной жизни отражен в эскизе «Пасхальная мистерия» (1910), повествующем о старом доме, покинутом детьми, ушедшими в большой мир, и сыне, вернувшемся под родительский кров, чтобы вместе с отцом читать сказание об Исходе<sup>53</sup>. Мандельштам не идеализирует образ Ан-ского и остается ироничным по отношению к нему, как и ко многим своим героям, сравнивая его то «еврейским апостолом Петром на вечере», то с «нежной геморроидальной психеей» на фоне «истукана Михайловского», о которого «щелкали аграрный орех-крепкотук», словно подчеркивая сложный внутренний мир «Глеба Успенского из талмуд-торы»<sup>54</sup>.

Сопоставление «Шума времени» с автобиографическими сочинениями, художественными текстами русско-еврейских литераторов и историко-культурными очерками, обобщающими развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции 1840-х–1910-х гг., позволяет показать сходство их важнейших тем, связанных с осмыслением духовного опыта нескольких поколений еврейских «отцов» и «детей». В своей литературной «родословной» Мандельштам, подобно повести Баданеса и мемуарам Венгеровой, показывает смену семейных поколений: от патриархального деда, отца-маскила, ушедшего от еврейской традиции ради освоения европейского знания, и внука, воспитанного в русской культурной среде, но сознающего свою связь с «незнакомым утробным миром, откуда... вышел, которого... боялся... и бежал» – «иудейским хаосом» – сложным смешением идей и мировоззрений, сочетанием «старого» и «нового» в жизни современного ему еврейства,

<sup>52</sup> Там же. С. 95.

<sup>53</sup> *Ан-ский С.А.* Пасхальная мистерия // Ан-ский С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. СПб.: Просвещение. 1913. С. 287–292.

<sup>54</sup> *Мандельштам О.Э.* Указ. соч. С. 95.

«хаосом», не исчезнувшим вместе с «миражом» и «сном» Петербурга рубежной эпохи<sup>55</sup>. Мотив бегства от еврейских корней, как и возвращения к ним неоднократно звучал в литературе на иврите, идише, русском, немецком и других европейских языках, примерами таких текстов служат рассказы «Итоги» Фруга и «Пасхальная мистерия» Ан-ского. Структура, выбранная Мандельштамом для построения глав «Книжный шкаф» и «Хаос иудейский», отражает глубокое понимание им комплекса смыслов и ключевых понятий, использовавшихся в русско-еврейской среде для передачи межпоколенческих различий, путей еврейской модернизации и освоения русской культуры и языка, а также особенностей восприятия рубежной эпохи с ее хаотичным смешением разных мировоззренческих систем.

### *Литература*

---

- Бенбасса 2004 – *Бенбасса Э.* История евреев Франции / Пер. с фр. Г. Мельника. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2004. 430 с.
- Бештель 2006 – *Бештель Д.* Берлинская Гаскала // Тысяча лет культуры ашкеназов / Пер. с фр. Е.И. Лебедевой и Р.М. Капланова. М.: Текст, 2006. С. 322–325.
- Вальдман 2008 – *Вальдман Б.* Русско-еврейская журналистика (1860–1914): Литература и литературная критика. Рига: Центр изучения иудаики Латвийского ун-та, 2008. 360 с.
- Дубнов 1907 – *Дубнов С.М.* Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1907. 370 с.
- Дубнов С.М. 1998 – *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 672 с.
- Заламбани 2017 – *Заламбани М.* Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье», «Анна Каренина», «Крейцерова соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М.: РГГУ, 2017. 226 с.
- Кацис 2002 – *Кацис Л.Ф.* Осип Мандельштам: Мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2002. 598 с.
- Кацис 2008 – *Кацис Л.Ф.* Родословная Осипа Мандельштама: глава «Родословная» «Второй книги» Н.Я. Мандельштам и духовная родословная поэта // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества / Ред.-сост. И. Делекторская, О. Лекманов, Д. Мамедова, П. Нерлер. Вып. 4/2. М.: РГГУ, 2008. С. 319–339.
- Ковнер 2000 – *Ковнер А.Г.* Из записок еврея // Евреи в России: XIX век / Вступ. статья, сост., подготовка текста и коммент. В.Е. Кельнера. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 177–246.

---

<sup>55</sup> Там же. С. 55.

- Марек 1888 – *Марек П.* Из истории еврейского печатного дела в России // Восход. 1888. № IV. С. 76–91; № IX. С. 83–94.
- Марек 1914 – *Марек П.С.* Введение // История евреев в России: при ближайшем участии А.И. Браудо, М.Л. Вишницера, Ю. Гессена, С.М. Гинзбурга, П.С. Марекка и С.Л. Цинберга. Т. I. М.: Мир, 1914. С. 1–20.
- Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с поздне-имперской Россией / [авторизованный пер. с англ. и науч. ред. А.Е. Локшина]. М.: РОССПЭН, 2007. 461 с.
- Роскис 2010 – *Роскис Д.* Мост желания: Утраченное искусство идишского рассказа / Пер. с англ. Л. Черниной. М.: Текст: Книжники, 2010. 684 с.
- Симон-Наюм 2006 – *Симон-Наюм П.* Wissenschaft des Judentums // Тысяча лет культуры ашкеназов / Пер. с фр. Е.И. Лебедевой и Р.М. Капланова. М.: Текст, 2006. С. 326–332.
- Френкель Й. 2008 – *Френкель Й.* Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство: 1862–1917 / Пер. с англ. С. Ильина; Под общей ред. В. Левина. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2008. 846 с.
- Харшав 2008 – *Харшав В.* Язык в революционное время / Пер. с англ. Л. Черниной. М.: Текст, 2008. 476 с.
- Цинберг 1910 – *Цинберг С.Л.* А. Ковнер (Писаревичина в еврейской литературе) // Пережитое: Сборники, посвященные общественной и культурной истории евреев в России: В 4 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 130–159.
- Цинберг 1915 – *Цинберг С.Л.* История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Петроград: Тип. И. Флейтмана, 1915. 264 с.
- Шарль 2005 – *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Новое издательство, 2005. 325 с.
- Элиасберг 2009 – *Элиасберг Г.А.* Драматургия Шолом-Алейхема // Вопросы еврейской истории: Материалы XVI Ежегодной междунар. междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 2. Сэфер: Академическая серия. Вып. 26. М., 2009. С. 229–242.
- Элиасберг 2017 – *Элиасберг Г.А.* Повесть «Распад» и тема распада в прозе и драматургии С. Юшкевича // Труды по еврейской истории и культуре: Материалы XXIII Междун. ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 54. М., 2017. С. 476–493.
- Элиасберг 2018 – *Элиасберг Г.* Запреты и предписания, касающиеся семейной жизни в творчестве толстовца И. Тенеромо // Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2018. С. 274–294.
- Henry 2011 – *Henry B.* Rewriting Russia: Jacob Gordin's Yiddish Drama. Seattle and London: University of Washington Press, 2011. 229 p.
- Roskies 1992 – *Roskies D.* S. An-sky and the Paradigm of Return // The Uses of Tradition: Jewish Continuity in the Modern Era / Ed. by J. Wertheimer. New York and Jerusalem: The Jewish, 1992. P. 243–260.
- Safran 2010 – *Safran G.* Wandering Soul: The Dibbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2010. 353 p.
- Stanislawski 2001 – *Stanislawski M.* Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Berkeley-Los Angeles; London: University of California Press, 2001. 303 p.

- Stanislawski 2004 – Stanislawski M. *Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning*. Seattle-London: University of Washington Press, 2004. 224 p.
- Zinberg (1976–1978) – *Zinberg I. The History of Jewish Literature: In 12 vols. Vol. VIII–XII*. NY: KTAV.

## References

---

- Benbassa, E. (2004), *Istoriya evreev Frantsii* [History of the Jews of France], transl. from Fr. by G. Mel'nik, Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow; Ierusalim.
- Beshtel', D. (2006), "Berlin Haskala", *Tsytyacha let kul'tury ashkenazov* [A thousand years of Ashkenazi culture], tr. from Fr. by E.I. Lebedeva and R.M. Kaplanov, Tekst, Moscow, Russia, pp. 322–325.
- Dubnov, S.M. (1907), *Pis'ma o starom i novom evreistve (1897–1907)* [Letters on old and new Jewry (1897–1907)], tip. "Obshchestvennaya pol'za", Saint Petersburg, Russia.
- Dubnov, S.M. (1998), *Kniga zhizni: Vospominaniya i razmyshleniya: Materialy dlya istorii moego vremeni* [The Book of life: Memories and reflections: Materials for the history of my time], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Eliasberg, G. (2009), "Sholom Aleichem's Plays", *Voprosy evreiskoi istorii: Materialy XVI Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike* [Questions of Jewish history: Proceedings of the Sixteenth Annual International Conference on Jewish Studies], part 2: Sefer: Akademicheskaya seriya, iss. 26, ed. by V.V. Mochalova, Moscow, Russia, pp. 229–242.
- Eliasberg, G. (2017), "The novel 'Raspad' (break up) and the Issue of Decay in the Prose and Playwritings of S. Yushkevich", *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture. Materialy XXIII Mezhdunarodnoi ezhgodnoi konferentsii po iudaike, Akademicheskaya seriya* [Studies in Jewish History and Culture: Proceedings of the Twenty-Third Annual International Conference on Jewish Studies. Academic Series], iss. 54. Moscow, Russia, pp. 476–493.
- Eliasberg, G. (2018), "Prohibitions and Prescriptions about Family Life in the Work of the Tolstoyan I. Teneromo", *Zaprety i predpisaniya v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Prohibitions and Regulations in Slavic and Jewish Cultural Tradition], Ed. by O.V. Belova. Moscow, Russia, pp. 274–294.
- Frenkel', Y. (2008), *Prorochestvo i politika. Sotsializm, natsionalizm i russkoe evreistvo, 1862–1917* [Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917], tr. from English by S. Il'in, V. Levin (ed.), Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow, Ierusalim.
- Harshav, B. (2008), *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in Time of Revolution], Tr. from Engl. by L. Chernina, Tekst, Moscow, Russia.
- Henry, B. (2011), *Rewriting Russia: Jacob Gordin's Yiddish Drama*, University of Washington Press, Seattle and London.
- Katsis, L.F. (2002), *Osip Mandel'shtam: Muskus iudeistva* [Osip Mandel'shtam: The musk of Judaism], Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow; Ierusalim.

- Katsis, L.F. (2008), "Genealogy of Osip Mandelstam: the Chapter 'Genealogy' of the 'Second book' by N.Ya. Mandelstam and the spiritual pedigree of the poet", "*Sokhrani moyu rech'...*: Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva ["Keep my speech safe...". Notes of the Mandelstam society], I. Delektorskaya, O. Lekmanov, D. Mamedova, P. Nerler (eds.), iss. 4/2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 319-339.
- Kovner, A.G. (2000), "From notes of a Jew", *Evrei v Rossii: XIX vek* [Jews in Russia: 19th century], Intr. art., comp., prep. and comm. by V.E. Kel'ner, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 177-246.
- Marek, P.S. (1888), "From the history of Jewish printing", *Voskhod*, no IV, pp. 76-91; no IX, pp. 83-94.
- Marek, P.S. (1914), "Introduction", *Istoriya evreev v Rossii: pri blizhaishem uchastii A.I. Braudo, M.L. Vishnitsera, Yu. Gessena, S.M. Ginzburga, P.S. Mareka i S.L. Tsinberga*. [History of the Jews in Russia: with the close participation of A.I. Braudo, M.L. Vishnitzer, Yu. Hessen, S. M. Ginzburg, P.S. Marek and S.L. Tsinberg], vol. I, Mir, Moscow, Russia, pp.1-20.
- Nathans, B. (2007), *Za chertoi: Evrei vstrechayutsya s pozdne-imperskoi Rossiei* [Beyond the Pale: The Jewish encounter with late imperial Russia], tr. from English and ed. by A.E. Lokshin, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Roskies, D. (1992), An-sky and the Paradigm of Return, *The Uses of Tradition: Jewish Continuity in the Modern Era*, Ed. by J. Wertheimer, The Jewish, New York and Jerusalem, pp. 243-260.
- Roskies, D. (2010), *Most zhelaniya: Utrachennoe iskusstvo idishskogo rasskaza* [A bridge of longing: The lost art of Yiddish storytelling], tr. from English by L. Chernina, Tekst: Knizhniki, Moscow, Russia.
- Safran, G. (2010), *Wandering Soul: The Dibbuk's Creator*, S. An-sky, Harvard University Press, Cambridge, Mass.; London.
- Simon-Nayum, P. (2006), "Wissenschaft des Judentums", *Tsytyacha let kul'tury ashkenazov* [A thousand years of Ashkenazi culture], tr. from French by E.I. Lebedeva and R.M. Kaplanov, Tekst, Moscow, Russia, pp. 326-332.
- Sharl' K. *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France: the Second half of the 19th century], tr. from French by G. Galkin et al., Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 293-296.
- Stanislavski, M. (2001), *Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*, University of California Press, Berkeley; Los Angeles; London.
- Stanislavski, M. (2004), *Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning*, University of Washington Press, Seattle; London.
- Tsinberg, S.L. (1910), "A. Kovner (Pisarevshchina in Jewish Literature)", *Perezhitoe: Sborniki, posvyashchennye obshchestvennoi i kul'turnoi istorii evreev v Rossii* [Bygones. Collections devoted to the social and cultural history of Jews in Russia], in 4 vols., v. 2. Saint Petersburg, Russia, pp. 130-159.
- Tsinberg, S.L. (1915), *Istoriya evreiskoi pechati v Rossii v svyazi s obshchestvennymi techeniyami* [The history of the Jewish press in connection with social movements], Tip. I. Fleitmana, Petrograd.
- Val'dman, B. (2008), *Russko-evreiskaya zhurnalistika (1860-1914): literatura i literaturnaya kritika* [Russian-Jewish journalism: literature and literary criticism], Tsentr izucheniya iudaiki Latviiskogo universiteta, Riga.

Zalambani, M. (2017), *Institut braka v tvorcestve L.N. Tolstogo: «Semeinoe schastie», «Anna Karenina», «Kreitserova sonata»* [Institute of marriage in the works of Leo Tolstoy: “Family happiness”, “Anna Karenina”, “Kreutzer Sonata”], tr. from Italian by K. Land, RSUH, Moscow, Russia.

Zinberg, I. (1976–1978), *The History of Jewish Literature*, in 12 vols., vols. 8-12, KTAV, New York, USA.

### *Информация об авторе*

*Галина А. Элиасберг*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; [gaeliasberg@gmail.com](mailto:gaeliasberg@gmail.com)

### *Information about the author*

*Galina A. Eliasberg*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; [gaeliasberg@gmail.com](mailto:gaeliasberg@gmail.com)

УДК 81`255.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-120-135

Многодонная жизнь вне закона<sup>1</sup>,  
или  
Еврейские «инкрустации» у Манделъштама  
(заметки переводчика Осипа Манделъштама на иврит)

Петр Криксунов

*Иерусалим, Израиль, peterkriksunov@gmail.com*

*Памяти Майи Каганской*

*Аннотация.* В статье предлагается комментарий к ряду образов стихотворений О.Э. Манделъштама, восходящих, по мнению автора, напрямую к еврейским источникам: Торе, Талмудическим комментариям, иудейским похоронным и памятным молитвам, элементам синагогального отправления культа. Автор обнаруживает в стихах О.Э. Манделъштама акrostих слова «Тора», прямые цитаты из ежедневных молитв, надгробных слов и надписей. Это позволяет автору поставить вопрос о смысле обращения поэта к жене и будущей вдове Н.Я. Манделъштам.

*Ключевые слова:* Осип Манделъштам, Надежда Манделъштам, Тора, Талмуд, молитвы, мидраш, воронежские стихи

*Для цитирования:* Криксунов П. Многодонная жизнь вне закона, или Еврейские «инкрустации» у Манделъштама (заметки переводчика Осипа Манделъштама на иврит) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 120–135. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-120-135

---

© Криксунов П., 2019

<sup>1</sup> *Манделъштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 204.

Multi-bottom life outside the law,  
 or  
 Jewish “inlays” by Mandelstam  
 (notes of the translator of Osip Mandelstam in Hebrew)

Petr Kriksunov

*Jerusalem, Israel, peterkriksunov@gmail.com*

*In memory  
 of Maya Kaganskaya*

*Abstract.* The article offers a commentary on a number of images of poems by O.E. Mandelstam, ascending, according to the author, directly to Jewish sources: Torah, Talmudic commentaries, Jewish funeral and memorial prayers, elements of the synagogue worship. The author discovers in poems by O.E. Mandelstam the acrostic of the word “Torah” with direct quotes from Jewish daily prayers, funeral words and inscriptions. This allows the author to raise the question of the meaning of the poet’s appeal to his wife and future widow N.Ya. Mandelstam.

*Keywords:* Osip Mandelstam, Nadezhda Mandelstam, Torah, Talmud, prayers, midrash, Voronezh poems

*For citation:* Kriksunov, P. (2019), “Multi-bottom life outside the law, or Jewish ‘inlays’ by Mandelstam” (notes of the translator of Osip Mandelstam in Hebrew), *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6. pp. 120-135, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-120-135

Некогда царь Соломон счел необходимым отметить, что «нить, скрученную втрое» разорвать трудно (Кохелет (Екклесиаст) 4:12)<sup>2</sup>. Такой неразрывной, прихотливо витой нитью представляется тройственная суть поэтики Мандельштама. Мозги, по определению Клычкова и по собственному признанию Мандельштама, были у него еврейские, но стихи при этом – русские<sup>3</sup>. А символом его веры была тоска по мировой – точнее, западной! – культуре, по всем ее временам и периодам, от самых новых до древнейших, с упором на Средиземноморье, включая

<sup>2</sup> החוט המִשְׁלָשׁ לֹא בְמַהְרָה יִצָּתֵק (קהלת ד יב).

<sup>3</sup> Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС. 1999. С. 174.

христианство. При всем при том на любой из отдельно заданных вопросов по такому тройственному единству нам придется ответить отрицательно. Был ли Мандельштам гражданином западной культуры, и только? Нет, не был. Только ли писал стихи по-русски, или был абсолютно русским поэтом? Нет, таким его не назовешь. Но, может, он был поэтом иудейским, как определила его когда-то Майя Каганская?<sup>4</sup> Нет, к сожалению, тут тоже не получается, как бы ни хотелось. При всем при том каждая из нерасторжимых сторон этой тройственности несет свою любовь, свои глубины, свою историю, свою мощь, свое высокое достоинство – и все они сплетены воедино.

В силу известных обстоятельств сложилось так, что именно стержневая еврейская суть определенных стихов Мандельштама менее заметна (а подчас незаметна совсем!) читателю, малознакомому или вовсе не знакомому с еврейской традицией, ивритом, древней и новой историей евреев и классическими еврейскими текстами.

Но в самом ли деле «малейшее влияние юдаизма» переполняет всю мандельштамовскую поэзию так же, как крошка мускуса наполняет «весь дом»<sup>5</sup>? Больше нет, чем да, – но, одновременно и тотально, – «да» тоже, как это бывает у Мандельштама. В его случае иногда оказываются верны прямое и обратное утверждения одновременно. И еврейская «тема» у него все же стержневая.

Ниже приведем несколько ярких, временами неожиданных примеров, понимая, что составить цельную картину они изначально не могут, а способны лишь наметить некий общий пунктир. Некоторые из них известны и обсуждались в печати, но мы попытаемся их чуть-чуть углубить в нашем конкретном контексте. Правда, так или иначе, нам удастся чаще задавать вопросы, чем получать на них однозначные ответы.

---

<sup>4</sup> Каганская стала первым исследователем, отдавшим должное «еврейской составляющей» поэтики Мандельштама. Ее статья называлась «Осип Мандельштам – поэт иудейский» (журнал «Сион». 1977. № 20; опубликована также в сборнике ее эссе [Каганская 2014, с. 229–247].

<sup>5</sup> *Мандельштам О.* Указ. соч. Т. 1. С. 214.

## 1. Акростих «ТОРА»

Цикл на смерть Андрея Белого занимает достойное место среди замечательнейших стихов Мандельштама. И, кажется, мало кто замечал, что в одном из вариантов к нему скрывается некий радикальный акростих. А именно – слово ТОРА:

Толпы умов, влияний, впечатлений  
Он перенес, как лишь могущий мог:  
Рахиль глядела в зеркало явлений,  
А Лия пела и плела венки. (Январь 1934)<sup>6</sup>

Казалось бы – чистая случайность? Где еще мы видели акростихи у Мандельштама? Действительно, нигде. И ведь Тору он сам называет, как правило, Пятикнижием? Всюду, и в «Шуме времени»<sup>7</sup>, и в стихотворении «Я в львиный ров и в крепость погружен»<sup>8</sup>... Но ведь тут же еще оказались – вероятно, не просто по совпадению? – и библейские сестры Рахиль и Лия. Правда, Тарановский утверждает, что «эти два мандельштамовских образа не следует выводить прямо из Библии: М. их заимствовал из “Чистилища” Данте (XXVII, ст. 97–108)» [Тарановский 2000, с. 104], – и там же приводит соответствующие терцины в переводе Лозинского, которые прекрасно корреспондируют с мандельштамовским четверостишием. Но так ли уж категорично и совсем ни под каким видом «не следует» выводить эти образы именно из первоисточника – в свете указанного акростиха?!

Ну хорошо, пусть через Данте (а вдруг еще и через Вяч. Иванова, что тоже отмечалось исследователями?). Но ведь от этого Лия и Рахиль не перестают быть центральными персонажами самой Торы, на языке оригинала которой они, кстати, зовутся «ЛеА» и «РахЕль»! Может быть, и Данте был так люб Мандельштаму не только из-за своей поэтической гениальности и чарующей прелести итальянского языка, но и – в не меньшей степени! – из-за

<sup>6</sup> Там же. С. 192. Приведем список из собрания В.П. Абрамова, где акростиха последнего четверостишия основного варианта нет, зато появляется слово «европейской мысли» на месте нейтральной «Толпы умов, влияний, впечатлений...»:

И европейской мысли разветвленье  
Он перенес, как лишь могущий мог:  
Рахиль глядела в зеркало явления,  
А Лия пела и плела венки (Там же. С. 489).

<sup>7</sup> *Мандельштам О.* Указ. соч. Т. 2. С. 215.

<sup>8</sup> Там же. Т. 1. С. 227.

большей своей близости к Первоисточнику, несравненно большей, чем могла бы к нему когда-либо прикоснуться мандельштамовская современность? Вероятно, эта тема возникла, среди прочего, в беседах с Андреем Белым (автором «Глоссолалии», где обсуждается символика звуков первой строки Торы на иврите, т. е. Берешит (Книга Бытия)!) летом 1933 г. в Крыму, в доме отдыха писателей, где М. работал над «Разговором о Данте». Кажется, она прямо прописана в тексте:

Огромная взрывчатая сила Книги Бытия – идея спонтанного генезиса со всех сторон наступала на крошечный островок Сорбонны, и мы не ошибемся, если скажем, что Дантовы люди жили в архаике, которую по всей округности омывала современность, как тютчевский океан объемлет шар земной. Нам уже трудно себе представить, каким образом... вся библейская космогония с ее христианскими придатками могла восприниматься тогдашними образованными людьми буквально как свежая газета, как настоящий экстренный выпуск.

И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи горячего репортажа и страстного экспериментирования<sup>9</sup>.

Вероятно, потому-то она и попала в стихи на смерть Белого.

Создается ощущение, что здесь автор говорит и о себе тоже, как вообще зачастую происходит в «Разговоре о Данте». Правда, Мандельштам, к тому же, ощущал еще и родовую, кровную – и уж точно не менее страстную, чем дантовская! – связь с библейскими текстами.

Итак, в свете сказанного, акростих «ТОРА» вполне мог оказаться неслучайным<sup>10</sup>.

## 2. *«Я в львиный ров и в крепость погружен»*<sup>11</sup>

Это стихотворение «о певиче с низким голосом» содержит сразу три страстных библейских образа. «Львиный ров» – это пророк

<sup>9</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 2. С. 181–182.

<sup>10</sup> Укажем на статью, где постулируется вслед за К. Тарановским связь Писания и Данта, но с выводом, прямо противоположным нашему – не надо выводить Лию и Рахель этого стихотворения из Библии: [Безродный 2010, с. 216–218], однако в этой статье акростих окончательного варианта ТОРА не учтен, что уменьшает убедительность этой трактовки, делая ее более уместной для отброшенного поэтом варианта.

<sup>11</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 1, 227.

Даниил<sup>12</sup>, причем в первом лице: поэт слился со своей метафорой, почти физически погрузившись в толщу времен. «Пятикнижие» – оно и есть Тора, как отмечалось выше. А вот с «праматерью» дело обстоит не так просто. Певица, радиоголос которой вдохновил Манделъштама на это стихотворение, – известнейшая в свое время чернокожая американка Мариан Андерсон<sup>13</sup>. Но дело тут не в имени, и даже не в мировой известности, а именно в цвете кожи. К строке «Богатых дочерей дикарско-сладкий лик...» имелся вариант, контрастно подчеркивающий этот момент: «Всех **белых** дочерей дикарско-сладкий лик / Не стоит твоего – *праматери* – мизинца»<sup>14</sup>. И почему-то лишь немногие помнят (и Манделъштам в их числе!), что прекрасная ШуламИт (СуламИта) – первейшее и оригинальнейшее воплощение женской красоты, прелести, любви и страсти – была негритянкой: «Дочери Иерусалима! *Черна* я, но красива, как шатры КедАра, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я *смугла*, ибо солнце опалило меня» (Песнь песней Соломона 1:4-5)<sup>15</sup>. Вот потому-то она и «праматерь», а все, родившиеся вслед за ней, – только подобья. Потому-то ШуламИт, поющая по радио завораживающе-чернокожим голосом Мариан Андерсон, – не что иное, как «восторг вселенский»!

### 3. «Нет, не мигрень...»<sup>16</sup> – пунктир автобиографии и истории еврейского народа

Я читаю Манделъштама уже 50 лет, но понимание этого давно любимого стихотворения пришло относительно недавно. Началось оно со строки: «Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...» Возможно там, где-то под «палицей», прячется «палец», а точнее – «перст Божий» (раз уж тут фигурирует Небо), поскольку дело явно идет о судьбе? И перст-то он, конечно, перст, но какой? «Грозный, как палица». Значит, вероятно, наказующий? Или – угрожающий? Или, может быть, указующий? Или и то, и другое?

Тут на помощь приходит язык иврит. Оказывается, слова «Бог» – אֱלֹהִים и «палица» – אֶזְרָא – пишутся абсолютно одинаково,

<sup>12</sup> <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/da/6:1-28>

<sup>13</sup> Marian Anderson (1897–1993) – певица с богатым и очень низким контролем.

<sup>14</sup> Манделъштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 655. - - -

<sup>15</sup> שְׁחֹרָה אֲנִי וְנְאוּהָ, בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם; כְּאֶזְרָא קָדָר, כִּירִיעוֹת שְׁלֵמָה. אֶל-תְּרַאֲוֵנִי שְׁאֲנִי שְׁחֹרָת, שְׁשֹׁפְתַי הַשְּׁמָשׁ. (שיר השירים א, ה-ה).

<sup>16</sup> Манделъштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 159.

т. е. содержат идентичные согласные. Отличаются они только огласовками, которые при обычном письме принято опускать. Налицо тождество: оказывается, «Небо» и есть «палица»! Короче, речь идет об *указе и принуждении*, пейзаж исполнения которого рисуют следующие слова: «... земля, словно плешина, рыжая...» Что это, как не пустыня? И не блуждания по ней, длившиеся долгих 40 лет?

Итак: Господь повелел евреям в течение сорока лет странствовать по пустыне. Вот о чем здесь речь. И если бы при таком прочтении названной строки могли возникнуть сомнения, они, скорее всего, рассеются при внимательном взгляде на вторую (двустрочную) строфу данного стихотворения:

Жизнь начиналась в корыте картавою мокрою шопотью,  
И продолжалась она керосиновой мягкою копотью.

Ее можно понимать двояко. Во-первых, это самые ранние воспоминания еврейского ребенка. Его моют в корыте, ласково шепча ему что-то с характерным гортанным акцентом, скорее всего, на идиш. И «керосиновая копоть» – это, конечно же, тоже вполне еврейская детская «сажа» из «Египетской марки»:

Больше всего у нас в доме боялись «сажи» – то есть копоти от керосиновых ламп. Крик «сажа» – «сажа» звучал как «пожар», «горим» – вбегали в комнату, где расшалилась лампа. Всплескивая руками, останавливались, нюхали воздух, весь кишевший усатыми, живыми порхающими чайниками<sup>17</sup>.

Но, во-вторых, как ни странно, строка «Жизнь начиналась в корыте...» – это еврейский мидраш. Данный образ призван показать, что жизнь младенца-Мандельштама и жизнь евреев как единого народа начинались одинаково – «в корыте». А точнее, под сенью (угрожающе нависшего!) «корыта», в форму которого Бог преобразовал гору Синай, накрыв ею всю массу евреев, вышедших из Египта, в качестве крайнего ультиматума: «Склонил / навесил / опрокинул над ними гору, как корыто». (Вариант перевода: «Навязал им гору, как лохань [нависшую над ними угрозой мгновенной гибели]») (Вавилонский Талмуд, трактат Шабат, 88а)<sup>18</sup>.

Объяснимся: перед нами комментарий мудрецов Талмуда к центральному событию в еврейской истории и религии – Синайскому откровению. Именно тогда еврейский народ и был создан актом добровольно-принудительного принятия на себя заповедей Торы. А еще точнее, мы говорим о комментарии к стиху «И раз-

<sup>17</sup> *Мандельштам О.* Указ соч. Т. 2. С. 288.

<sup>18</sup> כפה הקדוש ברוך הוא עליהם את ההר כגיגית, ואמר להם: אם אתם מקבלים התורה – מוטב, ואם לאו – שם תהא קבורתכם. (בבלי, מסכת שבת – דף פח, עמוד א).

местились у подножия горы...» (Шмот (Исход) 19:17)<sup>19</sup>. Трактат Шабат поясняет идиоматическое выражение «опрокинул над ними гору, как корыто»<sup>20</sup> так: «Будет лучше, если примете Тору, иначе здесь будет ваша могила». Причем Тора была дана именно принудительно, под страхом смерти, несмотря на то что евреи сами изъявили желание ее принять. Расширенный комментарий говорит следующее: «Сыны Израиля получили Тору таким образом, чтобы она их всегда обязывала, даже если наступит время, когда у них уже не будет столь отчетливого осознания [что Тора дана им Всевышним]. Во время дарования ее на горе Синай они клятвой и *проклятием* приняли Тору – приняли на себя обязанность выполнять ее заповеди под страхом наказания, даже если не удержатся на том духовном уровне, на котором были тогда. Ведь у горы Синай все люди были как ангелы, “исполняющие слово Его, повинующиеся голосу слова Его” (Теилим, 103:20 (Псалмы 102:20))».

Вот в каком «корыте» начиналась жизнь еврейского народа – и еврея Осипа Мандельштама тоже.

И вот, в уже достаточно страшном советском 1931 г., поэт в том же стихотворении провидит будущее, ставшее для ряда граждан страны вполне настоящим:

«Пахнет немного смолою...» – это, конечно, лагеря, Соловки, где идет человекоубийственный лесоповал, а древесной смолой пахнут срубленные стволы. Да и «тухлая ворвань» тоже, пожалуй, оттуда же.

Дальше – еще не припомню – и дальше как будто оборвано:

Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...

Осталось отметить только две небольших, но существенных детали. «Ментоловый карандаш» можно было бы легко назвать МЕМЕНТОловым («вспоминательным») – латинское слово *temento* означает «вспоминай», «помни». Дело ведь вовсе не в мигрени, что в стихотворении настойчиво утверждается трижды. Названный «карандаш» – не что иное, как «магический объект», проектор индивидуальных и родовых исторических воспоминаний. Вариант раннего черновика: «Сонным обзором я жизнь воскрешаю...»<sup>21</sup>

<sup>19</sup> ...וַיִּתְּצֵבּוּ בְתַהֲתִית הַהָר (שמות יט ז).

<sup>20</sup> כִּפֶּה עַל-... [פְּלוּנִי] הָר כְּגִיגִית – букв.: «Накрыл кого-либо горой, как лоханью». Эта идиома существует и в современном иврите, в значении: «осуществлять на кого-либо сильнейшее давление».

<sup>21</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 476.

А «свист разрываемой марли» – авторская подпись, чуть ли не юридическое заверение подлинности всего сказанного выше: «Есть темная, с детства идущая, геральдика нравственных понятий: шварк раздираемого полотна может означать честность и холод мадаполама – святость» («Египетская марка»)<sup>22</sup>.

#### 4. «Канцона»<sup>23</sup> – провиденциальное восхождение в Страну Израиля. «СелА» и «сЭла»

О «Канцоне» немало написано, притом что Н.Я. Мандельштам, вероятно, первой указала на ее индивидуально-сионистскую сущность. Здесь «Мандельштам назвал страну, куда он рвался. Он ждал встречи с начальником евреев. Следовательно, умозрительное путешествие совершается в обетованную страну»<sup>24</sup>. Еще и Тарановский справедливо отметил [Taranovsky, с. 96] мандельштамовское восьмистишие<sup>25</sup>, где содержится прямое указание на реальную, практическую халуцианскую (т. е. пионерскую, как тогда называли первых поселенцев) деятельность евреев Палестины. Но, кажется, «Канцона» – единственное стихотворение во всем корпусе мандельштамовских текстов, где встречается слово, взятое из языка иврит и транслитерированное кириллицей: «села». Появляется оно в пятой строфе, представляющей собой, по нашему разумению, центр тяжести всего стихотворения:

Я покину край гипербореев,  
Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,  
Я скажу «села» начальнику евреев  
За его малиновую ласку.

В мандельштамовском двухтомнике (Mandelstam 1990/1) имеется следующий комментарий: «СелаА – древнееврейское слово, обозначающее паузу при исполнении псалма или молитвы, подчеркивающее такие чувства, как благодарение и превознесение Всевышнего, и мольбу о Его помощи и защите». Но как раз наиболее подходящее к контексту стихотворения значение слова «селаА» в данном комментарии не указано: «навсегда», «навек», «вовек веков». А встречается оно, именно в таком значении, в еврейской

<sup>22</sup> Там же. С. 277.

<sup>23</sup> Там же. Т. 1. С. 161.

<sup>24</sup> Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС. 1999. С. 618.

<sup>25</sup> Там же.

литургии вообще, и в частности в главной, обязательной, ежедневно-трехразовой молитве «Амида»<sup>26</sup>:

Ты свят, и Имя Твое свято, и святые каждодневно славят Тебя **вовечи веков**<sup>27</sup>.

Но, по нашему разумению, никак не похоже, чтобы «начальник евреев» имел какое-либо отношение к евангельской притче о «возвращении блудного сына», как утверждает Н.Я. Мандельштам в той же главе своей книги<sup>28</sup>. Нам представляется, что Мандельштам ведет здесь речь о человеке из плоти и крови, экилархе, называвшемся когда-то по-арамейски «реш галута», что означает «глава диаспоры». Причем двукратное упоминание «псалмопевца» и «царь-Давида» в двух соседних строфах (третьей и четвертой) – неслучайно именно потому, что неизменно высоко уважаемый всеми, в том числе и нееврейским окружением, «реш галута» должен был, согласно традиции, обязательно происходить из рода Давида. И не зря именно «псалмопевец» вручает «прозорливцу»-поэту свой уникальнейший дар – магический «бинокль» – «силой зренья» которого тот и совершает вожделенное восхождение в Страну, тем самым замыкая круг.

Единственная загвоздка заключается в том, что на иврите ударение в слове «села» всегда падает только на первый слог: «сЭла». Но, по сравнению с лексическим и культурным весом самого слова, такая просодическая деталь – не более чем легко поправимая мелочь. Поэтому, чисто теоретически, можно было бы предложить поэту простую перестановку в строке – без всякого ущерба для сути и звучания «Канцоны», но с единственной целью – сохранить правильное ударение:

\* «сЭла», – я скажу начальнику евреев  
За его малиновую ласку\*.

Однако, например, Тарановскому вышеприведенный литургический смысл слова «села» («навсегда», «вовечи веков»), видимо, известен не был. Исследователь считал, что

...значение ивритского слова [вообще] неясно. В латинской и церковнославянской Библии это восклицание пропущено, но в русском

<sup>26</sup> Электронная еврейская энциклопедия ОПТ: <https://eleven.co.il/>; верное значение со ссылкой на Ю.Л. Фрейдина см.: Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 603.

<sup>27</sup> "אֱתָא קָדוֹשׁ וְשִׁמְרָה קָדוֹשׁ וְקְדוּשִׁים בְּכָל יוֹם הַלְלוּ אֶת הַקָּדוֹשׁ" (מתוך תפילת העמידה).

<sup>28</sup> Кузин Б. Указ. соч. С. 619–624.

переводе псалмов восстановлено как *села*. Ясно, что русский текст Библии был источником для Мандельштама. Для него *села* тоже было «блаженным, бессмысленным словом» [Тарановский, с. 104].

А нам этот момент вовсе не так уж ясен. Тарановский не считал нужным обратиться к текстам еврейской литургии. Мы же считаем, что они, пусть иногда и «понаслышке», но были известны Мандельштаму намного лучше, чем это принято думать среди исследователей.

5. «*Может быть, это точка безумия...*»<sup>29</sup> –  
след еврейской литургии и традиции.  
«*Узел жизни*», «дом живущих, дом жизни»

Уже первые строки этого стихотворения многим представлялись загадочными:

Может быть, это точка безумия,  
Может быть, это совесть твоя –  
*Узел жизни*, в котором мы узнаны  
И развязаны для бытия.

«Безумия», если честно, там немного. Вероятно, оно – лишь псевдоним чего-то другого. Попробуем понять, чего. «Совести» ли? – Возможно. Причем, как увидим ниже, – скорей всего, «совести» еврейской: возможно, здесь высказано некое пожелание, обращенное к будущей вдове поэта.

А вот «*узел жизни*» – явный след еврейского похоронного ритуала и поминальной молитвы. Это – дословный перевод знакового ивритского словосочетания **צֶרֶר הַחַיִּים**.

Всякий, побывавший на еврейском кладбище, видел на надгробьях аббревиатуру: **.ה.ב.צ.ו.ה**. Раскрывается и переводится она так: «Да будет душа его/ее увязана в **узел жизни**»<sup>30</sup>. Это – стих из надгробной молитвы «Эль малэ рахамим»<sup>31</sup>. В последние годы мне казалось, что всякий, кто любит, знает и помнит стихи Мандельштама, должен при виде букв **.ה.ב.צ.ו.ה** немедленно подумать о стихотворении «Может быть, это точка безумия...». Но так не происходило, и не раз приходилось повторять этот «мой мидраш» заинтересованным друзьям и знакомым – особенно

<sup>29</sup> *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3-х т. М., Прогресс-Плеяда. 2009–2011. Т.1. С. 235.

<sup>30</sup> תְּהֵא נִשְׁמָתוֹ/הָ צְרוּרָה בְּצֶרֶר הַחַיִּים (מִן הַתְּפִילָה אֶל מְלֵא רַחֲמִים).

<sup>31</sup> Электронная еврейская энциклопедия ОПТ: <https://eleven.co.il/>

при посещении раз в год могилы Майи Каганской на Масличной горе в Иерусалиме.

К сожалению, на ее надгробье нет ивритских букв *.ל.י.א.ל.ל.* Там только по-русски выгравировано ее имя с датами и – начальная строфа стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням»<sup>32</sup>. Зато ивритские буквы есть на всех надгробьях вокруг. Мы читаем «Кадиш» и «Эль малэ рахамим», где Каганская названа своим ивритским именем: Майя бат Элиэзер. Как сказано в начале статьи, Майя стала первым исследователем, указавшим на стержневую еврейскую составляющую поэтики Мандельштама.

Тут я вынужден сделать автопризнание. Прежде всего сильнейший ранний ожог Мандельштамом (с подросткового возраста и на всю жизнь), и как результат – сорокалетние дружба и сотрудничество с Майей Каганской (вплоть до ее смерти в 2011 г.), пятилетняя дружба с «ясной Наташей» – Натальей Евгеньевной Штемпель (до моего отъезда в Израиль в 1976-м) и встреча с Н.Я. Мандельштам в январе 1974-го в Москве, – сформировали глубинное ядро моей собственной индивидуальной личности. Поэтому любой мой текст о Мандельштаме, включая переводы на иврит его стихов и прозы, вместе с комментариями к ним, – является в какой-то мере и автобиографией.

И поэтому же свое краткое предисловие-некролог к републикации в Москве Майиных воспоминаний о Н.Я. Мандельштам я и озаглавил «*Узел жизни*, в котором мы узнаны...»<sup>33</sup>. А как именно мы в нем «развязаны для бытия» – показывает моя собственная биография. Но в той публикации было неуместно разъяснять смысл глубоко-еврейской ментальной генетики столь частного моего заголовка – ведь вся та книга посвящена Н.Я. Мандельштам и воспоминаниям о ней.

А вот на днях мне довелось обнаружить<sup>34</sup>, что до мандельштамовского «*узла жизни*» уже несколько лет назад основатель-

<sup>32</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 109.

<sup>33</sup> Криксунов П. «Узел жизни, в котором мы узнаны...» // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Н.Я. Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015, С. 585–591.

<sup>34</sup> К счастью, поток работ о Мандельштаме (и его еврействе, в частности) в последние годы столь широк, что охватить его весь целиком не представляется возможным. И, может быть, в эту минуту его на научный язык «японец какой переводит, и в самую душу проник!» Поэтому, извиняюсь заранее, если не учел здесь каких-либо книг или статей с теми же примерами, что у меня. Справедливый призыв оставил благодарным потомкам в свое время великий Козьма Прутков: «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное!»

нейшим образом добрался Михаил Носоновский [Носоновский 2016]. В статье он справедливо отметил, что «узел жизни» (צֶרוּר הַחַיִּים) в еврейской традиции – это вместилище душ под Престолом Славы Господней. Немедленно меня поразил тот факт, что еще кто-то в мире, кроме меня, коснулся столь интимной точки в мандельштамовском стихотворении. Но это только к лучшему: изложенное в его обширной статье можно будет дополнить здесь тем важным (на мой взгляд), что необходимо еще сказать о поэтике позднего Мандельштама.

Печальный, прекрасный, радикально двойственный по своей природе и обязательно «дантовский» факт состоит в том, что в Воронеже было написано немало «посмертных» стихов. Мандельштам создал в них свой особый жанр двойственного «автопост-мортема». Природа его двойственна тем, что в таких стихах *деятельно живут* потусторонность с поюсторонностью одновременно, вместе. Жизнь живет в смерти, а смерть – в жизни. «Может быть, это точка безумия...» – ярчайший представитель этого жанра, возможно даже – поэтическое завещание. Его «дантовскость» вполне ощутима и по этому стихотворению, но на поверхность она выведена в несомненно парном<sup>35</sup> к нему «Я скажу это начерно, шопотом...»<sup>36</sup>, завершающемся строфой: «И под временным небом **чистилица** / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилице – / Раздвижной и *прижизненный дом*».

А что это за «прижизненный дом» за такой? А это еврейский традиционный поэтический эвфемизм, означающий не что иное, как «кладбище»<sup>37</sup> – בֵּית הַחַיִּים, что переводится буквально как «дом живущих», или «дом жизни». Он замечателен своей лаконичнейшей внутренней «оксюморонностью», характерной для мандельштамовской поэтики вообще. А ведь этот самый «дом» присутствует и в «Может быть, это точка безумия...», с которого мы начали! Вот он где: «...*Соберутся, сойдутся* когда-нибудь, / Словно гости с открытым челом, – // Только здесь, на земле, а не на небе, / *Как в наполненный музыкой дом...*» И это потому, что в книге Иова (30:20) имеется другой – близкий – эвфемизм для кладбища: «*дом собрания всех живущих*»<sup>38</sup>.

И весь фокус в том, что эта деятельная посмертная жизнь вообще нисколько не страшна! Нет, она на удивление нежна и – более того! – глубоко интимна. В самом деле, есть ли на свете что-нибудь

<sup>35</sup> Общеизвестно, что Мандельштам имел обыкновение писать стихи «двойчатками», а иногда и целыми «грибницами».

<sup>36</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

<sup>37</sup> Электронная еврейская энциклопедия ОПТ: <https://eleven.co.il/>

<sup>38</sup> כִּי-דַעְתִּי, מִוֶּתֶ תְּשִׁיבֵנִי וּבֵית מוֹעֵד לְכָל-חַי (אִיּוֹב ל כג).

более личное, более строго-индивидуально интимное, чем смерть? Кстати, интимность стихов этого жанра сам Мандельштам подчеркивал, называя их «*постельными*». Кажется, здесь налицо явно иронический авто-эвфемизм: «*постель*», «*ложе*» – на иврите מִשְׁכָּב (см. ниже, в конце поминальной молитвы «Эль малэ рахамим»). Хотя в комментариях Н.Я. Мандельштам это определение относится к другому стихотворению – «О, как же я хочу...»<sup>39</sup> – оно, несомненно, подходит и ко всем прочим стихам с похожим настроением.

Всякий внимательный читатель, прочитав воронежские стихи подряд, немедленно отметит среди них обилие «посмертных», начиная от «Да, я лежу в земле...»<sup>40</sup> и кончая «любовными» стихами к Н.Е. Штемпель<sup>41</sup>. Мы не станем заниматься ими всеми, а лишь отметим отдельно то яркое стихотворение этого жанра, где Данте назван прямо: «Слышу, слышу ранний лед...»<sup>42</sup>

При всем при том в этом замечательном жанре «дантовская» тема буквально сплавлена с еврейской, как мы отметили выше в истории с акростихом «ТОРА».

Возвращаясь к «Может быть, это точка безумия...», подчеркнем, что в одно это стихотворение попали сразу две «посмертных» еврейских идиомы: «**узел жизни**» и «**дом живущих**» («*дом жизни*»).

Но теперь подошло время попытаться мотивировать именно еврейский характер «совести», упомянутой там во второй строке. Нам представляется, что здесь заключена заветная и интимная просьба к своей будущей вдове о прочтении еврейских молитв на могиле. По крайней мере, одной из них. Той самой, где «*узел жизни*».

Насколько это было реально, даже просьба заказать Кадиш, сказать невозможно. Но в духовном мире поэта эта мысль явно присутствовала.

«Эль малэ рахамим»

Ниже приводим текст поминальной молитвы с полным еврейским именем поэта, завершая на этом наш краткий и неполный экскурс по еврейским «инкрустациям» у Мандельштама. Нам думается, что поэт, хотя бы иногда смутно, но помнил иврит и имел некоторое представление о еврейской литургии на этом языке.

אֵל מְלֵא רַחֲמִים שׁוֹכֵן בְּמִרְוָמִים, הַמְצִיא מְנוּחָה נְכוּנָה עַל כַּפְּי הַשְּׂכִינָה, בְּמַעְלוֹת קְדוֹשִׁים וְטְהוּרִים כְּזֹהֵר הַתְּרָקִיעַ מְזַהְרִים, לְנִשְׁמַת יוֹסֵף בֶּן יִחְזַקְיָאֵל שְׁהֵלֶּה לְעוֹלָמוֹ. <...> בְּגוֹן עֵדוֹן תְּהֵא מְנוּחָתוֹ. לָכֵן בְּעַל הַרְחָמִים יִסְתִּירֵהוּ בְּסֶטֶר כַּנְּפִי לְעוֹלָמִים, וְיִצְרֹר בְּצַדוֹר הַחַיִּים אֶת נִשְׁמָתוֹ. אֲדַנִּי הוּא נִחְלָתוֹ, וְיִנּוּחַ בְּשָׁלוֹם עַל מִשְׁכְּבוֹ, וְנֹאמֵר אָמֵן!

<sup>39</sup> Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 239.

<sup>40</sup> Там же. С. 199.

<sup>41</sup> Там же. С. 244.

<sup>42</sup> Там же. С. 220.

*Транслитерация (с ударениями):*

Эль малЭ рахамИм, ШохЕн ба-меромИм, һамцЕ менухА нехона  
 НА аль канфЕй һа-ШхинаА, бе-маалОт кдошИм у-теһорИм, ке-  
 зОһар һа-ракИа мазһирИм, ле-нишмАт **Йосеф бен Йехезкель**  
 ше-һалАх ле-оламО... бе-ГАН Эден теһЕ менухатО. ЛахЕн Бааль  
 һа-рахамИм ястирЭһу бе-сЭтер кнафАв ле-оламИм, ве-ййцрОр  
 би-црОр *һа-хайИм* эт нишматО. АдонАй һу нахалатО, ве-янУах бе-  
 шалОм аль мишкавО, ве-номАр амЕн!

*Перевод:*

Бог Всемилостивый, обитающий в высях! Дай обрести покой, уготованный под крылами Шхины [Обетования] на ступенях святых и чистых, лучащихся сиянием небосвода, – душе **Йосефа бен Йехезкеля** [Осипа Эмильевича Мандельштама], отошедшего в вечность. <...> Да обретет он покой в Саду Эденском. Посему да укроет его Властелин милосердия под сенью крыл Своих навеки и в *узел жизни* да увяжет душу его. В Господе удел его. Да почиет он на ложе своем в мире. И скажем: Амен!

*Литература*

- Безродный 2010 – *Безродный М.* «Он дирижировал...»: Материалы к комментарию [Электронный ресурс] // *Toronto Slavic Quarterly*. № 32. Spring 2010. P. 217–218. URL: [http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq\\_32\\_bezrodney.pdf](http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_bezrodney.pdf) (дата обращения 6 мая 2019).
- Каганская 2014 – *Каганская М.* Осип Мандельштам – поэт иудейский // Каганская М. Апология жанра. М.: Текст, 2014. С. 229–247.
- Носоновский 2016 – *Носоновский М.* «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия» – от эпиграфики к Мандельштаму и обратно // Заметки по еврейской истории. № 7 (193) июль 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer7/Nosonovsky1.php> (дата обращения 6 мая 2019).
- Тарановский 2000 – *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000.

*References*

- Bezrodney, M. (2010), “On dirizhiroval...”: Materialy k kommentariyu” [“He conducted ...”: Materials on the commentary], *Toronto Slavic Quarterly*, no. 32, Spring, pp. 217-218, [Online], available at: [http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq\\_32\\_bezrodney.pdf](http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_bezrodney.pdf) (Accessed 6 May 2019).
- Kaganskaya, M. (2014), “Osip Mandelstam – Judaic Poet”, Kaganskaya M. *Apologiya zhanra* [Apology of the genre], Tekst, Moscow, Russia, pp. 229-247.

Nosonovskii, M. (2016), “‘The knot of life in which we are recognized and untied for being’ – from epigraphy to Mandelstam and vice versa”, *Zametki po evreiskoi istorii* [Notes on Jewish history], no7 (193) July, [Online], available at: <http://berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer7/Nosonovsky1.php> (Accessed 6 May 2019).

Taranovskii, K. (2000), *O poezii i poetike* [On Poetry and Poetics], Yazyki russkoi kul'tury. Moscow, Russia.

*Информация об авторе*

*Петр Криксунов*, переводчик, независимый исследователь, Иерусалим, Израиль; peterkriksunov@gmail.com

*Information about the author*

*Petr Kriksunov*, interpreter, independent researcher, Jerusalem, Israel; peterkriksunov@gmail.com

Когда документ становится экспонатом:  
анализ экспозиции выставки  
«Тоска по мировой культуре...»:  
Библиотека О.Э. Мандельштама»

Ксения А. Рашковская

*Российский государственный архив литературы и искусства,  
Москва, Россия, [fornaleva@bk.ru](mailto:fornaleva@bk.ru)*

*Аннотация.* Статья посвящена экспозиции выставки «Тоска по мировой культуре...»: Библиотека О.Э. Мандельштама», ставшей не только попыткой реконструировать библиотеку Осипа Мандельштама по описанию вдовы поэта Надежды Яковлевны, но и визуализацией многолетних исследований ее кураторов в области мандельштамоведения и истории русской культуры. В широком смысле выставка посвящена вечной теме «поэт и книга», которая в данном проекте приобрела неожиданные грани, разворачиваясь в, казалось бы, известных сюжетах из жизни и творчества Мандельштама. Это происходит за счет удивительно точно «сработавшего» синтеза архивных и музейных выставочных практик, исследовательского азарта и стремления создателей выставки быть честными с посетителем и перед лицом истории. Особенно важную роль сыграли предложенные кураторами оригинальные интерпретации поэзии и прозы Мандельштама и представленные на выставке материалы, которые ранее не экспонировались и/или находились в закрытых архивных фондах. Классически выстроенная в хронологическом порядке экспозиция выставки, но сложная в своей структуре – со множеством сюжетных ходов и новых смыслов, – требует разбора после воплощения проекта. При его подготовке и реализации автор статьи выступала в качестве экспозиционера, поэтому данный текст является в том числе и попыткой самоанализа.

*Ключевые слова:* выставка, экспозиция, экспозиционный нарратив, архив, документ, экспонат, поэт и книга

*Для цитирования:* Рашковская К.А. Когда документ становится экспонатом: анализ экспозиции выставки «Тоска по мировой культуре...»: Библиотека О.Э. Мандельштама // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 136–149. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-136-149

When a document becomes an exhibit:  
an analysis of the exhibition  
“‘Nostalgia for world culture...’:  
The Osip Mandelshtam library”

Kseniya A. Rashkovskaya

*Russian State Archive of Literature and Art,  
Moscow, Russia, fornaleva@bk.ru*

*Abstract.* The article presents an analysis of the exhibition, which is not only an attempt to reconstruct Osip Mandelstam’s library by the description of his widow Nadezhda Yakovlevna, but also is a visualization of the many years researches by curators of the exhibition in the Mandelstam studies and the history of Russian culture. To wide extend, the exhibition is about the eternal theme of “the poet and the book”. But in this project, unexpected facets appeared, in seemingly well-known facts from the life and work of Mandelstam. This is due to the surprisingly accurate synthesis of archival and museum exhibition practices, research excitement and the aspiration of the exhibition creators to be honest in the face of history. The exhibition is arranged in chronological order, but its complex structure – with a lot of story beats and new meanings – requires parsing after the implementation of the project. During its preparation and realization, the author of the article acted as an exhibition manager, therefore this text is also an attempt at self-analysis.

*Keywords:* exhibition, exposition, exposition narrative, archive, document, exhibit, poet and book

*For citation:* Rashkovskaya, K.A. (2019), “When a document becomes an exhibit: an analysis of the exhibition “‘Nostalgia for world culture...’: The Osip Mandelshtam library”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 136-149, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-136-149

Современные архивы стремятся к обеспечению доступа к материалам, которые они сохраняют. Тотальная информатизация и компьютеризация архивной системы (электронный каталог, оцифровка описей, возможность удаленного заказа документов в читальный зал, оцифровка документов и представление их в Интернете, новые возможности копирования документов, в том числе собственными средствами пользователя, и т. д.) доказывают стремление архивов стать максимально открытыми. В статье «Общественная миссия российских архивов» руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова особое внимание уделяется проблеме доступа пользователей к архивным документам. «Свободный доступ информации, в том числе к

архивным документам – важное условие существования гражданского общества», – говорит глава Росархива [Артизов 2014, с. 3]. Именно в этой связи архивами создаются выставки, публикуются сборники документов, даются обзоры новых поступлений в фонды. Одним словом, архивы готовы к использованию документов, включающему разные формы коммуникации. По мнению известного российского историка-архивиста В.Н. Автокротова, «использование следует понимать как процесс актуализации документной ретроспективной информации, вызволение ее из состояния “покоя” и включение в современную общественную практику, согласно существующей потребности в ней» [Автократов 2001, с. 253]. Инициатором использования архивных документов является общество, поэтому можно сказать, что архивные выставки – это ответ на ту или иную информацию.

Запросы на документы из фонда О.Э. Мандельштама в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), большое количество исследований и публикаций о его жизни и творчестве, выставки последних лет свидетельствуют о неумывающемся интересе к фигуре одного из самых выдающихся творцов XX века. В Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля проходила выставка, приуроченная к 125-летию Осипа Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямокой...» (26 декабря 2015 г. – 27 марта 2016 г.)<sup>1</sup>. Летом 2016 г., также при участии ГМИРЛИ, была организована выставка «Осип Мандельштам. Слово и судьба» в Музее Фридриха Эберта (Гейдельберг, Германия)<sup>2</sup>. В Воронежском литературном музее имени И.С. Никитина один из разделов основной экспозиции посвящен воронежской ссылке поэта (существует с 2011 г.), а в 2015 г. там же проходила выставка «“Магия печатного слова” (Книги О.Э. Мандельштама и литература о нем)»<sup>3</sup>. Последние годы существуют также различные перевозные планшетные выставки, которые демонстрируются в областных музеях и образовательных учреждениях. Все эти проекты очень разные по содержанию и воплощению, каждый из них рассказывает свою историю о Мандельштаме, отражая определенный период или тему.

В 2016 г. РГАЛИ запланировал проведение выставки, посвященной Мандельштаму. То, как задумка была реализована, можно

---

<sup>1</sup> URL: [https://goslitmuz.ru/visitors/exhibitions\\_activity/current/1567/](https://goslitmuz.ru/visitors/exhibitions_activity/current/1567/) (дата обращения 01.05.2019)

<sup>2</sup> URL: <https://goslitmuz.ru/projects/229/2235/> (дата обращения 01.05.2019).

<sup>3</sup> URL: <http://muzeinikitin.vzh.ru/magiya-pechatnogo-slova-knigi-o-e-mandelshstama-i-literatura-o-nem> (дата обращения 01 мая 2019).

было увидеть с 14 декабря 2018 г., когда в Москве, в Еврейском музее и центре толерантности была открыта выставка «“Тоска по мировой культуре...”: Библиотека О.Э. Мандельштама»<sup>4</sup>. Кураторами выставки выступили директор РГАЛИ, доктор исторических наук Татьяна Горяева и директор лаборатории мандельштамоведения РГГУ, доктор филологических наук Леонид Кацис. Художественную концепцию разработала Василина Овчинникова. Выставка продлилась до 10 марта 2019 г. Посещение выставки было бесплатным, каждый посетитель основной экспозиции музея имел возможность познакомиться с уникальными архивными документами в рамках этой выставки. По официальным данным, за время работы выставки музей посетили около 45 тысяч человек.

Дать «определение» выставки очень трудно – она не биографическая: биография поэта приведена в виде фрагментов из дневников Анны Ахматовой, а биография Надежды Яковлевны Мандельштам дана выдержками из некролога, написанного Иосифом Бродским; документы самого Мандельштама (в том числе биографического характера) не преобладают, они уравновешены документами лиц из его или Надежды Яковлевны окружения. Назвать выставку литературной тоже нельзя, так как в экспозиционном нарративе сложно выделить какое-то конкретное произведение Мандельштама, все стихи и проза представлены как часть единой истории в связи с событиями жизни поэта и страны. По содержанию выставка документальная, так как основана на архивных материалах, но посвящена она не конкретному отрезку времени или событию, а тонкой системе смыслов, которая существует в кураторском видении и транслируется через экспозицию. Существенную долю экспонатов составляет хранящаяся в РГАЛИ библиотека Мандельштамов, представленная в экспозиции в качестве контекста, в котором жил и творил поэт. Скорее всего, эту выставку по жанру можно определить как архивная выставка-исследование, ведь она не только популяризирует исторические документы, но и является серьезным научным проектом.

Дадим краткое описание состава экспонатов:

- книги, принадлежавшие Мандельштамам и издания из библиотеки РГАЛИ, дополняющие их для реконструкции библиотеки поэта;
- автографы, прижизненные издания Мандельштама разных лет, опубликованные исследования, посвященные его творчеству и переводы, вышедшие после его гибели;

---

<sup>4</sup> *Эдельштейн М.* Дорогой многоуважаемый шкаф! // Лехаим [М., 2018]. URL: <https://lechaim.ru/events/dorogoj-mnogouvazhaemyj-shkaf/> (дата обращения 01 мая 2019).

- книги и документы Надежды Яковлевны Мандельштам, переписка и фотографии;
- документы некоторых других деятелей литературы и искусства.

Основа выставки – архив поэта, хранящийся в РГАЛИ, – фонд № 1893. Также были представлены важные для общего контекста отдельные документы из фонда Н.И. Харджиева – № 3145. Важно упомянуть, что экспонаты в витринах были представлены в подлинниках, цифровые копии дополнительных материалов были представлены в планшетных компьютерах, размещенных около витрин.

Тема «поэт и книга», от которой изначально отталкивались при разработке концепции выставки, включает в себя довольно много аспектов, которые в реальной жизни Мандельштама были затейливо, порой трагически переплетены: это те книги, которые были прочитаны им, независимо от того, на самом деле это происходило, или в воображении художника (как в случае с еврейской азбукой – подробнее см. ниже), его собственные произведения, до сих пор побуждающие исследователей искать истоки творчества в европейской и/или еврейской литературе, книги о нем, его переводы, книги о книгах, etc. Создатели выставки хотели показать эти сложные комбинации, разложив их на составляющие, на основы, которые демонстрируются при помощи архивных документов, отражая именно то, о чем напоминал Жак Деррида в работе «*Mal d'Archive*»: в основе слова *архив* лежит греческое “*архэ*”, т. е. первопричина, основополагающий принцип.

Экспозиция была разделена на несколько смысловых блоков, которые перекликались друг с другом и были условно разделены в пространстве небольшим расстоянием между витринами. Расположение витрин и стендов вдоль коридора, напротив друг друга, позволяло находиться всем экспонатам в едином пространстве, а посетителю выставки самому выбирать начальную точку осмотра. Ниже ее структура и краткое описание.

## 1. Вводная глава

Концептуально начало повествования было связано с заметками Надежды Яковлевны Мандельштам «О библиотеке О.Э. Мандельштама и его читательских пристрастиях», написанными в 1940-е – 1950-е гг.<sup>5</sup> Там приводится список книг, прочитанных поэтом в юности, купленных супругами в Воронеже во время ссылки, книг, которые продавались и затем восполнялись. По содержа-

<sup>5</sup> РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 687.

нию это источник, значимость которого невозможно переоценить. Также в этом разделе были представлены фотографии поэта и его жены в молодости, издания ее воспоминаний, гранки стихов Мандельштама 1920-х–1930-х гг. На отдельном стенде давалась краткая информация об архиве Н.И. Харджиева, который сохранил важные документы, связанные с Мандельштамом.

## *2. Итальянцы и немцы*

Этот раздел демонстрировал реконструкцию библиотеки и состоял из книг Мандельштамов и изданий из библиотеки РГАЛИ. Итальянцы и немцы, которых Мандельштам не только читал, но и переводил, – в выставке стали собирательным образом для Данте, Петрарки, Бокаччо, Гете, а вместе с ними Овидия, Шекспира, Тасса, Ариоста... В рамках выставки не экспонировалось ни одного мемориального предмета, но тем не менее был один вполне материальный объект, который выполнял символическую функцию, – это книжный шкаф, некий собирательный образ книжного *шкапа* поэта, который сочетал в себе и книжный шкаф отца поэта с классикой мировой литературы, описанный Мандельштамом в «Шуме времени», и наследие самого поэта, которое бережно хранила и собирала вдова, и книги ее воспоминаний, сквозь призму которых мы имеем искушение взглянуть на многие факты прошлого. Продолжением этого раздела был мультфильм с сюжетом из «Шума времени» с описанием книжного шкафа в доме отца поэта и страницами азбуки на идише, описанной Мандельштамом там же, но которую он не мог читать в детстве, так как вышла она лишь в 1916 г., когда Осипу Эмильевичу было 25 лет.

## *3. Русский XIX век*

«Стихи о русской поэзии» Мандельштама и книги классиков русской литературы – Державина, Языкова, Тютчева, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Веневитинова – находились в этой главе выставки в диалоге с литературой Серебряного века, которая была показана во всем разнообразии своих направлений. Дарственные надписи большинства книг Ахматовой, Гумилева, Белого, Хлебникова и других демонстрировали круг общения Мандельштамов в 1920-е годы.

#### 4. Несостоявшийся отъезд

В основном эта глава состояла из документов Надежды Яковлевны, центральным из которых стали ее анкеты и справки, собранные для оформления выезда в Израиль<sup>6</sup>. Здесь же было выделено два небольших подраздела: «Мандельштам и ...», в котором был представлен фрагмент из статьи Майи Каганской «Мандельштам и Хомяков»<sup>7</sup> и машинописные листы «Воронежских тетрадей» из фонда В.Т. Шаламова; а также «Сестры Глускины и И.Д. Амузин», который связывает воедино переписку Надежды Яковлевны с И.Д. Амусиным, С.П. Маркишом, С.М. Глускиной, статьей последней «Вдова поэта» в израильской газете «Пульс» (Хадера) и анализом стихотворения Мандельштама «*Среди священников левитом молодым...*».

#### 5. Инквизиция в Воронеже

В этом разделе создатели выставки не планировали детально рассказывать о ссыльных годах с 1934 по 1937 год. Важно было в рамках единого повествования продолжить заданные темы, документально подтвердив, что ссылка не стала затишьем в творческой жизни поэта. Документы показывают нам, что в этот период Мандельштам переводит Мопассана и Гете, делает о последнем передачу для юношества на воронежском радио, читает Парнаха – «Испанские и португальские поэты – жертвы инквизиции», переписывается с В.Д. Бонч-Бруевичем, который стремился приобрести архив поэта для литературного музея, но получил отказ.

#### 6. Киев и еврейский театр

Раздел посвящен еврейскому авангарду – здесь и художественная жизнь Киева в 1918–1919 гг., описанная Надеждой Мандельштам, и театральная жизнь Москвы середины XX в. в рисунках, фотографиях, автобиографиях. Авангардно выглядит и эскиз обложки мандельштамовского «Камня», сделанный Н. Шифриным в 1923 г.<sup>8</sup>, но который так и не стал обложкой. Свою встречу с Мандельштамами художник описал жене в письме, и события того же вечера нашли отражение в дневнике Михаила Кузмина – оба доку-

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 466.

<sup>7</sup> Там же. Ед. хр. 93.

<sup>8</sup> РГАЛИ. Ф. 2422. Оп. 1. Ед. хр. 84.

мента были представлены в витрине. «По деревянным мосткам невзрачного белорусского местечка – большой деревни с кирпичным заводом, пивной, палисадниками и журавлями – пробиралась долгополая странная фигура, сделанная совсем из другого теста, чем весь этот ландшафт» – так начинается очерк Мандельштама о Соломоне Михоэльсе, видном деятеле еврейского театрального искусства в СССР. Долгополую фигуру раввина на выставке можно было увидеть на странице небольшой книги «Скульптура» Иосифа Чайкова 1921 г., которая стала большой находкой для кураторов, выступив в качестве образа переломной точки в жизни героев выставки.

### *7. Парнок и Египетская марка*

Главный герой «Египетской марки» – Парнок – у многих ассоциируется с Валентином Яковлевичем Парнахом. Сопоставлению этих фигур посвящен подраздел этой главы выставки. В ход идут черновики мемуаров Парнаха «Пансион Мобэр»<sup>9</sup> и его переписка с Гнесиным. Вторая часть главы – это попытка ответить на «филателистический» вопрос – почему египетская марка – египетская – и почему – марка. Здесь в качестве основного материала предлагалось рассмотреть переписку М. Гнесина с сыном<sup>10</sup>, которую композитор периодически вел из Палестины.

### *8. Дело Уленишпигеля и Четвертая проза*

Раздел посвящен трагической истории с редактурой Мандельштамом произведения Шарля де Костера в переводе Горнфельда, которая была раздута Заславским и доведена его усилиями до скандала с судебным разбирательством. Этот сюжет на выставке был показан в свете неизвестных широкой публике документов и по-новому открыл этот сюжет для зрителя.

Коммуникация с посетителем выставки была выстроена за счет текстов к каждому разделу, которые предваряли знакомство с экспонатами, отсылали к текстам Осипа Эмильевича или Надежды Яковлевны. Важной задачей было не дать исчерпывающую информацию, не высказать слишком категорично мнение и лишить тем самым посетителя возможности самому сделать выводы, а составить эти тексты как направление, как путеводитель к каждому

<sup>9</sup> РГАЛИ. Ф. 2251. Оп. 1. Ед. хр. 43.

<sup>10</sup> РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 250, 251.

разделу. Визуально все текстовые планшеты были оформлены в строгом бело-черном дизайне и походили на разворот книги. Для каждого героя выставки была составлена краткая биография, отражающая основные вехи в его жизненном и творческом пути и показывающая точки пересечения с Манделштамами. С «предысторией» архивных материалов РГАЛИ, вошедших в экспозицию, можно было познакомиться, посмотрев посвященный Манделштаму выпуск передачи «Документальная история» с Татьяной Горяевой, который был доступен в виде проекции. Дополнительными, но весьма существенными элементами выставки стали видеоматериалы, которые транслировались в экспозиции, – это яркие мультипликационные фильмы, созданные художником Денисом Бышовцом. Они помогли «ожить» некоторым элементам экспозиции и тем самым визуализировали три важных смысловых узла, выделенных Л.Ф. Кацисом. Это мультфильм по мотивам еврейской азбуки Фейги Шаргородской, демонстрирующий одного из ее героев – мальчишку в картузе в его повседневном учении, а также разницу между описанным Манделштамом порядком – в азбуке это «седер» – и *хаосом иудейским* – в азбуке «ло седер», т. е., соответственно, порядком и беспорядком в комнатах детей с рисунков из книжки «Алеф-бет». Второй мультик – это видео с анимированным раввином из книги И. Чайкова «Скульптура», который шагает по белорусским просторам на фоне зданий синагог, наряженный как будто бы в театральный костюм, нарисованный Альтманом для ГОСЕТа. И, наконец, третье видео – рисованный «видеорепортаж» про приключения египетской марки, которая перелетает границы и пытается найти свое место, намекая зрителю, что именно она может указать на истинное положение вещей, описанных Манделштамом в одноименном загадочном произведении. Каждое из трех видео проектировалось на стене в соответствующем его теме разделе экспозиции.

В процессе проектирования экспозиции учитывалась специфика объекта показа. По сути, архивную выставку отличает от музейной онтологическое отличие архивного документа от предмета. Первый с момента своего поступления в архив имеет неразрывную связь с другими документами, причем не только в рамках фонда, в котором хранится, а и с другими документами, фондами, коллекциями, даже фондами других архивов, образуя информационную сеть, в которой каждый документ становится элементом «паззла», демонстрируя полноту информации только в единстве. Предел этой сети или фрагмент этой мозаики, который демонстрируется на выставке, определяется куратором. Известный художник и проектировщик Е.А. Розенблюм писал, что «в процессе

раскладок “пасьянс” экспонатов в определенный момент складывается так, что информации от групп экспонатов становится больше, чем сумма информации от каждого из экспонатов в отдельности. Эта дополнительная информация и есть суть экспозиционного комплекса» [Розенблюм 1997, с. 178]. Работа, проведенная кураторами выставки, – пересмотр документов и их рекомбинация – вносит изменения в отношения к архивному фонду как к единому целому, обеспечивая тем самым интертекстуальность. Из такого подхода, ставящего документы в экспозиции в состояние и конфликта, и диалога, что создает драматургию, которая несет в себе много метафорических возможностей, обычно вытекает то, что Бруно Латур описывает как «продуктивный каскад повторного представления». На мой взгляд, его уместно описать термином «ре-микс», который в своем исследовании применяют сотрудники Национального центра социальных исследований Франции М. Лё Ле, Д. Малаке и Н. Сижер [Le Lay, Malaquais and Siegert 2015, p. 29]. Создатели выставки «Тоска по мировой культуре...» умело использовали этот принцип. Каждый, кто проходил по длинному коридору музея, в котором располагалась экспозиция, как бы становился участником дискуссии: кто же главный герой этой выставки? Мандельштам, написанные им книги или их герои, или книжный шкаф поэта? А быть может, вдова и книги ее воспоминаний? Ответить на все вопросы создатели предоставили посетителю выставки. И посетитель, по всей видимости, понимал и принимал эти правила игры<sup>11</sup>. Ведь именно эта точка отсчета дает возможность определить ее смысловые координаты и расставить акценты в рассказанных в рамках одной выставки многих историях.

Еще один важный архивный принцип, реализованный в этой выставке, – это демонстрация дел в полном объеме, без изъятий. Если в единице хранения «Письма и открытки Д.И. Заславского к А.Г. Горнфельду»<sup>12</sup> хранится 15 листов, то они должны быть показаны все. Что и было сделано в разделе выставки «Дело Уленшпигеля и четвертая проза». Только так можно рассказать историю честно, не утаивая факты. Впервые показанные публике эти письма в полном составе взаимодействовали с другим важным документом – списком статей Д.И. Заславского за 1929 г., которые

---

<sup>11</sup> Гордон А. Как сохраняли речь: К 80-й годовщине со дня смерти Мандельштама Еврейский музей и центр толерантности представил сразу две выставки // Новая газета. [М., 2018]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/07/79119-kak-sohranyali-rech> (дата обращения 01.05.2019).

<sup>12</sup> РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 316.

он записал в своем дневнике<sup>13</sup> и которые вместе меняют образ Заславского в той непростой ситуации.

Подлинный документ является не просто материально зафиксированной информацией, он содержит символическую составляющую, которая особенно важна в свете информации о его источнике. Документ, обладающий уникальностью, имеет не меньшее эмоциональное влияние на человека, чем музейный предмет, а в некоторых случаях и большее, особенно когда речь идет о документе, доступ к которому был ранее закрыт. Именно это стало одним из интересных эпизодов в работе выставки. Описание Надеждой Яковлевной культурной жизни Киева в 1918–1919 гг. – основополагающий документ в разделе «Киев и еврейский театр». Фонд Харджиева, в котором хранится это свидетельство о жизни тех лет, частично закрыт по воле фондообразователя до 2019 г., поэтому при монтаже выставки указанный документ был помещен в витрину под покровом. Был оставлен лишь лист, служивший обложкой письму, на котором рукой Харджиева написано «Надька о художественной жизни Киева в 1918–1919 гг.». В январе 2019 г. документ был торжественно открыт и представлен широкой публике и специалистам.

Долгий период экспонирования выставки позволил на ее базе провести разнообразную культурно-просветительскую программу. Ко дню «открытия» в витрине письма Надежды Мандельштам к Николаю Харджиеву о художественной жизни Киева в 1918–1919 гг. было организовано мероприятие «Осип Мандельштам и Николай Харджиев. Встреча через 90 лет», на котором народная артистка России Чулпан Хаматова прочитала текст письма, а известный филолог, исследователь русского авангарда Александр Парнис прокомментировал содержание этого документа. Другим значимым культурным мероприятием стал показ документального фильма режиссера Елены Якович с рассказом Софии Богатыревой о тайне архива Мандельштама. За две недели до окончания выставки большую аудиторию собрал поэтический вечер, организованный Ю.Б. Орлицким. С чтением произведений Осипа Мандельштама и со своими стихами выступили известные поэты Владимир Аристов, Дмитрий Григорьев, Татьяна Грауз, Алла Горбунова, Данил Давыдов, Лев Оборин. На лекциях доктора филологических наук Юрия Борисовича Орлицкого «Стих Осипа Мандельштама: скрытое новаторство» и поэта, критика Данилы Михайловича Давыдова «Мандельштам и новейшая русская поэзия» слушателям была раскрыта роль фигуры и поэзии Мандельштама в XX в. с позиций

---

<sup>13</sup> Фонд РГАЛИ № 2846 является закрытым, и документы из него демонстрировались с разрешения наследников фондообразователя.

литературоведов и исследователей стихотворчества. Кроме того, все время работы выставки проходили кураторские экскурсии Л.Ф. Кациса для студентов РГГУ.

Еще в 2004 г. Т.М. Горяева обращала внимание коллег – архивистов, музейщиков, библиотекарей – на то, что «давно назрела потребность взаимодействия в современных условиях трех составляющих национальной памяти», а в XXI в. для этого существуют различные формы [Афанасьев 2004, с. 85]. Этот принцип активно реализовывался последующие годы в рамках выставочной деятельности РГАЛИ. В экспозиции выставки «Тоска по мировой культуре...» такой союз помог выстроить более полное повествование благодаря документам и книгам, любезно предоставленными различными институциями. Важное место в экспозиции заняли два печатных издания из фондов РГБ – «Алеф-Бет» Фейги Шаргородской и «Скульптура» Иосифа Чайкова. Институт мировой литературы им. А.М. Горького предоставил для выставки корректурные листы с авторской правкой «Второй книги» О. Мандельштама, а также цикла «Армения». Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме предоставили автограф Мандельштама – фрагмент статьи о Петре Чаадаеве. Из отдела рукописей РНБ были предоставлены цифровые копии дневника С.П. Каблукова, который был доступен для чтения в планшетном компьютере.

Архивы, библиотеки, музеи были созданы обществом для предотвращения утраты накопленных исторических источников, печатных изданий, реликвий цивилизации и природы, но в процессе исторического развития функция сохранения повлекла за собой необходимость трансляции знаний об объекте хранения, включая тем самым каждого члена общества в культуру и в процесс освоения исторической памяти. Эти институты памяти решают сейчас многие стратегические и повседневные, но не менее острые для общества и своего существования задачи. Для полноты осуществления функций каждым из них необходимо взаимодействие между собой. В том числе и поэтому архивы, стремясь к публичности, выходят на музейные площадки, экспонируя свои документы. В книге «Удел куратора» Карстен Шуберт пишет, что концепция музея, выросшая из стремления сделать элитарную культуру широкодоступной, трансформировалась в своего рода приспособленчество к вкусам и потребностям своего потребителя, оставляя за бортом тонкие и сложные вопросы [Шуберт 2016 с. 184–185]. К. Шуберт обращает внимание читателя, на то, что музей, который стремится к увеличению посетителей, сместив внимание с образования на развлечение, может преодолеть эту тенденцию за счет осуществления *кураторских* проектов. Снискав культурный и коммерческий успех, музей может позволить себе проекты «не для всех»,

полагаясь на своего посетителя и предоставляя ему возможность самостоятельно знакомиться и интерпретировать экспонаты. В этой связи важно иметь в виду, что в системе экспозиционной коммуникации документ требует гораздо большего внимания от посетителя выставки, чем предмет, так как информация о нем не исчерпывается внешними свойствами и этикеткой, в него нужно всмотреться, вчитаться. Современный музей уже не мыслится как хранилище культурных прототипов, обладающих авторитетом и нормативной властью, музей вовлечен в двусторонний диалог со своей аудиторией, что, в свою очередь, отвечает вызовам общества с его постоянным вопрошанием и ненасытной жадой нового, выбирая ключевым принципом интерпретацию, а не возведение абсолютных истин. «Тоска по мировой культуре...» – это архивная выставка, которая полностью соответствует всем принципам «нового» музея за счет того потенциала, который несет в себе архивный документ, за счет принципов работы архивиста по представлению документа и за счет кураторского видения рассказываемой в экспозиции истории, важным элементом которой становится каждый посетитель. Важно, чтобы были созданы условия, в которых экспонируемый подлинник интерпретируется как куратором выставки, так и зрителем, что позволяет документу проявить все многочисленные грани, значения. Анализируя с этих позиций выставку «Тоска по мировой культуре...», можно оценить ее высокую информативность, оригинальное содержание и удачное дизайнерское исполнение экспозиции.

### *Литература*

---

- Автократов 2001 – *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
- Артизов 2014 – *Артизов А.Н.* Общественная миссия российских архивов // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 3–10.
- Афанасьев 2004 – *Афанасьев М.Д., Горяева Т.М., Силаева З.А. и др.* Дискуссия вызвана взаимным интересом // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 75–86.
- Розенблюм 1997 – *Розенблюм Е.А.* Время и пространство в музейной экспозиции, или 30 лет спустя // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол. Новосибирск, 2013. С. 236–248.
- Шуберт 2016 – *Шуберт К.* Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Archive 2015 – *Archive (re)mix.* ed. Le Lay. M. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015. 242 p.

## References

---

- Afanas'ev, M.D., Goryaeva, T.M., Silaeva, Silaeva, Z.A. et al. (2004), "The discussion is caused by mutual interest", *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp.75-86.
- Artizov, A.N. (2014), "Public mission of the Russian archives", *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 3-10.
- Avtokratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical problems of archival studies in Russia], RGGU, Moscow, Russia.
- Le Lay, M., Malaquais, D. and Siegert, N. (2015), *Archive (re)mix*, Presses Universitaires de Rennes, Rennes, France.
- Rozenblyum, E.A. (2013), "Time and space in a museum exposition or 30 years later", in I.V. Chuvilova (ed.), *Novatsii v muzeinom mire. Muzei kak kommunikatsionnyi protokol* [Innovations in the museum world. Museum as a communication protocol], Novosibirsk, Russia, pp. 236-248.
- Shubert, K. (2016), *The destiny of a curator. The concept of the museum from the Great French Revolution to the present day*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

## Информация об авторе

Ксения А. Рашковская, Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, Россия; 125212, Россия, Москва, Выборгская, д. 3, к. 2; fornaleva@bk.ru

## Information about the author

Kseniya A. Rashkovskaya, Russian State Archive of Literature and Art, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 3, Vyborgskaya Street, Moscow, Russia, 125212; fornaleva@bk.ru

Дизайн обложки

*Е.В. Амосова*

Корректор

*Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка

*М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 25.07.2019.

Формат  $60 \times 90^{1/16}$ .

Уч.-изд. л. 9,8. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 802

Издательский центр  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125993, Москва, Миусская пл., 6

[www.rggu.ru](http://www.rggu.ru)

[www.knigirggu.ru](http://www.knigirggu.ru)